

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
"Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова"

Научный журнал

Издаётся с 2001 года

(до 1 января 2012 года – "Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки")

Выходит 6 раз в год

СЕВЕРНОГО (АРКТИЧЕСКОГО)
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47126
выдано 11 ноября 2011 года
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписной индекс журнала – 38555

Главный редактор **В.И. Голдин**

Редакционный совет:

И. Брок (Норвегия),
А.В. Головнёв,
Д.С. Дюррант (Канада),
А.Л. Кудрин,
В.А. Садовничий

Редакционная коллегия:

Л.В. Баева, Л.И. Богданова, С.В. Борисов,
В.Н. Гончаров, И.В. Дёмин,
Т.Ю. Загрязкина, Н.А. Илюхина,
Д. Кемпер (Германия),
А.В. Колмогорова, Н.И. Коновалова,
А.Г. Лошаков,
А.А. Мёдова, Й.П. Нильсен (Норвегия),
М.Ю. Опенков, А.В. Петров, Р.Г. Пихоя,
Ю.В. Попков, А.М. Прилуцкий,
А.В. Репневский, К.Я. Сигал,
Б.Г. Соколов,
Ф.Х. Соколова (зам. гл. редактора),
Н.М. Терехин,
Е.В. Угрюмова (отв. секретарь),
П.В. Фёдоров,
М. Фрейм (Великобритания),
Л. Хейнинен (Финляндия),
К. Хин (Норвегия),
О.С. Чеснокова, А.В. Чуудинов,
А.Е. Шапаров, Л.Ю. Щипицина

СЕРИЯ
"Гуманитарные и социальные науки"

Т. 22,
№ 6 / 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Верисова А.Д. Тибетская проблема в китайско-американских отношениях 2009–2012 годов.....	5
Емельянова Е.Н. Сущность и причины войн в социал-демократической мысли XX–XXI веков.....	16
Голдин В.И. 100 лет СССР и 30 лет без СССР: уроки истории и современность (обзор).....	25

ЛИНГВИСТИКА

Нимаева Э.З. Предикативный синтаксис: норма и девиантность спонтанной речи (на материале бурятского языка).....	38
Мурашова Е.А., Поленова Г.Т. Речевые средства коммуникативного контакта в современном русском языке.....	47
Басова Т.А. Отфразеологические составные лексемы английского и японского языков с соматическим компонентом в сопоставительном аспекте.....	56

ФИЛОСОФИЯ

Поросенков С.В. Принцип материального единства мира в мире плюрализма.....	66
Мартин Э. Идея сверхчеловека в философии Ф. Ницше: новые ценности за гранью человечности.....	74
Железняк В.Н., Политов А.В. К вопросу об авторе и герое в философской антропологии М.М. Бахтина раннего периода...	83
Касимов Р.Х. Нация и цивилизация: классические дистинкции...	94
Лебедь Е.С. Проблема техники и технологизации современных процессов сквозь призму методологии Мартина Хайдеггера.....	102

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор
М.Г. Аверина

Ведущий редактор
И.В. Кузнецова

Переводчик
С.В. Бирюкова

Документовед
Е.В. Орёл

Верстка
О.В. Деревцовой

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Адрес издателя:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17
Тел.: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Адрес редакции:
163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17,
ауд. 1336
Тел.: +7 (8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Выход в свет 23.12.2022.
Бумага писчая. Формат 84×108 ¹/₁₆.
Усл. печ. л. 13,76. Уч.-изд. л. 11,96.
Тираж 1000 экз. Заказ № 8169.

Адрес типографии:
Издательский дом имени В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, 56

Свободная цена

© САФУ имени М.В. Ломоносова, 2022

Усов А.А. Триада «природа – человек – культура» в конструировании геокультурного пространства Русского Севера..... 109

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Федуленкова Т.Н. Вопросы композиции текста..... 119

Указатель статей, опубликованных в журнале в 2022 году..... 124

Наши рецензенты..... 127

К сведению авторов..... 129

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov"

Scientific journal

Published since 2001

(Until January 1, 2012 – Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences)

Issued bi-monthly

OF NORTHERN (ARCTIC) FEDERAL
UNIVERSITY

Registration certificate
PI no. FS77-47126
issued on November 11, 2011
by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Communications
(Roskomnadzor)

Subscriptional index of the journal – 38555

Editor in Chief **V.I. Goldin**

Editorial Council:

I. Broch (Norway),
A.V. Golovnev,
J.S. Durrant (Canada),
A.L. Kudrin,
V.A. Sadovnichy

Editorial Board:

L.V. Baeva, L.I. Bogdanova, S.V. Borisov,
V.N. Goncharov, I.V. Demin,
T.Yu. Zagryazkina, N.A. Ilyukhina,
D. Kemper (Germany),
A.V. Kolmogorova, N.I. Konovalova,
A.G. Loshakov,
A.A. Medova, J.P. Nielsen (Norway),
M.Yu. Openkov, A.V. Petrov,
R.G. Pikhoya, Yu.V. Popkov,
A.M. Prilutsky, A.V. Repnevsky,
K.Ya. Sigal, B.G. Sokolov,
F.Kh. Sokolova (Deputy Editor in Chief),
N.M. Terebikhin,
E.V. Ugryumova (Executive Secretary),
P.V. Fedorov, M. Frame (UK),
L. Heininen (Finland),
K. Heen (Norway),
O.S. Chesnokova,
A.V. Chudinov, A.E. Shaparov,
L.Yu. Shchiptsina

SERIES
"Humanitarian and Social Sciences"

Vol. 22,
No. 6 / 2022

CONTENTS

HISTORY

Verisova A.D. The Tibet Issue in China–United States Relations, 2009–2012.....	5
Emel'yanova E.N. The Essence of and Reasons for War in the Social Democratic Thought of the 20th and 21st Centuries.....	16
Goldin V.I. 100 Years of the USSR and 30 Years Without the USSR: Historical Lessons and the Present (Review).....	25

LINGUISTICS

Nimaeva E.Z. Predicative Syntax: Norm and Deviance of Free Speech (Based on the Buryat Language).....	38
Murashova E.A., Polenova G.T. Verbal Means of Communicative Contact in Modern Russian.....	47
Basova T.A. A Comparative Analysis of English and Japanese Compounds with a Somatic Constituent Derived from Phraseological Units.....	56

PHILOSOPHY

Porosenkov S.V. The Principle of Material Unity of the World in the World of Pluralism.....	66
Martin E. The Idea of the Overman in F. Nietzsche's Philosophy: New Values Beyond Humanity.....	74
Zheleznyak V.N., Politov A.V. On the Question of Author and Hero in M.M. Bakhtin's Philosophical Anthropology of the Early Period.....	83
Kasimov R.Kh. Nation and Civilization: The Classical Distinctions	94

CONTENTS

Editor
M.G. Averina

Managing Editor
I.V. Kuznetsova

Translator
S.V. Biryukova

Document Manager
E.V. OreI

Make-up by
O.V. Derevtsova

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the list of Russian reviewed scientific journals, in which major scientific results of theses for academic degrees of doctor and candidate of science have to be published

Publisher's address:
nab. Severnoy Dviny 17,
Arkhangelsk, 163002
Phone: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Editorial office address:
nab. Severnoy Dviny 17, room 1336,
Arkhangelsk, 163002
Phone: +7 (8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Publication date 23.12.2022.
Writing paper. Format 84x108 1/16.
Conv. printer's sh. 13.76.
Acad. publ. sh. 11.96.
Circulation 1000 copies. Order no. 8169.

Printer's address:
NArFU Publishing House named after V.N. Bulatov
ul. Uritskogo 56, Arkhangelsk, 163060

Free price

© NArFU named after M.V. Lomonosov, 2022

Lebed' E.S. The Problem of Technology and Technologization of Modern Processes Through the Prism of Martin Heidegger's Methodology.....	102
Usov A.A. The Nature–Human–Culture Triad in the Geocultural Space Construction of the Russian North.....	109

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

Fedulenkova T.N. Questions of Text Composition.....	119
Index of the Articles Published in the Journal in 2022.....	124
Our Peer-Reviewers.....	127
Information for Authors.....	129

*ВЕРИСОВА Анна Дмитриевна, преподаватель
кафедры иностранных языков и межкультурных
коммуникаций Уральского государственного уни-
верситета путей сообщения (г. Екатеринбург).
Автор 31 научной публикации**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5535-9315>

ТИБЕТСКАЯ ПРОБЛЕМА В КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ 2009–2012 годов

В работе автором проведен анализ контактов Китайской Народной Республики и Соединенных Штатов Америки в период с 2009 по 2012 год в рамках решения Тибетского вопроса, который занимал значительное место в китайско-американских отношениях с 80-х годов XX века. С приходом Барака Обамы в Белый дом Америка стала проводить более мягкую политику, направленную на укрепление взаимоотношений с Китаем, однако проблема Тибета оставалась источником конфликтов и разногласий между Пекином и Вашингтоном. Американские лидеры считали, что Китай проводит жесткую политику в отношении народов Тибета и предлагали некоторые пути решения данного вопроса. Пекин же, в свою очередь, видел в этом вмешательство во внутренние дела КНР. Исследуя работы российских и зарубежных ученых, автор приходит к выводу, что для Соединенных Штатов вопрос прав человека в Тибете не имел стратегического значения, и Тибетская проблема для Америки была, прежде всего, возможностью дискредитировать Китай на международной арене, т. к. любые решения Пекина считались бы недостаточными. Понимая это, Пекин достаточно резко реагировал на комментарии Вашингтона, в связи с чем решение данной проблемы не представлялось возможным. Хронологические рамки исследуемого периода определяются началом президентского срока Барака Обамы (2009) и окончанием нахождения у власти китайского лидера Ху Цзиньтао (2012). В своем исследовании автор опирается на различные по характеру источники на английском и китайском языках, что придает статье существенный элемент новизны.

Ключевые слова: *Тибетский вопрос, Барак Обама, Ху Цзиньтао, Далай-лама XIV, китайско-американские отношения, КНР, США.*

*Адрес: 620034, г. Екатеринбург, ул. Колмогорова, д. 66; e-mail: verisova.anya@gmail.com

Для цитирования: Верисова А.Д. Тибетская проблема в китайско-американских отношениях 2009–2012 годов // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 6. С. 5–15. DOI: 10.37482/2687-1505-V221

Введение

Начиная с 1980 года, проблема Тибета в американо-китайских отношениях стала занимать значительное место – активная политическая деятельность Далай-ламы XIV на международной арене сыграла свою роль в интернационализации Тибетского вопроса.

Однако стоит отметить, что активность американского правительства в отношении Тибетской проблемы касалась лишь вопроса прав человека, для Соединенных Штатов Тибет не представлял значения ни в политическом, ни в стратегическом, ни в экономическом планах. В своих заявлениях Вашингтон всегда подчеркивал, что Тибет является частью Китайской Народной Республики (КНР) – в этом вопросе позиции Америки и Китая не расходились. Тем не менее заинтересованность США проблемой прав человека в Тибете вызывала резкую критику в Пекине, потому что она была воспринята как прямое вмешательство во внутренние дела КНР.

А.В. Грозин, заведующий отделом Средней Азии и Казахстана Института стран Содружества Независимых Государств, в статье «Американская критика ситуации в Синьцзяне как инструмент информационной войны США против Китая», соглашаясь с позицией китайских лидеров, подчеркивал, что «США в течение длительного времени проводят одностороннюю гегемонистскую политику, вмешиваясь во внутренние дела других стран под предлогом защиты прав человека» [1]. Основная мысль исследователя сводилась к тому, что при несовпадении интересов и даже самых небольших противоречиях с КНР Вашингтон использовал вопросы прав человека как возможность давления на своего партнера, закрывая глаза на проблемы в данной области внутри собственной страны.

В настоящей статье поставлена цель – проанализировать Тибетскую проблему в китайско-американских партнерских отношениях 2009–2012 годов. Временные рамки исследования охватывают период с начала президентства Барака Обамы в 2009 году до окончания нахождения у власти Ху Цзиньтао в 2012 году.

Материалы и методы

В процессе работы автор использует многофакторный подход, который предполагает учет самых разных явлений и тенденций в политике США и КНР. Взаимоотношения двух стран представляют собой сложный, комплексный, противоречивый процесс, протекающий под влиянием большого числа внешних и внутренних факторов. В ходе исследования применялись такие традиционные методы, как сравнительный анализ, системный подход, а также контент-анализ, используемый в отношении деклараций и заявлений обеих сторон в изучаемый период.

Для достижения поставленной цели автор обращается к различным источникам на китайском и английском языках: выступлениям президента США, пресс-конференциям представителей министерства иностранных дел (МИД) КНР, ежегодным докладам о соблюдении прав человека в США и КНР, письмам тибетских организаций Б. Обама; а также материалам периодической печати и информационных агентств: американской международной общественной радиокomпании «Голос Америки», государственного информационного агентства в Китае «China News»; научным трудам российских и американских ученых. При этом анализ историографии позволяет сделать вывод о недостаточной изученности данной темы в исследуемый период, что можно объяснить небольшими хронологическими рамками, которые охватывают период с вступления Барака Обамы в должность президента и до прихода к власти в КНР Си Цзиньпина. Среди многочисленных научных публикаций можно выделить исследования А.В. Грозина, О.А. Симоненко, Н.И. Фоминой, Б.Ю. Кагарлицкого, а также работы в области прав человека некоторых зарубежных авторов: Дипака Лала, Сони Куосманен, Джона Икенберри, Барри Позена и др. Однако освещение китайско-американского взаимодействия в решении Тибетского вопроса в 2009–2012 годах в трудах исследователей носит фрагментарный характер. Отдельно стоит отметить отсутствие публикаций по данной теме среди китайских ученых, проживающих в

КНР, это можно объяснить тем, что Тибетский вопрос на территории страны является темой, не подлежащей обсуждению.

Основная часть

В начале президентского срока Барака Обамы (2009) китайские лидеры испытывали надежду на изменение политики США в отношении вопроса прав человека в Тибете. Как казалось, доказательством этого послужил визит государственного секретаря США Хиллари Клинтон в Пекин. В ходе встречи с премьером государственного совета КНР Вэнь Цзябао она расставила приоритеты следующим образом – в первую очередь обсуждались вопросы изменения климата и глобальной экономики, а спорные темы не затрагивались совсем. Подтверждая новую линию Вашингтона по Тибетскому вопросу, во время беседы с журналистами госсекретарь США отметила: «Мы должны продолжать оказывать на Китай давление в вопросе прав человека. Но наше давление не должно мешать решению глобальных экономических вопросов и проблем изменения климата»¹.

Однако оттепель между двумя странами по Тибетскому вопросу продолжалась недолго. Уже 10 марта 2009 года палата представителей Конгресса США приняла резолюцию № 226, целью которой являлось оказание поддержки Тибету и осуждение жесткой политики КНР в отношении тибетского народа. Решение этого вопроса представители Государственного департамента

США видели в диалоге Пекина с Далай-ламой и изменении политики Китая в данном регионе². Пекинские дипломаты, со своей стороны, отметили, что вмешательство Соединенных Штатов во внутренние дела КНР негативно сказывается на взаимоотношениях государств³.

12 марта 2009 года в Вашингтоне прошла встреча Б. Обамы с министром иностранных дел Китая Ян Цзечи, в ходе которой американский президент подтвердил интерес Вашингтона к Тибетской проблеме: «одним из глобальных направлений внешней политики США является вопрос защиты прав человека»⁴.

Стремление Соединенных Штатов контролировать не только внешнюю, но и внутреннюю политику других стран Дипак Лал, профессор Калифорнийского университета, объяснял тем, что США считают себя несомненным мировым гегемоном [2, с. 63].

Американские ученые Джон Икенберри и Барри Позен в своих исследовательских работах подтверждали эту идею, называя стратегию внешней политики США «либеральной гегемонией». С данной позиции американское правительство пыталось оказывать влияние на другие страны, продвигая западные ценности, экономическую свободу и права человека [3; 4].

Джон Миршаймер, профессор Чикагского университета и специалист по международным отношениям, определял либеральную гегемо-

¹Hillary Clinton to Table Human Rights Issues in China Talks // Los Angeles Times. 21.02.2009. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-2009-feb-21-fg-clinton-china21-story.html> (дата обращения: 20.10.2020).

²«H.Res. 226 — 111th Congress: Recognizing the Plight of the Tibetan People on the 50th Anniversary of His Holiness the...» // GovTrack. 3.05.2009. URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/111/hres226/text> (дата обращения: 26.10.2020).

³«3•14事件» 一周年纪念日: 西藏气氛紧张 [14 марта – годовщина восстания в Тибете и рост напряженности вокруг Тибетского вопроса] // 德国之声. 2009年03月14日 [Deutsche Welle. 14.03.2009]. URL: <https://www.dw.com/zh/314%E4%BA%8B%E4%BB%B6%E4%B8%80%E5%91%A8%E5%B9%B4%E7%BA%AA%E5%BF%B5%E6%97%A5%E8%A5%BF%E8%97%8F%E6%B0%94%E6%B0%9B%E7%B4%A7%E5%BC%A0/a-4096940> (дата обращения: 20.10.2020).

⁴The President Meets with Chinese Foreign Minister Yang Jiechi // The White House President Barack Obama. 12.03.2009. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2009/03/12/president-meets-with-chinese-foreign-minister-yang-jiechi> (дата обращения: 27.10.2020).

нию как амбициозную стратегию, придерживаясь которой, государство стремится обратить как можно больше стран в такие же либеральные демократии, как оно само, а также продвигать открытую международную экономику и строить международные институты [5]. В книге *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities* исследователь подчеркивал, что не согласен с мнением большинства ученых, отзывающихся о либеральной гегемонии как о мудрой политике, и предлагал, прежде всего, во внешней политике действовать по принципу реализма, это могло бы помочь снизить уровень конфликтности в системе международных отношений [5].

Своеобразным ответом Пекина на вмешательство Америки в национальный вопрос КНР стало создание сайта «Тибет Онлайн», на страницах которого размещены: различного рода информация о Тибете, официальные документы с брифингов китайских лидеров, а также сведения о ситуации с правами человека в данном регионе и вмешательстве США. Для того, чтобы жители других стран имели доступ к указанной информации, сайт переведен на немецкий, французский и английский языки.

1 мая 2009 года Соединенные Штаты опубликовали отчет, в котором указали на систематическое нарушение Китаем свободы вероисповедания и убеждений жителей Тибета. Кроме того, комиссия США по международной и религиозной свободе отмечала, что установленный с 2007 года государственный контроль со стороны Пекина при назначении следующих Далай-лам является кампанией правительства по уменьшению их статуса и влияния среди тибетцев. В отчете также приводились слова Чжан Цинли, главы партийно-

го комитета Тибетского автономного района (ТАР): «Далай-лама – волк в монашеской мантии и дьявол с человеческим лицом, но сердцем зверя»⁵. В качестве рекомендаций американскому правительству комиссия США по международной и религиозной свободе предлагала назначить специального координатора по вопросам Тибета⁶.

Профессор Хельсинкского университета Соня Коусманен в исследовании «Права человека и идеология во внешнеполитическом дискурсе: исследование отчетов Государственного департамента США по правам человека за 2000–2019 гг.» отмечала, что в ежегодных отчетах Соединенные Штаты за эталон в области прав человека брали модель своей страны, не учитывая менталитет и различные факторы, на основе которых строились модели других стран [6, с. 14].

Комментарий Пекина относительно американского отчета нельзя было назвать сдержанным. Ма Чжаосуй, официальный представитель МИД КНР, заявил: «Общезвестно, что люди всех этнических групп в Китае в полной мере пользуются свободой вероисповедания. Обвинения в ежегодном отчете Комиссии США по международной религиозной свободе беспочвенны и необъективны»⁷.

Необходимо отметить, что Пекин всегда довольно негативно относился к ежегодным докладом Соединенных Штатов по вопросам прав человека в связи с тем, что в них были отражены проблемы 190 стран и регионов, за исключением собственно Америки. В качестве ответа Вашингтону Китай с 1998 года начал выпускать отчет о правах человека в США. Посмотрим на один из отчетов, опубликованных в Китае, – от-

⁵Annual Report of the U.S. Commission on International Religious Freedom // United States Commission on International Religious Freedom. URL: <https://www.uscirtf.gov/sites/default/files/resources/AR2009/final%20ar2009%20with%20cover.pdf> (дата обращения: 27.10.2020).

⁶Там же.

⁷Foreign Ministry Spokesperson Ma Zhaoxu's Remarks on the 2009 Annual Report of the US Commission on International Religious Freedom // Embassy of the People's Republic of China in the Republic of the Fiji Islands. 06.05.2009. URL: <http://fj.china-embassy.org/eng/xwtd/t560831.htm> (дата обращения: 27.10.2020).

чет о соблюдении прав человека в США за 2009 год начинается со слов «Америка – мировой судья по правам человека закрывает глаза на нарушения в собственной стране»⁸. Далее в документе говорилось, что, с одной стороны, Соединенные Штаты энергично пропагандируют свободу слова, свободу средств массовой информации и интернет-свободу в мире, но, с другой стороны, отслеживают и ограничивают права граждан в соответствии с собственными интересами и потребностями. В заключительной части доклада отмечалось, что Америка являлась основным источником многих нарушений прав человека в мире. Исходя из этого, Пекин призывал Вашингтон скорректировать свою позицию, сосредоточиться на улучшении ситуации с правами человека в собственной стране и исправить то, что Соединенные Штаты уже сделали⁹.

В ноябре 2009 года перед визитом американского президента в Китай официальный представитель МИД КНР Цинь Ган, выступая на брифинге, сравнил жизнь тибетского народа до прихода к власти коммунистической партии с жизнью крепостных и в связи с этим, ссылаясь на то, что лидер США как никто другой должен понимать важность движения за отмену рабства, выразил надежду, что Б. Обама поймет позицию Китая по вопросам, касающимся национального суверенитета¹⁰.

Американские правозащитники также возлагали большие надежды на визит президента в Китай, считая, что мягкая политика Обамы в отношении вопросов прав человека в КНР привела к ошибке. Кеннет Рот, исполнитель-

ный директор Human Rights Watch, рекомендовал сделать основной целью предстоящего визита вопрос прав человека, отмечая, что с момента прихода Барака Обамы к власти ситуация по данному вопросу в КНР ухудшилась. Американский правозащитник говорил, что слова госсекретаря США Хиллари Клинтон о том, что проблема прав человека не должна мешать взаимодействию двух стран по другим вопросам, были неверно истолкованы Пекином: «Пекин решил, что США понизили важность прав человека в своих отношениях с Китаем»¹¹.

Тем не менее в ходе своего визита в Китай (15–18 ноября 2009 года) Обама снова решил не затрагивать острые темы, а именно вопрос прав человека, чтобы наладить позитивное развитие партнерских отношений с КНР.

2010 год начался с разногласий в китайско-американских отношениях по Тибетской проблеме из-за встречи американского президента с Далай-ламой XIV 18 февраля 2010 года в Вашингтоне. Стоит отметить, что Соединенные Штаты, предвидя реакцию Пекина на визит Далай-ламы XIV, стремились сохранить позитивное взаимодействие между странами. Зная, насколько для Китая важно место ритуала в управлении государством, приняли Его Святейшество не в овальном кабинете, где проходили все официальные встречи, а в комнате для карт. Избранное место свидетельствовало о том, что Далай-Лама был принят не как политический лидер.

Тем не менее уже на следующий день, 19 февраля 2010 года, власти КНР выразили протест послу США в Китае Джону Хантсману по слу-

⁸2009年美国的人权纪录. 国务院新闻办公室 [Ситуация с правами человека в США в 2009. Информационное бюро Государственного совета] // 中华人民共和国中央人民政府. 2010年03月12日 [Официальный сайт правительства Китайской Народной Республики. 12.03.2010]. URL: http://www.gov.cn/gzdt/2010-03/12/content_1554347.htm (дата обращения: 30.10.2020).

⁹Там же.

¹⁰China Says Obama Should Understand About Tibet // The Guardian. 12.11.2009. URL: <https://www.theguardian.com/world/2009/nov/12/obama-dalai-lama-tibet-lincoln> (дата обращения: 31.10.2020).

¹¹Letter to President Obama Ahead of His Visit to China // Human Rights Watch. 9.11.2009. URL: <https://www.hrw.org/news/2009/11/09/letter-president-obama-ahead-his-visit-china> (дата обращения: 09.01.2021).

чаю данной беседы. В этот же день официальный представитель МИД КНР Ма Чжаосюй сделал заявление, которое отражало взгляд китайского правительства: «действия Соединенных Штатов серьезно нарушают основные нормы международных отношений... нарушают неоднократно признание правительством США того, что Тибет является частью Китая... Китай требует, чтобы США серьезно отнеслись к позиции Китая, немедленно приняли эффективные меры по устранению негативного влияния, прекратили поддерживать антикитайские сепаратистские силы за “независимость Тибета”, прекратили вмешательство во внутренние дела Китая и предприняли конкретные действия для поддержания здорового и стабильного развития китайско-американских отношений»¹².

В связи с разногласиями между двумя странами ученые активно обсуждали ответные действия КНР. Софи Ричардсон, директор по защите интересов азиатского отделения Human Rights Watch, сомневалась, что Пекин перейдет к активным действиям: «Если китайское правительство и будет как-то реагировать, то все, что оно сделает, это продлит публичную дискуссию о Далай-ламе, о Тибете, о правах человека»¹³.

Среди экспертов велось обсуждение предстоящего визита Ху Цзиньтао в Вашингтон. Барри Саутман, профессор кафедры социальных наук Гонконгского университета науки и техники, не принимал во внимание опасения по поводу возможной отмены визита китайского лидера в США: «Я склонен полагать, что этого не произойдет, потому что до апреля еще

есть пара месяцев, а, как правило, через пару месяцев все остывает»¹⁴.

Действительно, 12–13 апреля 2010 года Б. Обама и Ху Цзиньтао встретились в рамках саммита по ядерной безопасности, который проходил в Вашингтоне, что отразило заинтересованность Китая в развитии позитивного сотрудничества с США. Во время данной встречи вопросы прав человека затронуты не были, однако через месяц, 13–14 мая 2010 года, проведен брифинг, в котором участвовали генеральный директор департамента международных организаций и конференций МИД Китая Чэнь Сюй и помощник госсекретаря США по правам человека Майкл Х. Познер. Во время встречи стороны обменялись взглядами на интересующие вопросы в области прав человека. Чэнь Сюй указал на готовность продолжать вести диалог с Америкой в области прав человека на основе взаимного уважения, дальнейшего углубления взаимопонимания, сокращения разногласий и расширения общего консенсуса. Американская сторона дала положительные комментарии по поводу прогресса, достигнутого Китаем в этой области, и выразила готовность развивать диалог. Обе стороны согласились, что он получился открытым, открытым и конструктивным, а следующий раунд запланировали провести в Китае в 2011 году¹⁵.

Стоит отметить, что данный диалог стал первой встречей под руководством Б. Обамы, на тот момент последний диалог по вопросам прав человека проводился в 2008 году. Тодд Стейн, директор по связям с правительствами в Международной кампании за Тибет,

¹²外交部发言人马朝旭就美国总统会见达赖发表谈话 [Выступление официального представителя МИД Ма Чжаосюй по поводу встречи президента США с Далай-ламой] // 中华人民共和国中央人民政府. 2010年02月19日 [Официальный сайт правительства Китайской Народной Республики 19.02.2010]. URL: http://www.gov.cn/jrzq/2010-02/19/content_1536733.htm (дата обращения: 09.01.2021).

¹³Analysts: US President's Meeting with Dalai Lama a Step Forward // VOA News. 19.02.2010. URL: <https://www.voanews.com/a/analysts-us-presidents-meeting-with-dalai-lama-a-step-forward-84845282/112793.html> (дата обращения: 11.01.2021).

¹⁴Там же.

¹⁵China-US Dialogue on Human Rights Is Held // Embassy of the People's Republic of China in the United States. 26.05.2010. URL: <http://www.china-embassy.org/eng/zt/zgrq/t696950.htm> (дата обращения: 13.01.2021).

считал, что администрация нового президента использует креативные подходы для преодоления проблем во взаимоотношениях с Китаем¹⁶. Действительно, брифинг построили так, что вопросы прав человека были отделены от других проблемных вопросов, стоявших перед США и КНР.

Примечательно также, что 13 января 2011 года 39 тибетских ассоциаций, организаций и групп поддержки Тибета написали письмо американскому президенту, в котором попросили Барака Обаму сделать Тибет важной частью повестки дня во время саммита с Ху Цзиньтао 19 января 2011 года. Мэри Бет Марки, президент Международной кампании за Тибет, видела во встрече хорошую возможность обсудить мирное решение Тибетской проблемы и добавляла, что прежде всего «Президент Обама понимает проблему Тибета как посягательство на Всеобщую декларацию прав человека и вызов мирному развитию Китая»¹⁷.

Следующая встреча Б. Обамы и Ху Цзиньтао состоялась 19 января 2011 года в Вашингтоне. Визит был направлен на укрепление взаимного доверия и дружбы, углубление сотрудничества и содействие дальнейшему развитию всесторонних китайско-американских отношений в XXI веке. Одной из тем, которые обсуждались в ходе пресс-конференции, был вопрос прав человека. Китайский лидер подчеркнул, что сотрудничество с Соединенными Штатами в вопросах, представляющих общий интерес, привносит в развитие китайско-американских отношений стабильность, а вопросы, связанные с территориальной целостностью и суверенитетом Китая

(в том числе Тибетский вопрос), напротив, замедляют позитивное развитие и негативно влияют на настроения китайского населения. Ху Цзиньтао также отметил, что из-за различий в истории, культуре, уровне развития и особенностей социальных систем для Китая и Соединенных Штатов вполне нормально иметь разные взгляды на некоторые вопросы¹⁸.

Необходимо упомянуть, что в китайской прессе данный визит в большей степени был показан как пропаганда партнерских отношений Вашингтона и Пекина и совсем не освещалась тема Тибетского вопроса и прав человека, в иностранной же прессе, напротив, при характеристике визита этой проблеме придавалось большее значение.

В марте 2011 года Соединенные Штаты опубликовали отчет о поездке комитета сената по международным отношениям США в Тибет 7–19 сентября 2010 года, в котором говорится, что недовольство тибетцев напрямую зависит от политики Китая в данном регионе: «тибетцы живут при политической системе, которая очень редко дает им реальную власть в отношении вопросов, назревающих в регионе» [7, с. 24]. Статистические данные об экономическом развитии региона, приведенные в отчете, отражают повышение уровня жизни в регионе, однако отмечено и то, что: «значительная часть рабочих мест, созданных в результате экономического подъема, направляется ханьцам, а не коренным тибетцам» [7, с. 11].

Что примечательно, в данном отчете имеется не только критика в адрес Китая, но и рекомендации для Соединенных Штатов по реше-

¹⁶US and China to Resume Human Rights Dialogue; Follows Panchen Lama's 21st Birthday // International Campaign for Tibet. 23.04.2010. URL: <https://savetibet.org/us-and-china-to-resume-human-rights-dialogue-follows-panchen-lamas-21st-birthday/> (дата обращения: 13.01.2021).

¹⁷Tibetans Across America Urge President Obama to Raise Tibet During China Summit // International Campaign for Tibet. 13.01.2011. URL: <https://savetibet.org/tibetans-across-america-urge-president-obama-to-raise-tibet-during-china-summit/> (дата обращения: 13.01.2021).

¹⁸胡锦涛在美国友好团体欢迎宴会上的讲话 (全文) [Выступление Ху Цзиньтао на приветственном банкете в США (полный текст)] // 中华人民共和国外交. 2011年01月21日 [Официальный сайт министерства иностранных дел КНР. 21 января 2011]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliao_674904/zt_674979/ywzt_675099/2011nzt_675363/hujintaohuxifangwenmeiguo_675423/t788591.shtml (дата обращения: 13.01.2021).

нию Тибетского вопроса. Эксперты говорили о необходимости объединения усилий с Пекином. Прежде всего предлагалось определить конкретные проекты в области устойчивого экономического развития, экологии, защиты и сохранения культурного наследия, которые могут осуществляться совместно. Также следовало ввести двуязычное образование, проводить добычу полезных ископаемых экологически безопасными методами [7, с. 5].

16 июля 2011 года в ходе визита Далай-Ламы XIV в Вашингтон Его Святейшество и Б. Обама обменялись взглядами на Тибетскую проблему. Во время встречи американский президент высоко оценил приверженность тибетского духовного лидера ненасилию и мирному диалогу с Китаем. Подтвердив политику США, согласно которой Тибет является частью КНР, а Соединенные Штаты не поддерживают независимость данной территории, Б. Обама подчеркнул, что он поощряет прямой диалог для урегулирования давних разногласий. Президент также говорил о важности, которую он придает налаживанию сотрудничества между США и Китаем. Далай-лама, в свою очередь, заявил, что не стремится к независимости Тибета и надеется, что диалог между его представителями и правительством Китая вскоре может возобновиться¹⁹.

Китай негативно воспринял информацию о визите тибетского духовного лидера в Вашингтон. 17 июля 2011 года официальный представитель МИД КНР Ма Чжаосюй дал комментарии по данной встрече: «США серьезно нарушили основные нормы международных отношений и нанесли ущерб китайско-американским отно-

шениям. Поддержание устойчивого и стабильного развития китайско-американских отношений требует совместных усилий Китая и США. Мы просим Соединенные Штаты серьезно отнестись к позиции Китая, перестать вмешиваться во внутренние дела КНР и прекратить поддержку антикитайских сепаратистских сил «Независимость Тибета»²⁰.

Средства массовой информации КНР также отражали позицию местной власти, говоря о том, что это политический шаг Обамы по сдерживанию Китая: «США начали осуществлять всеобъемлющую стратегию давления на Китай, пытаясь ограничить развитие КНР путем вмешательства во внутренние дела Китая»²¹.

Летом 2012 года американская неправительственная организация Freedom House, известная своими исследованиями политических и гражданских свобод, опубликовала отчет, в котором проанализировала состояние прав человека в некоторых странах. Тибет в отчете рассматривался не в составе КНР, а в качестве спорной территории и был отмечен, наряду с Северной Кореей, как регион, в котором наиболее сильно ограничены права граждан. В отчете говорилось о неспособности тибетцев определять свое политическое будущее и свободно избирать лидеров региона. Также отмечался строгий контроль Китая над потоком информации в Тибете. Согласно отчету: «...более 60 писателей, интеллектуалов и деятелей культуры были арестованы с 2008 года, некоторые из них приговорены к длительным срокам заключения» [8].

Научная дискуссия

Несмотря на то, что с конца XX века дис-

¹⁹The President's Meeting with His Holiness the XIV Dalai Lama // The White House President Barack Obama. 17.07.2011. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/blog/2011/07/17/president-s-meeting-his-holiness-xiv-dalai-lama> (дата обращения: 14.01.2021).

²⁰外交部发言人马朝旭就美国总统奥巴马会见达赖喇嘛事发表谈话 [Выступление официального представителя МИД Ма Чжаосюй по поводу встречи президента США Барака Обамы с Далай-ламой] // 中华人民共和国驻叶卡捷琳堡. 2011年07月17日 [Официальный сайт генерального консульства КНР в г. Екатеринбург. 17.07.2011]. URL: <http://ekaterinburg.chineseconsulate.org/chn/fyrth/t840145.htm> (дата обращения: 14.01.2021).

²¹中国西藏网: 奥巴马会见达赖说明了什么? [Китай-Тибет: что показала встреча Обамы с Далай-ламой?] // 中国新闻网. 2011年07月20日 [China news. 20.07.2011]. URL: <http://www.chinanews.com/gn/2011/07-20/3197003.shtml> (дата обращения: 15.01.2021).

куссия между США и КНР в области прав человека была «ежегодным ритуалом» [9], администрация президента Б. Обамы в начале президентского срока проводила достаточно мягкую политику в отношении Тибетской проблемы, ставя в центр развитие партнерских отношений с Китаем, т. к. Тибетский вопрос не имел стратегического значения для Вашингтона. Однако ситуация достаточно быстро изменилась и к 2012 году переросла в полную конфронтацию между странами по вопросу прав человека в Тибете.

Российские исследователи из Тихоокеанского государственного университета О.А. Симоненко и Н.И. Фомина полагали, что конфликт между Пекином и Вашингтоном по поводу Тибетского вопроса на данном этапе решить не представляется возможным. «Для США ситуация в Тибете – это повод для давления и критики руководства КНР, и никакой большей ценности она не представляет. Все шаги, которые будут приниматься для ее решения властями КНР, будут рассматриваться как недостаточные или не рассматриваться вообще со стороны США и западных держав», – добавляли эксперты [10, с. 14].

Российский ученый Б.Ю. Кагарлицкий был согласен с мнением О.А. Симоненко и Н.И. Фоминой, считая, что уязвимые точки для Китая – это, прежде всего, Уйгурский и Тибетский во-

просы, и Соединенные Штаты беспокоятся не за судьбу уйгур и тибетцев, а из-за того, «что китайские товары стали проблемой для мировой экономики, мешают развитию мирового производства»²².

Заключение

Невозможность Вашингтона и Пекина разрешить проблемные вопросы в одних областях тут же вызывала обострение конфликта в других. Так, решение американского правительства 26 января 2010 года о возобновлении поставок оружия на Тайвань привело к усилению конфронтации во всех спорных областях. Кроме того, отчеты Госдепартамента США, характеризующие ситуацию с правами человека в мире, являлись одной из причин ежегодной весенней эскалации конфликта в связи с несогласием Пекина с точкой зрения американского правительства.

Стоит отметить, что через Тибетский вопрос США, прежде всего, оказывали давление на Китай с целью дискредитации КНР на международной арене. Для Вашингтона вопрос прав человека всегда был политизирован, и его позиция зависела в основном от внешнеполитического курса, которому следовали в конкретный момент американские лидеры. Пекин, понимая это, реагировал достаточно резко на участие Вашингтона в Тибетском вопросе, что привело к неспособности Китая и Америки договориться.

Список литературы

1. Грозин А.В. Американская критика ситуации в Синьцзяне как инструмент информационной войны США против Китая // Информ.-полит. портал постсовет. пространства «Материк». 06.12.2019. URL: <https://materik.ru/analitika/amerikanskaya-kritika-situacii-v-sinczyane-kak-instrument-informacionnoy-voyny-ssha-protiv-kitaya/> (дата обращения: 14.10.2020).
2. Lal D. In Praise of Empires: Globalization and Order. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2004. 270 p.
3. Ikenberry G.J. Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order. Princeton: Princeton University Press, 2012. 392 p.

²²Главная проблема России – не США и не Китай, а собственные элиты // Интернет-газета «Реальное время». 20.05.2020. URL: <https://realnoevremya.ru/articles/175167-kitay-vs-ssha-kto-pobedit-v-borbe> (дата обращения: 17.01.2021).

4. Posen B.R. *Restraint: A New Foundation for U.S. Grand Strategy*. Ithaca: Cornell University Press, 2014. 256 p.
5. Mearsheimer J.J. *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven: Yale University Press, 2018. 328 p.
6. Kuosmanen S. Human Rights and Ideology in Foreign Policy Discourse: A Case Study of U.S. State Department Human Rights Country Reports 2000–2019 // *Discourse Soc.* 2021. Vol. 34, № 2. P. 426–442. DOI: [10.1177/0957926521992146](https://doi.org/10.1177/0957926521992146)
7. Jannuzi F. *Tibet: Seeking Common Ground on the Rooftop of the World: A Trip Report from the Staff of the Foreign Relations Committee, U.S. Senate*. DIANE Publishing, 2011. 26 p.
8. Worst of the Worst: The World's Most Repressive Societies // Freedom House. URL: <https://www.freedomhouse.org/sites/default/files/Worst%20of%20the%20Worst%202012%20final%20report.pdf> (дата обращения: 15.01.2021).
9. Симоненко О.А., Фомина Н.И. Перспективы решения Тибетского вопроса // Учен. заметки ТОГУ. 2016. Т. 7, № 2. С. 9–15.
10. Yin J. The Clash of Rights: A Critical Analysis of News Discourse on Human Rights in the United States and China // *Crit. Discourse Stud.* 2007. Vol. 4, № 1. P. 75–94. DOI: [10.1080/17405900601149491](https://doi.org/10.1080/17405900601149491)

References

1. Grozin A.V. Amerikanskaya kritika situatsii v Sin'tszyane kak instrument informatsionnoy voyny SShA protiv Kitaya [US Criticism of the Situation in Xinjiang as a Tool of the American Information War Against China]. *Informatsionno-politicheskiy portal postsovetского prostranstva "Materik"*, 6 December 2019. Available at: <https://materik.ru/analitika/amerikanskaya-kritika-situacii-v-sinczyane-kak-instrument-informacionnoy-voyny-ssha-protiv-kitaya/> (accessed: 14 October 2020).
2. Lal D. *In Praise of Empires: Globalization and Order*. New York, 2004. 270 p.
3. Ikenberry G.J. *Liberal Leviathan: The Origins, Crisis, and Transformation of the American World Order*. Princeton, 2012. 392 p.
4. Posen B.R. *Restraint: A New Foundation for U.S. Grand Strategy*. Ithaca, 2014. 256 p.
5. Mearsheimer J.J. *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven, 2018. 328 p.
6. Kuosmanen S. Human Rights and Ideology in Foreign Policy Discourse: A Case Study of U.S. State Department Human Rights Country Reports 2000–2019. *Discourse Soc.*, 2021, vol. 34, no. 2, pp. 426–442. DOI: [10.1177/0957926521992146](https://doi.org/10.1177/0957926521992146)
7. Jannuzi F. *Tibet: Seeking Common Ground on the Rooftop of the World: A Trip Report from the Staff of the Foreign Relations Committee, U.S. Senate*. DIANE Publishing, 2011. 26 p.
8. Worst of the Worst 2012: The World's Most Repressive Societies. *Freedom House*. Available at: <https://www.freedomhouse.org/sites/default/files/Worst%20of%20the%20Worst%202012%20final%20report.pdf> (accessed: 15 January 2021).
9. Simonenko O.A., Fomina N.I. Perspektivy resheniya Tibetskogo voprosa [The Prospects for Resolving the Tibet Question]. *Uchenye zametki TOGU*, 2016, vol. 7, no. 2, pp. 9–15.
10. Yin J. The Clash of Rights: A Critical Analysis of News Discourse on Human Rights in the United States and China. *Crit. Discourse Stud.*, 2007, vol. 4, no. 1, pp. 75–94. DOI: [10.1080/17405900601149491](https://doi.org/10.1080/17405900601149491)

DOI: 10.37482/2687-1505-V221

Anna D. Verisova
The Ural State University of Railway Transport;
ul. Kolmogorova 66, Yekaterinburg, 620034, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5535-9315> e-mail: verisova.anya@gmail.com

THE TIBET ISSUE IN CHINA–UNITED STATES RELATIONS, 2009–2012

The paper analyses the Sino-American contacts of 2009–2012 on the Tibet issue, which had occupied an important place in China–US relations since the 1980s. With Barack Obama moving into the White House, the US adopted a softer policy aimed at strengthening the relations with China. However, the Tibet issue remained a source of conflict and disagreement between Beijing and Washington. US leaders believed that China was pursuing a tough policy towards the peoples of Tibet and suggested some ways to settle the issue. Beijing, in its turn, saw this as an interference in China's internal affairs. Having examined the works of Russian and foreign researchers, the author comes to the conclusion that for the United States the issue of human rights in Tibet was not of strategic importance, but, primarily, an opportunity to discredit China on the international arena, as any decision taken by the country would be deemed insufficient. Understanding this, Beijing reacted quite sharply to Washington's comments, closing the door to further discussion. The paper's chronological framework spans from the beginning of Barack Obama's (2009) to the end of Hu Jintao's (2012) term in office. The author turns to various sources in English and Chinese, which gives the article a significant element of novelty.

Keywords: *Tibet issue, Barack Obama, Hu Jintao, Dalai Lama XIV, China–US relations, China, USA.*

Поступила 28.05.2022
Принята 20.10.2022
Опубликована 13.12.2022

Received 28 May 2022
Accepted 20 October 2022
Published 13 December 2022

For citation: Verisova A.D. The Tibet Issue in China–United States Relations, 2009–2012. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 6, pp. 5–15. DOI: 10.37482/2687-1505-V221

УДК 141:355.01

DOI: 10.37482/2687-1505-V222

*ЕМЕЛЬЯНОВА Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории Института научной информации по общественным наукам Российской академии наук. Автор более 80 научных публикаций, в т. ч. одной монографии и 5 учебных пособий**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9545-8150>

СУЩНОСТЬ И ПРИЧИНЫ ВОЙН В СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ XX–XXI веков

В статье рассматривается проблема войны и мира в трудах представителей социал-демократической мысли XX–XXI веков. В центре внимания находятся работы марксистов (К. Каутского, А. Бебеля, Р. Люксембург, Ф. Меринга, Г.В. Плеханова, а также неомарксиста И. Валлерстайна) и их оппонентов: реалистов (К. фон Клаузевица, Р. Арона и др.) и сторонника либерально-идеалистического направления В. Вильсона, а также некоторые исследования современных авторов. Большое внимание уделяется определению сущности войн и причин их возникновения, поиску способов достижения мира и представлениям об идеальном миропорядке. Прослеживается развитие социал-демократической теории в вопросе войны и мира в XX веке. Проводится сравнительный анализ взглядов теоретиков марксистской школы с воззрениями представителей других направлений науки о международных отношениях. Делается вывод о том, что социалистическая теория, основанная на понимании сущности войны, которое было заложено в трудах основоположников марксизма, и близкая к реалистической школе, эволюционировала в вопросах мира и послевоенного мироустройства к либерализму. В то же время она внесла значительный вклад в теорию международных отношений и не только стала основой для неомарксизма, но и обогатила некоторыми выводами концепции политического реализма и либерализма, а также современную науку в целом. Труды исследователей XXI века развивают и обобщают наиболее важные выводы в вопросах войны и мира, сделанные представителями марксизма и других школ теории международных отношений, что свидетельствует о стремлении мирового научного сообщества решить эту глобальную проблему совместными усилиями.

Ключевые слова: *проблема войны и мира, природа войн, причины войн, модели идеального миропорядка, способы достижения мира, социал-демократическая концепция, либеральная концепция, реалистическая теория международных отношений.*

*Адрес: 117418, Москва, Нахимовский просп., д. 51/21; e-mail: e.n.emelyanova@mail.ru

Для цитирования: Емельянова Е.Н. Сущность и причины войн в социал-демократической мысли XX–XXI веков // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 6. С. 16–24. DOI: 10.37482/2687-1505-V222

Проблема войны и мира всегда была в центре внимания теоретической мысли. Актуальна она и сегодня. В связи с этим важно понять природу и происхождение войн, чтобы найти способы их предотвращения.

Теоретические взгляды социал-демократических политиков и ученых, а также их оппонентов во многом определяли историю международных отношений в XX веке и продолжают влиять на мировые процессы сегодня. В современной российской историографии данная проблема изучена недостаточно. Новых научных работ по ней почти нет [1; 2]. Особенно это касается сочинений К. Каутского и других социал-демократов, многие труды которых находились в спецхране в советскую эпоху и незаслуженно обделены вниманием исследователей.

Целью статьи является анализ проблемы причин и сущности войн в работах теоретиков марксистского направления, а также изучение способов предотвращения глобальных конфликтов, предлагаемых идеологами социализма. Проводится сравнительный анализ марксистских взглядов с позицией представителей реалистической и идеалистической школ науки о международных отношениях, а также с воззрениями некоторых современных российских и зарубежных ученых. Мы намеренно останавливаемся на социал-демократической концепции, поскольку коммунистическая доктрина является предметом отдельного исследования [3, с. 222–231].

Научная новизна работы состоит в том, что на основе анализа трудов К. Каутского [4–6 и др.], А. Бебеля [7 и др.], Р. Люксембург [8; 9 и др.], Ф. Меринга [10; 11], Г.В. Плеханова [12–14 и др.] и неомарксиста И. Валлерстайна [15] прослеживается эволюция социал-демократической теории в вопросе войны и мира в XX в.; рассматривается проблема сближения марксизма с другими школами науки о международных отношениях и их взаимовлияния; показывается, какие положения социал-демократической концепции используются современными учеными и каков вклад в нее некоторых российских и зарубежных исследователей.

Методологическую основу данной работы составляют принципы критического подхода и всестороннего анализа поставленной проблемы.

Одно из наиболее известных определений *природы войн* дал видный представитель реализма немецкий генерал К. фон Клаузевиц, который рассматривал войну как продолжение политики государств только иными средствами, средствами насилия [16]. Таким образом, война – это достижение поставленных целей с помощью военной силы, когда мирные средства эффекта не дают.

Лидер социал-демократов К. Каутский писал, что «война есть ничто иное как вооруженное продолжение линии действия дипломатии. <...> К войне прибегают только в случае крайней необходимости, когда нет возможности найти иной выход, приемлемый для обеих заинтересованных сторон» [5, с. 22]. Определения К. фон Клаузевица и К. Каутского потом повторил В.И. Ленин [3, с. 223].

Г.В. Плеханов рассматривал войны как борьбу классов: «...Принимать вид международного столкновения классовая борьба могла уже в классической древности. Хозяйство нынешнего цивилизованного мира, международное по своему существу, делает такое превращение вида классовой борьбы еще более понятным» [13, с. 57]. Победители рассматриваются ученым как эксплуататоры, побежденные – как эксплуатируемые.

Ф. Меринг в своих работах «Vom Wesen des Krieges» [11] и «История войн и военного искусства» [10] в большей степени, чем другие теоретики марксизма, делал упор на экономический фактор в природе войн.

Войны, по мнению Ф. Меринга, представляют собой столкновение различных экономических интересов, которые уже не могут быть устранены мирным путем. Война – это исторические противоречия, которые стали настолько острыми, что нет другого способа их решить. Вместе с тем Меринг соглашается с Клаузевицем, что война – это продолжение политики другими средствами и силой, чтобы подчинить врага своей воле [11, с. 193–201].

Сравним позицию социал-демократов с взглядами представителей других школ. Теоретик политического реализма Р. Арон определяет суть войны как «кризис между несколькими участниками событий, когда один из них хочет добиться цели, которую другой участник считает несовместимой со своими собственными целями» [17, с. 205]. Таким образом, определение войны, которое дают реалисты, очень близко к марксистской концепции.

Либерально-идеалистическое (пацифистское) направление в первые десятилетия XX века было представлено президентом США В. Вильсоном [18]. В отличие от политического реализма, в основе концепции которого лежат интересы государства, либерализм исходит из приоритета интересов человека. Война – неотъемлемая часть международной политики, считают сторонники этой школы. Но либерализм осуждает ее и доказывает возможность вечного мира. Он уделяет значительно большее внимание поискам модели нового мироустройства, чем изучению военных конфликтов.

В современной российской науке войне дается следующее определение: «Война – организованная вооруженная борьба между государствами, нациями, социальными группами, осуществляемая специальным социальным институтом (армией) с привлечением экономических, политических, идеологических, дипломатических средств» [19, с. 425]. Оно существенно отличается от марксистского. В данном случае акцент делается на понимании войны как вооруженного конфликта. Хотя в целом российские исследователи не отказываются и от марксистской трактовки, существенно дополняя ее. Война, считает профессор О.А. Бельков – это «(1) состояние общества, отличное от мира; (2) его особенность в том, что социум подвергается вооруженному насилию и сам применяет его; (3) военные действия обеспечиваются и подкрепляются мерами и средствами воздействия на противника политического, дипломатического, экономического, информационного, идеологического и психологического характера» [20, с. 122].

Очень важен вопрос о *причинах войн*. Один из теоретиков XIX – начала XX века Л. Гумплович, оказавший большое влияние на взгляды К. Каутского, исходил из того, что причины войны лежат в самой человеческой природе. Каждый человек стремится к самосохранению и росту своего благосостояния, а это ведет к тому, что он старается приобрести все большее количество благ. То же стремление к самосохранению и благосостоянию, а также желание власти и стремление установить ее над другими народами лежат в основе агрессивной политики социальных групп [21]. Они тоже подчиняются главному эволюционному закону природы: выживает сильнейший.

К. Каутский в работе «Материалистическое понимание истории», анализируя теорию Гумпловича, отмечает, что причины войн на каждом историческом этапе разные. Но все они связаны с определенным экономическим способом производства и борьбой за соответствующие ему дополнительные ресурсы [4].

Главной причиной войн, по мнению Р. Люксембург, была борьба за ресурсы в условиях низкого уровня производства. В работе «Введение в политическую экономию» она писала, что причина войн в первобытных обществах – полная зависимость человека от природы. В условиях низкоразвитого производства, нехватки продуктов питания при возрастающем населении племена периодически вели войны. «В таких случаях вопрос решался борьбой не на жизнь, а на смерть, войной, которая приводила к истреблению одной из борющихся сторон или чаще всего к покорению одной из них другой и следовавшей вслед за ним эксплуатации. В основе первобытного коммунизма лежали не абстрактные принципы равенства и свободы, а железная необходимость, продиктованная низкой ступенью развития человеческой культуры, беспомощность людей перед внешней природой, которая вынуждала их крепко держаться в больших союзах и объединенными усилиями и планомерным трудом вести борьбу за существование. Но эта же слабая степень господства над природой и то же недостаточное развитие про-

изводительности труда вызывало, наконец, противоречие интересов отдельных общественных союзов и толкало к грубому насилию, как единственному средству разрешения этих конфликтов. Война стала, таким образом, постоянным методом разрешения конфликтов между общественными коллективами, методом, которому суждено господствовать вплоть до момента наивысшего развития производительности труда, т. е. до полного овладения человеком силами природы, которое устранит, наконец, противоречие материальных интересов» [8, с. 181–182].

Логичным продолжением концепции социал-демократов является вывод о том, что при таком способе производства, при котором не нужна будет борьба за дополнительные ресурсы и будет преодолена зависимость от природы, войны исчезнут. С этим были солидарны и теоретики коммунизма [22].

Взгляды лидеров социализма начала XX века легли в основу концепций современных ученых. Один из классиков неомарксизма И. Валлерстайн рассматривает причины войн глобально, в масштабе мир-экономики, как стремление государств полупериферии изменить структуру производства и тем самым изменить свое место в мировом разделении труда, что наталкивается на ожесточенное противодействие центра и становится источником военной напряженности в межгосударственной системе [15, с. 390]. Таким образом, у неомарксистов экономические причины по-прежнему являются решающими.

В то же время представитель современного политического реализма Р. Арон видит истоки войны в том, что международная система лишена центра. Войны неизбежны в силу конфликта национальных интересов, неверных решений государственных деятелей, вынужденных действовать под влиянием обстоятельств и окружения [17].

Либералы полагают, что причинами войн являются несовершенство международной системы и стремление суверенных государств к власти, а также политика диктаторских режимов. Последнюю мысль стал разделять в конце жизни К. Каутский [6, с. 17].

Ряд современных исследователей проводит системный анализ причин военных конфликтов и называет следующие: страсть к могуществу, стремление к получению ресурсов, намерение повысить престиж, демографические закономерности и рост населения, неминуемо появляющиеся геоэкономические и социально-экономические дисбалансы [23, с. 34; 24, с. 115–124], а также идеологические, религиозные и другие разногласия. По мнению американского исследователя Р.Л. Карнейро, поводом к войне могли быть следующие факторы: резкие природные ограничения, концентрация ресурсов, социальная ограниченность (плотность населения) [25–27].

Сегодня представления о войне значительно шире, чем в начале XX века. Все школы в науке о международных отношениях стремятся к обобщению исследований в столь важных для человечества вопросах, как война и способы достижения мира.

Поиск *модели идеального миропорядка* теоретиками социализма осуществлялся еще в начале XX века.

Наилучшим способом решения национального вопроса лидер правого крыла социал-демократии А. Бебель считал создание федеративной республики по типу Швейцарской федеративной республики [7, с. 36]. Описывая модель мироустройства, исключая войны, Бебель еще до знаменитых «14 тезисов Вильсона» [18] предложил создать единую международную организацию – мировой парламент. Но если в плане Вильсона Лига Наций была союзом государств и состояла из Ассамблеи (представительства государств-членов) и Совета (правительства победителей), то Бебель предлагал создать всемирное представительство народов, а не правительств, как у либералов. «Конечной же целью пацифистских стремлений социалистов, – писал Бебель, – является создание всемирного парламента, образованного из представителей всех заинтересованных наций; на обязанности этого парламента будет лежать регулирование международных отношений и охранение их прочности» [7, с. 34].

Таким образом, еще до Первой мировой войны правая социал-демократия в своих взглядах

по вопросам мира приблизилась к либеральной концепции и оказала на нее определенное влияние. После революции 1917 года в России К. Каутский тоже занял реформистские позиции.

С завершением Второй мировой войны социалисты еще активнее ищут мирные средства избежать войн и видят их в ненасильственном создании справедливого общества. Марксистская концепция, основанная на понимании войны, данным реалистической школой международных отношений, в вопросах послевоенного миропорядка все больше сближается с либеральной. Неомарксизм воспринял и развил многие предвоенные идеи Каутского, в частности представление о длительной трансформации капитализма в посткапиталистическое общество и сути этого перехода. «Современное государство охвачено процессом такой трансформации, которая ведет к превращению его в “свободное гражданство”, или в государство нового типа. Современное государство находится поэтому в состоянии постоянного изменения и представляет из себя весьма противоречивое образование. Оно не является более полностью старым государством и в то же время еще не является и государством новым» [4, с. 611]. К. Каутский предлагал назвать это новое государство социалистическим. Он полагал, что подобное устройство во многом можно рассматривать, как реверсию к догосударственной форме общества, как возвращение к бесклассовой демократии. Только эти новые общественные образования «будут представлять собой уже не карликовые и изолированные друг от друга племена, с жалкой техникой, без сколько-нибудь значительного разделения труда, а общество, объединенное в единую организацию всего человечества и использующее огромные завоевания цивилизации, развившейся на базе классового государства» [4, с. 612]. Такое новое мировое правительство с обобществлением важнейших ресурсов и пере-

дачей их и других функций в управление Лиге Наций, ликвидацией границ позволит избежать войн и обеспечить вечный мир, поскольку это правительство само будет представлять власть большинства. Даже не власть, а управление, поскольку классов и эксплуатации одних другими тоже не будет, как полагал Каутский [4, с. 607–608].

Это идеалистическое представление и отказ от классового подхода вполне согласуются с либеральной теорией в международных отношениях. И знаменуют собой начало интеграции не только правой, но и левой социал-демократии в существующую мировую систему (мир-экономику, по определению Валлерстайна)¹.

К похожим взглядам после Второй мировой войны пришли и коммунистические теоретики. Уже на XXII съезде Коммунистической партии Советского Союза (1961) была сформулирована идея об «общенародном государстве» как переходной форме от социализма к коммунизму. Смысл этого «общенародного государства», по мнению марксистских ученых, в том, что в нем нет классовой борьбы, а, следовательно, классового господства и подавления. Данное государство представляет собой общенародную организацию [15, с. 29–30]. В годы перестройки теория Каутского о мирной эволюции капитализма к социализму была воспринята советскими идеологами в полном объеме. Если во внешнеполитическом плане Союз Советских Социалистических Республик интегрировался в мировое сообщество еще в период создания Ялтинско-Потсдамской системы международных отношений, одним из авторов которой он являлся, то во второй половине 80-х – начале 90-х годов XX века эта интеграция произошла на уровне теории. Был осуществлен переход сначала к социал-демократической концепции, а затем к либеральной.

И социал-демократия, и коммунизм сблизились с либерализмом в вопросе создания иде-

¹И. Валлерстайн понимает под «мир-экономикой» мировую систему, в основе которой лежит капиталистический способ производства, а под «мир-правительством» – миропорядок, который будет установлен на новом посткапиталистическом этапе развития.

ального мирового порядка. Можно согласиться с И. Валлерстайном в том, что оба направления интегрировались в мир-экономику и стали ее составной частью.

Валлерстайн дает схожее с классиками марксизма понимание современного мирового порядка. Являясь теоретиком неомарксизма, он предлагает преодоление глобального конфликта и противостояния «Север-Юг» через эволюцию мир-экономики к мир-правительству и отмирание государства [15].

Многие выводы Каутского способствовали развитию не только неомарксизма, но и современных реализма и идеализма. Положение о транснациональном единстве интересов различных политических сил в условиях глобализации, высказанное Каутским, предвосхищает взгляды политического реалиста Р. Арона о нескольких уровнях международных отношений: транснациональном, межгосударственном и международном.

Утверждение Каутского об интернациональных общественных организациях как важных участниках международных отношений согласуется с теоретическими выводами неолиберализма.

Интересна концепция Н.С. Розова, которая основана на обобщении достижений нескольких школ и предлагает свое видение проблемы войны и мира. В отличие от неолиберализма и неомарксизма, анализирующих исторический процесс с точки зрения стремления к глобальному единству человечества, Розов ближе к цивилизационной концепции развития и рассматривает международные отношения как борьбу человеческих сообществ за лидерство. Он справедливо утверждает, что для эффек-

тивной борьбы за мир необходимо ликвидировать причины войн. Поскольку в самых разных типах войн лежат три основные причины (стремление к могуществу, борьба за доступ к ресурсам и престиж), требуется найти способы мирного решения всех этих проблем. Ресурсы можно получить через торговлю, развитие новых технологий. Престиж повышать через великодушную помощь противнику, путем дипломатических усилий и приемов. Сложнее обстоит дело с могуществом, которого можно добиться только за счет понижения статуса соперника [23, с. 33]. «Могущество складывается из чисто военной мощи (величина, уровень организации и вооружения армии), мобилизационного потенциала, который определяется величиной населения и его богатством, а также величины и крепости коалиции» [23, с. 34]. Причина захватнических войн кроется в отсутствии или нарушении баланса могущества. Мира можно добиться установлением такого баланса. Но поскольку природа человека в том, чтобы постоянно стремиться к успеху, а это порождает войны, то последние не исчезнут никогда, считает философ. Данная точка зрения соответствует реалистической теории международных отношений.

Таким образом, познание природы и причин войн, а также поиск путей их предотвращения продолжают. Труды исследователей XXI века обобщают наиболее важные выводы в вопросах войны и мира, сделанные представителями марксизма и других школ теории международных отношений, что свидетельствует о стремлении мирового научного сообщества решить эту глобальную проблему совместными усилиями.

Список литературы

1. Пуяткина И.С. Todorova M. The Lost World of Socialists at Europe's Margins: Imagining Utopia, 1870s – 1920s. London; N. Y.: Bloomsbury, 2020. 384 p. ISBN 978-1-3501-5033-1 // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2021. Т. 16, № 3-4. С. 289–300. DOI: [10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.13](https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.13)
2. Емельянова Е.Н. Версальская политическая система в документах Марсельского конгресса РСИ // Философия и методология истории: сб. науч. ст. VIII Всерос. науч. конф. Коломна: Гос. соц.-гуманит. ун-т, 2019. С. 240–245.

3. Емельянова Е.Н. Проблема войны и мира в контексте истории Коминтерна (1919–1922 гг.) // Власть. 2019. Т. 27, № 1. С. 222–231. DOI: [10.31171/vlast.v27i1.6256](https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6256)
4. Каутский К. Материалистическое понимание истории: в 2 т. Т. 2. Государство и развитие человечества / пер. с нем. Е.А. Преображенского. М.; Л.: Гос. соц-экон. изд-во, 1931. VII, 851 с.
5. Каутский К. Патриотизм, война и социал-демократия // Вожди германской социал-демократии о войне / пер. Л. Златострельского. М.: [б. и.], 1917. С. 9–32.
6. Каутский К. Социалистический Интернационал и Советская Россия. Berlin: J. N.W. Dietz, 1925. 48 с.
7. Бебель А. О патриотизме, интернационализме и войне // Вожди германской социал-демократии о войне / пер. Л. Златострельского. М.: [б. и.], 1917. С. 33–37.
8. Люксембург Р. Введение в политическую экономию. М.: Изд-во соц.-экон. лит., 1960. 326 с.
9. Люксембург Р. Социальная реформа или революция. М.: Госполитиздат, 1959. 134 с.
10. Меринг Ф. История войн и военного искусства. СПб.: Полигон, 1999. 528 с.
11. Mehring F. Vom Wesen des Krieges (Herbst 1914) // Die Neue Zeit. 1914/1915. Vol. 2, № 1. S. 193–201. URL: <https://www.marxists.org/deutsch/archiv/mehring/1914/krieg/wesen.htm> (дата обращения: 10.07.2022).
12. Плеханов Г.В. Наши разногласия // Избр. филос. произведения: в 5 т. Т. 1. М.: Госполитиздат. 1956. С. 115–170.
13. Плеханов Г.В. ...О войне: статьи. Петроград: Огни, 1917. 96 с.
14. Плеханов Г.В. Очерки по истории материализма // Избр. филос. произведения: в 5 т. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1956. С. 33–194.
15. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Унив. кн., 2001. 414, [1] с.
16. Клаузевиц К. фон. О войне: в 2 т. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2002. Т. 1. 558 с.; Т. 2. 574 с.
17. Арон Р. Лекции по философии истории: курс лекций в олже де Франс. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 333, [2] с.
18. Четырнадцать пунктов президента США В. Вильсона об условиях мира из его послания Конгрессу от 8 января 1918 г. URL: http://www.hrono.ru/dokum/191_dok/19180108.html (дата обращения: 10.07.2022).
19. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / науч.-ред. совет: В.С. Степин [и др.]. М.: Мысль, 2010. Т. 1. 721 с.
20. Бельков О.А. Философия войны: слова и смыслы // Власть. 2019. Т. 27, № 2. С. 119–127. DOI: [10.31171/vlast.v27i2.6337](https://doi.org/10.31171/vlast.v27i2.6337)
21. Гумплович Л. Социология и политика / пер. с нем. С.Н. Прокоповича. М.: Д.А. Бонч-Бруевич, 1895. 124 с.
22. Савинченко Т.И., Соколов М.В. Г.В. Плеханов и Первая мировая война // Вестн. Екатеринбург. ин-та. 2017. Т. 3, № 39. С. 79–83.
23. Розов Н.С. Природа войны: макросоциологический анализ сущности и причин массового организованного насилия // Гуманит. вектор. 2009. № 1. С. 29–39.
24. Бондаренко Д.М. Нация в эпоху интенсивной глобализации // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Обществ. науки. 2017. Т. 3, № 787. С. 115–124.
25. Carneiro R.L. A Theory of the Origin of the State // Science. 1970. Vol. 169, № 2. P. 733–738.
26. Gibson D.B. Carneiro's Social Circumscription Theory: Necessary but Not Sufficient // Soc. Evol. Hist. 2012. Vol. 11, № 2. P. 51–55.
27. Guidi A. Carneiro and the Archaeology of War: A Comment from a Prehistorian // Soc. Evol. Hist. 2012. Vol. 11, № 2. P. 56–57.

References

1. Putyatina I.S. Todorova M. The Lost World of Socialists at Europe's Margins: Imagining Utopia, 1870s – 1920s. London; New York: Bloomsbury, 2020. 384 p. ISBN 978-1-3501-5033-1. *Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii*, 2021, vol. 16, no. 3–4, pp. 289–300. DOI: [10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.13](https://doi.org/10.31168/2412-6446.2021.16.3-4.13)
2. Emel'yanova E.N. Versal'skaya politicheskaya sistema v dokumentakh Marsel'skogo kongressa RSI [The Versailles Political System in the Documents of the LSI Congress in Marseille]. *Filosofiya i metodologiya istorii* [Philosophy and Methodology of History]. Kolonna, 2019, pp. 240–245.

3. Emel'yanova E.N. Problema voyny i mira v kontekste istorii Kominterna (1919–1922 gg.) [The Problem of War and Peace in the Context of the Comintern History (1919–1922)]. *Vlast'*, 2019, vol. 27, no. 1, pp. 222–231. DOI: [10.31171/vlast.v27i1.6256](https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6256)
4. Kautsky K. *Materialisticheskoe ponimanie istorii. T. 2. Gosudarstvo i razvitie chelovechestva* [The Materialist Conception of History. Vol. 2. The State and the Development of Humankind]. Moscow, 1931. 851 p.
5. Kautsky K. Patriotizm, voyna i sotsial-demokratiya [Patriotism, War and Social Democracy]. *Vozhdi germanskoj sotsial-demokratii o voyne* [Leaders of German Social Democracy on War]. Moscow, 1917, pp. 9–32.
6. Kautsky K. *Sotsialisticheskij Internatsional i Sovetskaya Rossiya* [Socialist International and Soviet Russia]. Berlin, 1925. 48 p.
7. Bebel A. O patriotizme, internatsionalizme i voyne [On Patriotism, Internationalism and War]. *Vozhdi germanskoj sotsial-demokratii o voyne* [Leaders of German Social Democracy on War]. Moscow, 1917, pp. 33–37.
8. Luxemburg R. *Vvedenie v politicheskuyu ekonomiyu* [Introduction to Political Economy]. Moscow, 1960. 326 p.
9. Luxemburg R. *Sotsial'naya reforma ili revolyutsiya* [Social Reform or Revolution]. Moscow, 1959. 134 p.
10. Mehring F. *Istoriya voyn i voennogo iskusstva* [History of Wars and Military Art]. St. Petersburg, 1999. 528 p.
11. Mehring F. Vom Wesen des Krieges (Herbst 1914). *Die Neue Zeit*, 1914/1915, vol. 2, no. 1, pp. 193–201. Available at: <https://www.marxists.org/deutsch/archiv/mehring/1914/krieg/wesen.htm> (accessed: 10 July 2022).
12. Plekhanov G.V. *Nashi raznoglasiya* [Our Disagreements]. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya v 5 tomakh* [Selected Works on Philosophy in 5 Volumes]. Vol. 1. Moscow, 1956, pp. 115–170.
13. Plekhanov G.V. ...*O voyne: stat'i* [...On War: Articles]. Petrograd, 1917. 96 p.
14. Plekhanov G.V. *Ocherki po istorii materializma* [Essays on the History of Materialism]. *Izbrannye filosofskie proizvedeniya v 5 tomakh* [Selected Works on Philosophy in 5 Volumes]. Vol. 2. Moscow, 1956, pp. 33–194.
15. Wallerstein I. *Analiz mirovykh sistem i situatsiya v sovremennom mire* [World-Systems Analysis and Current Global Situation]. St. Petersburg, 2001. 414 p.
16. Clausewitz K. von. *O voyne* [On War]. Moscow, 2002. Vol. 1. 558 p.; Vol. 2. 574 p.
17. Aron R. *Leçons sur l'histoire: Cours du Collège de France*. Paris, 1991. 605 p. (Russ. ed.: Aron R. *Lektsii po filosofii istorii: Kurs lektsiy v Kollezhe de Frans*. Moscow, 2012. 333 p.).
18. *US President W. Wilson's Fourteen Points for World Peace in His Message to Congress, 8 January 1918*. Available at: http://www.hrono.ru/dokum/191_dok/19180108.html (accessed: 10 July 2022) (in Russ.).
19. Stepin V.S. (ed.). *Novaya filosofskaya entsiklopediya* [New Encyclopaedia of Philosophy]. Moscow, 2010. Vol. 1. 721 p.
20. Bel'kov O.A. *Filosofiya voyny: slova i smysly* [The Philosophy of War: Words and Meanings]. *Vlast'*, 2019, vol. 27, no. 2, pp. 119–127. DOI: [10.31171/vlast.v27i2.6337](https://doi.org/10.31171/vlast.v27i2.6337)
21. Gumpłowicz L. *Soziologie und Politik*. Leipzig, 1902 (Russ. ed.: Gumplovich L. *Sotsiologiya i politika*. Moscow, 1895. 124 p.).
22. Savinchenko T.I., Sokolov M.V. G.V. Plekhanov i Pervaya mirovaya voyna [G.V. Plekhanov and World War I]. *Vestnik Ekaterininskogo instituta*, 2017, vol. 3, no. 39, pp. 79–83.
23. Rozov N.S. *Priroda voyny: makrosotsiologicheskij analiz sushchnosti i prichin massovogo organizovannogo nasiliya* [The Nature of War: The Macrosociological Analysis of Essence and Reasons of a Mass Organized Violence]. *Gumanitarnyy vektor*, 2009, no. 1, pp. 29–39.
24. Bondarenko D.M. *Natsiya v epokhu intensivnoy globalizatsii* [Nation in the Time of Intensive Globalization]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshchestvennye nauki*, 2017, vol. 3, no. 787, pp. 115–124.
25. Carneiro R.L. A Theory of the Origin of the State. *Science*, 1970, vol. 169, no. 3947, pp. 733–738.
26. Gibson D.B. Carneiro's Social Circumscription Theory: Necessary but Not Sufficient. *Soc. Evol. Hist.*, 2012, vol. 11, no. 2, pp. 51–55.
27. Guidi A. Carneiro and the Archaeology of War: A Comment from a Prehistorian. *Soc. Evol. Hist.*, 2012, vol. 11, no. 2, pp. 56–57.

DOI: 10.37482/2687-1505-V222

Elena N. Emel'yanova

Institute of Scientific Information for Social Sciences RAS;
Nakhimovskiy prosp. 51/21, Moscow, 117418, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9545-8150> e-mail: e.n.emelyanova@mail.ru

THE ESSENCE OF AND REASONS FOR WAR IN THE SOCIAL DEMOCRATIC THOUGHT OF THE 20th AND 21st CENTURIES

This article deals with the problem of war and peace in the works of representatives of the social democratic thought of the 20th and 21st centuries. The focus is on the works of Marxists (K. Kautsky, A. Bebel, R. Luxemburg, F. Mehring, G.V. Plekhanov) and neo-Marxist I. Wallerstein, as well as their opponents: realists (C. von Clausewitz, R. Aron, and others) and supporter of liberal idealism W. Wilson, as well as on some studies of contemporary authors. Much attention is paid to defining the essence of wars, their causes, ways to achieve peace, and ideas about the ideal world order. Further, the evolution of social democratic theory on the issue of war and peace in the 20th century is traced. The views of Marxist theorists are compared with those of representatives of other areas of the science of international relations. It is concluded that socialist theory, which is based on the understanding of the essence of war laid down in the works of the founders of Marxism and has much in common with the realist school, has evolved towards liberalism in matters of peace and post-war world order. At the same time, it made a significant contribution to the theory of international relations and not only became the basis for neo-Marxism, but also enriched political realism and liberalism as well as modern science in general with some ideas. Works of researchers of the 21st century develop and summarize the most important conclusions on war and peace made by representatives of Marxism and other schools of the theory of international relations, which indicates the aspiration of the world scientific community to solve this global problem through joint efforts.

Keywords: *problem of war and peace, nature of war, reasons for war, models of ideal world order, ways to peace, social democracy, liberalism, realist theory of international relations.*

Поступила 02.09.2022
Принята 07.12.2022
Опубликована 08.12.2022

Received 2 September 2022
Accepted 7 December 2022
Published 8 December 2022

For citation: Emel'yanova E.N. The Essence of and Reasons for War in the Social Democratic Thought of the 20th and 21st Centuries. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 6, pp. 16–24. DOI: 10.37482/2687-1505-V222

УДК 94(47).08

DOI: 10.37482/2687-1505-V218

*ГОЛДИН Владислав Иванович, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 630 научных публикаций, в т.ч. 30 монографий (4 – в соавт.) и 6 учебных пособий (3 – в соавт.)**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267>

100 ЛЕТ СССР И 30 ЛЕТ БЕЗ СССР: УРОКИ ИСТОРИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ (обзор)

Статья посвящена столетию образования Союза Советских Социалистических Республик и осмыслению его истории, опыта развития, и прежде всего в сфере межнациональных отношений и национально-государственного строительства, основным этапам этого процесса и их результатам, достижениям и проблемам, сильным и слабым сторонам советского исторического проекта как альтернативы мирового развития. Представлен обзор и анализ основных тенденций отечественной и зарубежной историографии в изучении национально-государственного строительства в СССР и советской этнополитической проблематики в контексте общего осмысления советского исторического и политического проекта. Особое внимание уделено анализу причин распада СССР и дискуссиям на эту тему в отечественной и зарубежной литературе, рассмотрены основные версии, объективные и субъективные факторы, представленные исследователями, в т. ч. значение кризисных явлений и действий в сфере национальных отношений, подъем национализма, шовинизма и сепаратизма, усиление центробежных тенденций. Охарактеризованы основные последствия крушения Советского Союза и вытекающие из этого исторические уроки, итоги развития государств, возникших на постсоветском пространстве за минувший 30-летний период. Анализируется общественное мнение россиян о распаде Советского Союза спустя годы. Указывается на то, как юбилей СССР может быть использован для воспитания патриотизма и формирования современной исторической памяти граждан России в контексте современных усилий нашей страны по собиранию Русского мира и продвижению русского языка и культуры в мире.

Ключевые слова: СССР, Россия, национальный вопрос, межнациональные отношения, национально-государственное строительство.

*Адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2; e-mail: v.i.goldin@yandex.ru

Для цитирования: Голдин В.И. 100 лет СССР и 30 лет без СССР: уроки истории и современность (обзор) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 6. С. 25–37. DOI: 10.37482/2687-1505-V218

Введение

Столетие образования Союза Советских Социалистических Республик (СССР) вряд ли будет оставлено без внимания исследователями не только в России, но и на постсоветском пространстве и в мире в целом. Дело в том, что СССР был уникальным государственным и этнополитическим образованием. Просуществовав почти семь десятилетий в сложное и драматичное время XX века, он стал воплощением социалистической мечты человечества. Демонстрируя высокую динамику развития, СССР превратился во второй половине минувшего столетия в одну из двух сверхдержав планеты, а затем распался и канул в лету в конце 1991 года, что во многом стало неожиданностью как для его сторонников, так и для противников. Сегодня объективными политиками и исследователями это оценивается как драма и трагедия, как крупнейшая геополитическая катастрофа XX века, а возможно и всей отечественной истории.

Целями статьи являются: осмысление исторического пути СССР и советского проекта, прежде всего как уникального многонационального государственного образования, характеристика сильных и слабых сторон его конструкции, анализ опыта национально-государственного строительства, выяснение роли национальных и иных факторов в распаде страны, выявление исторических уроков для современности и в первую очередь для нынешней России.

Историография и методы исследования

Объем научной литературы, посвященной истории СССР, огромен, в т. ч. и проблемам национально-государственного строительства в Советском Союзе. Все имеющиеся материалы можно разделить на две большие группы: советского и постсоветского периодов. В рамках советской историографии, в т. ч. в изданиях обобщающего характера, преобладала положительная оценка процессов, происходивших в СССР в области межнациональных отношений. Более того, акцентировалось всемирно-историческое значение советского опыта для решения национального вопроса [1–3].

Писать об имевшихся проблемах и противоречиях тогда было не принято. Лишь в период перестройки в СССР в условиях обострения национального вопроса и межнациональных отношений появляется литература иного характера, в которой предпринимаются попытки переосмысления этой тематики [4; 5].

В зарубежной литературе доминировали типичное для эпохи холодной войны негативное восприятие СССР как государства, созданного посредством насилия, и характеристика его как империи. Это относилось, прежде всего, к такому лидеру западной «тоталитарной» историографии, как американец Р. Пайпс, который начал свой путь в истории с изучения образования СССР и пронес русофобию через всю жизнь и творчество [6]. Принципиально иных взглядов придерживался другой выдающийся западный историк, англичанин Э. Карр, который положительно оценивал создание СССР, характеризуя его как федерацию [7].

Литература постсоветского периода как отечественная, так и зарубежная разнообразна по проблематике, подходам, идейно-политическим воззрениям авторов. Популярность в постсоветской России приобрела концепция «империологии» и осмысление отечественной истории, включая и советский период, как истории империи, с характеристикой российского исторического пути в логике рождения, смерти и возрождения империи [8–10]. В зарубежной историографии эта традиционная для нее концепция воплотилась в новых изданиях [11–15].

Эволюция взглядов на национальный вопрос и межнациональные отношения в СССР и России представлена в отечественной этнографии [16]. Анализом проблем федерализма в стране в XX веке занимался Р.Г. Абдулатипов с коллегами [17].

При многообразии и доминировании критических суждений об СССР и пройденном им историческом пути, в т. ч. в национально-государственном строительстве, следует отметить монографию иного характера, изданную многолетним исследователем этой темы, историком В.Е. Гросулом. Он показал, что при всех

сложностях межнациональные отношения в период существования Советского Союза были в значительной степени отрегулированы, и национальный вопрос в стране не носил антагонистического характера [18].

Особый интерес специалистов разных отраслей знаний вызывала и вызывает перестройка, обернувшаяся распадом СССР. Этой теме посвящена обширная литература, насчитывающая сотни, если не тысячи книг, изданных в нашей стране и за рубежом, с многообразием и полярностью представленных в ней суждений. К сожалению, обобщающие работы обзорно-аналитического характера по данной теме единичны [19]. Укажем лишь некоторые издания книжного формата, в которых рассматривалась национальная и этнополитическая проблематика с целью выявления роли национальных факторов в распаде СССР [20; 21].

Отметим серию конференций последних лет в Санкт-Петербурге и сборников их материалов под общим названием «Россия в эпоху революций и реформ: проблемы истории и историографии», где были представлены мнения ведущих российских и зарубежных исследователей. В издание, посвященное истории советского общества, в т. ч. перестройке в СССР, включены исследования 18 специалистов, в т. ч. 8 ученых из 7 стран мира [22]. В сборник, анализирующий распад СССР, вошли работы 29 историков, политологов и политиков, в т. ч. 9 человек, представлявших 5 стран [23]. В конце 2022 года должен выйти в свет аналогичный сборник по национальной тематике, посвященный 100-летию образования СССР.

Методология и материалы

Статья выполнена на основе полидисциплинарного подхода и междисциплинарного синтеза.

Образование СССР происходило в исключительно сложных условиях после распада Российской империи и прокатившейся по все-

му постимперскому пространству Гражданской войны, сопровождавшейся интервенцией с участием ведущих стран мира, которые предпринимали попытки расколоть и разделить Россию. Одержавшим победу в войне большевикам предстояло возродить понесшую колоссальные потери страну, восстановить в ней мирные межнациональные отношения после многочисленных кровавых конфликтов.

Большевистский подход к национальному вопросу варьировался от допущения унитарного государства, которому первоначально отдавалось предпочтение, до федерации автономий или союза суверенных социалистических республик, что воплотилось в создании СССР. Процесс объединения происходил под эгидой единой для всех республик Российской коммунистической партии большевиков, что позволяло разрешать все вопросы, конфликты и противоречия, которых возникало немало. 30 декабря 1922 года на Первом Общесоюзном съезде Советов делегатов 4 республик (Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР), Закавказской Социалистической Федеративной Советской Республики, Украинской Советской Социалистической Республики и Белорусской Советской Социалистической Республики) были в основном утверждены Декларация и Союзный договор, тексты которых в силу особой значимости направили на дополнительное рассмотрение центральных исполнительных комитетов (ЦИК) союзных республик, а ЦИК СССР предстояло подготовить их окончательную редакцию ко II съезду¹.

К нему расширенной Конституционной комиссией с участием представителей союзных республик подготовлена Конституция СССР, рассмотренная и одобренная на заседаниях ЦИК республик. Все названные документы утвердили на II Всесоюзном съезде Советов в январе 1924 года. Были определены полномочия

¹Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных Советских Социалистических Республик: сб. док. 1917–1936 гг.: в 3 т. Т. 3.: Съезды Советов Союза Советских Социалистических Республик. 1922–1936 гг. М.: Госюриздат, 1960. С. 15–16.

союзного государства, его совместные полномочия с союзными республиками, полномочия последних и их суверенные права, в т. ч. и право на свободный выход из СССР. Это – воплощение в жизнь одного из принципов большевистской национальной программы – права наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств. Привлекательный по своему характеру он был закреплен и в предшествующих советских документах, начиная с Декларации прав народов России, принятой в ноябре 1917 года, и в последующих советских конституциях, однако в условиях ослабления партийного руководства в период перестройки оказался миной замедленного действия под конструкцией СССР.

Развитие советского многонационального государства шло по линии совершенствования национально-государственной структуры и взаимоотношений в данной сфере. Если к началу 1923 года в стране было 33 национально-государственных и национально-территориальных образования, то к 1937 году их число увеличилось до 51. Среди них было 11 союзных и 22 автономные республики, 9 автономных областей и 9 автономных (национальных) округов. К началу Великой Отечественной войны число союзных республик увеличилось до 16, менялось и количество автономных республик, областей и округов. Таким образом, в стране сложилось четыре разных вида национально-государственных и национально-административных образований с разными правами. Отметим и существовавшие на низовом уровне национальные районы и сельсоветы. Это призвано было способствовать расширению возможностей развития наций, национальностей и этнических групп в стране, а основой их взаимоотношений являлись всемерно культивируемые принципы дружбы народов и пролетарского интернационализма.

Наибольшая самостоятельность в виде национального наименования территории была предоставлена нациям. Около 80 из более чем 130 национальностей, населявших СССР, не получили никаких национальных образований [24, с.121]. Особые права, предоставляемые

коренным нациям и национальностям в организованных для них национально-государственных и национально-административных образованиях, могли создать и создали в перспективе проблемы для представителей других народов, исторически проживавших на данной территории или направляемых туда для помощи в осуществлении процессов модернизации.

В центре национальной политики советского государства находилась деятельность по преодолению отсталости многих народов страны. Для этого ускоренными темпами осуществлялось многосторонняя помощь посредством направления специалистов из центра, а бюджеты многих союзных республик на протяжении десятилетий покрывались в расходной части главным образом за счет общесоюзных дотаций. В результате проводимой ускоренной индустриализации особыми темпами развивалась промышленность в национальных республиках. К 1940 году объем производства крупной промышленности, по сравнению с 1913, увеличился в Узбекской ССР в 7,2 раза, в Украинской ССР – в 10 раз, в Туркменской ССР – в 11 раз, в Казахской ССР – в 20 раз, в Киргизской ССР – в 153 раза, в Таджикской ССР – в 324 раза [2, т. 1, с. 351]. Если ранее национальные регионы по уровню грамотности в десятки раз отставали от центра страны, то уже к 1940 году этот уровень приблизился к среднесоюзному, а к 1980-м годам по уровню образования некоторые национальности обогнали русских. Для 56 ранее бесписьменных народов была создана письменность и появилась возможность вести обучение в школе на родном языке.

Осуществлялся принцип коренизации государственных органов и их аппарата в национальных республиках и на местах. Вместе с тем сложилась практика, когда первый секретарь Центрального комитета (ЦК) компартии республики представлял титульную нацию, а второй – направлялся Центром для контроля над проведением национальной политики и состоянием дел в иных сферах.

Колоссальные перемены, произошедшие в разных областях жизни страны, когда люди

«сказку делали былью», сформировали начала советского патриотизма, интернационализма и дружбы народов, помогли стране одержать победу во Второй мировой войне и внести решающий вклад в разгром фашизма и милитаризма в мире. Спасать мир в это время было более некому, ибо Франция капитулировала, Великобритания смогла отстоять себя в так называемой битве за Британию (1940), но не имела шансов в одиночку победить Германию и ее союзников, а США стремились отсидеться на своем далеком от войны континенте, пока позор Перл-Харбора не заставил их взяться за оружие в борьбе с Японией, а затем и принять участие в боевых действиях в Европе и создании антигитлеровской коалиции.

Послевоенные десятилетия были отмечены высокими темпами развития СССР и по-прежнему ускоренной динамикой, характерной для национальных территорий. Руководствуясь различными соображениями, правительство страны приняло ряд решений о перераспределении некоторых территорий между республиками, например о включении русского Крыма в 1954 году в состав УССР. Это, а также расширение ее еще ранее за счет целого ряда других исконно русских территорий обернулись спустя десятилетия современной драмой и трагедией.

На рубеже 1960–1970-х годов СССР было объявлено о создании новой исторической и интернациональной общности – советского народа [25]. Это стало и результатом того, что в ходе огромной проделанной в СССР к этому времени работы были выровнены уровни экономического и культурного развития составлявших его народов, достигнуто не только юридическое, но и фактическое их равенство. В принятой в 1977 году новой Конституции СССР говорилось: «Союз Советских Социалистических Республик – единое многонациональное государство, образованное на основе принципа социалистического федерализма, в

результате свободного самоопределения наций и добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик. СССР олицетворяет государственное единство советского народа, сплавливает все нации и народности в целях совместного строительства коммунизма»².

Действительно, в области национальных отношений достигнут большой прогресс, и национальный вопрос в том виде, в котором он достался от Российской империи, решен. Было сделано многое для юридического и фактического равноправия народов, обеспечения их всестороннего развития. Казалось, что взрывоопасных проблем в этой сфере нет. Вместе с тем на фоне позитивных перемен в экономической и социальной жизни происходил рост национального самосознания, а в национальных элитах усиливались коррупция и стремление к большей самостоятельности от Центра. Впрочем, видимых проявлений этого не было.

В 1980-е годы СССР вошел в апогей своей мощи, являясь одной из двух сверхдержав мира, будучи, казалось бы, способным решать все проблемы экономики, социальной сферы и науки. Без него не решался ни один вопрос мировой политики. За весь более чем тысячелетний период государственной истории страны пик ее максимального могущества проявлялся в широкой поддержке СССР в мире в лице стран социалистической системы на трех континентах, мирового коммунистического движения, стран социалистической ориентации и др.

Объявленная в СССР перестройка подняла широкий круг актуальных вопросов, всколыхнула и всю национально-государственную проблематику, обнажив ее слабые места и противоречия. В условиях декларируемых Центром гласности и демократизации стали подниматься многие сложные и болезненные проблемы прошлого и настоящего межнациональных отношений и национально-государственного строительства, что

²Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.). URL: https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/ (дата обращения: 30.08.2022).

во многом стало основой для появления и действий националистических и радикально-экстремистских сил. Ослабление Центра усиливало стремление к суверенизации на местах. Теория самоопределения, лежавшая в основе конституционно-правовых норм советского государства, обнаружила свои слабые места.

Но зададимся главным вопросом: предопределила ли именно национальная проблематика распад СССР. Ответ на него сложен, а в литературе существуют различные и прямо противоположные суждения. В первые годы перестройки протестные выступления на национальной почве были единичными. Отметим, например, крупные волнения в Алма-Ате в декабре 1986 года, произошедшие в связи с заменой первого секретаря ЦК коммунистической партии Казахстана Д.А. Кунаева, трижды Героя Социалистического Труда, 35 лет (с учетом работы в качестве главы правительства) руководившего республикой и много сделавшего для нее, на бывшего первого секретаря Ульяновского обкома Коммунистической партии Советского Союза (КПСС) В.Г. Колбина, присланного по рекомендации М.С. Горбачева. Эти выступления были подавлены внутренними войсками.

Националистические настроения и выступления в дальнейшем нарастали подспудно, начинаясь нередко под лозунгом «поддержки перестройки» и наиболее массово выплеснувшись с 1988 года на фоне нараставшего системного кризиса, охватившего разные сферы жизни страны, очевидного ослабления Центра, потери доверия к нему и его беспомощности. Формой, консолидирующей протестные движения, стали народные фронты, возникшие в 1988 году в республиках Прибалтики, а затем и Кавказа. В 1988 году развернулись события вокруг Нагорного Карабаха, который армяне считали своей исторической землей и требовали вывода из состава Азербайджанской ССР, что вылилось в конечном итоге в военные действия между Арменией и Азербайджаном. Эта территория остается «горячей точкой» и сегодня.

С 1989 года волна насилия и межнациональных столкновений прокатилась по Узбекиста-

ну, Киргизии, Казахстану, Азербайджану, Грузии, для прекращения которых использовались внутренние войска. В 1990 году в ходе выборов оппозиционные силы получили большинство в республиках Прибалтики, Армении, Грузии и Молдавии, что обернулось принятием решений о независимости и выходе из состава СССР. В 1990–1991 годах в союзных (включая РСФСР) и автономных республиках начался «парад суверенитетов», в ходе которого принимались декларации о суверенитете, где оспаривался приоритет союзных законов над республиканскими и утверждался обратный порядок, что сопровождалось «войной законов». Все это способствовало углублению кризиса в стране, распаду единого экономического пространства, росту дефицита продуктов и товаров массового спроса.

Но, приводя печальную хронологию, свидетельствующую о быстром росте центробежных тенденций и движении к распаду СССР, нарастании комплекса проблем в национальных отношениях и национально-государственном строительстве, которые анализировались учеными [26], рассматривались на XIX конференции КПСС в 1988 году, Съезде народных депутатов 1989 года, что вылилось в ряд законов, призванных способствовать решению указанных проблем, и в Новоогаревский процесс 1991 года, все-таки ответим на вопрос, являлась ли именно национальная проблематика первичной и определяющей в крахе Советского Союза.

На наш взгляд, при всей ее значимости, нет. Она лишь ускорила процесс, начавшийся ранее, с провозглашенной перестройки с ее благими намерениями, которыми, как гласит пословица, оказалась вымощена дорога в ад. На деле это была декларация, не подкрепленная ни в 1985 году, ни в дальнейшем четким видением реформ и внятной стратегией их реализации, что и обернулось развалом советской экономики, идеологии, социально-политических отношений и государственности.

Критика и разрушение основ плановой и централизованной экономики с надеждами на

достижение чудодейственных результатов посредством ускоренного введения рынка, который решит все проблемы, оказались блефом. Экономические проблемы усугублялись непродуманной антиалкогольной кампанией, падением цен на нефть на мировом рынке, огромными и непредвиденными затратами, связанными с Чернобыльской катастрофой и страшным землетрясением в Армении, а также распадом экономических связей и др. Потребности в повышении роли научно-технического прогресса в экономике только декларировались. На повестке дня действительно стояла необходимость комплексной и продуманной постиндустриальной модернизации страны [9], но до этого дело так и не дошло.

Начавшаяся в конце 1980-х годов в условиях углубляющегося кризиса социально-экономической системы политическая реформа с декларациями о движении к правовому и демократическому государству привела к обратным ожидаемым результатам, легализации оппозиции и экстремистских сил, которые привели страну к гибели.

Самоубийственным оказалось решение пленума ЦК КПСС от 5 февраля 1990 года, принятое по настоянию генерального секретаря М.С. Горбачева (в отношении которого можно повторить знаменитый вопрос, прозвучавший в Государственной думе в ноябре 1916 года: «Что это: глупость или измена?»), об отмене 6-й статьи Конституции о руководящей роли партии, что воплотилось 14 марта того же года в соответствующие поправки, внесенные III Съездом народных депутатов. Но это привело не к стабилизации политической обстановки в стране, а к углублению кризиса в связи с утратой главного ее скрепляющего звена и ядра, сердцевины общественно-политической системы в виде компартии, и сделало крах СССР, а добавим и всей социалистической системы, необратимым.

Выше был упомянут Новоогаревский процесс, получивший наименование от подмо-

сковной резиденции М.С. Горбачева «Ново-Огарево». Он начался в апреле 1991 года в условиях кризиса межнациональных отношений, взаимоотношений союзных республик и Центра и был направлен на разработку нового Союзного договора. В нем приняли участие представители 9 союзных и ряда автономных республик. Началу этого процесса предшествовал всесоюзный референдум от 17 марта 1991 года, с явкой 80,03 % числа избирателей, граждан страны, 76,4 % из которых высказались в пользу сохранения СССР как обновленной федерации³.

Результатом переговоров стала договоренность о подписании представителями 9 союзных республик в период с 20 августа нового Союзного договора о создании Союза Суверенных Государств. Хотя учреждаемое государство и должно было сохранить прежнюю аббревиатуру – СССР, но расшифровываемую как Союз Советских Суверенных Республик, и именоваться мягкой федерацией, но на деле должно было стать конфедерацией и означало не что иное, как стадию на пути к полному распаду Советского Союза.

Последней попыткой спасти государство, как очевидно для многих сегодня, стали события августа 1991 года. Ныне, когда опубликованы многие документы тех лет и изложены в книгах воспоминания и свидетельства членов Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) и видных участников событий, это становится очевидным. Неудача выступления ГКЧП ускорила крах советской системы и распад страны. А запрет деятельности КПСС указом президента России Б.Н. Ельцина 6 ноября 1991 года, признанным спустя год юристами незаконным и неконституционным, парализовал ту единственную силу, которая могла еще попытаться спасти страну.

Заметим в связи с этим, что в дискуссии о причинах распада СССР многие исследователи указывают на растущий сепаратизм целого

³Известия. 1991. 27 марта.

ряда лидеров союзных республик, возлагая при этом особую ответственность на Б.Н. Ельцина. Действительно, избрание его председателем Верховного Совета РСФСР и принятие по его инициативе Декларации о государственном суверенитете РСФСР в 1990 году стали тяжелыми ударами по СССР, ибо именно Россия на протяжении веков собирала вокруг себя другие народы, а сейчас происходило обратное. Избрание Ельцина в 1991 году президентом РСФСР, как и его острое и непримиримое соперничество за власть с Горбачевым, а затем подписанные им с С.С. Шушкевичем и Л.М. Кравчуком Беловежские соглашения нанесли последние и смертельные удары по СССР.

11 декабря 1991 года в Алма-Ате руководители 11 республик подписали протокол об образовании Содружества Независимых Государств. 25 декабря президент СССР М.С. Горбачев ушел в отставку, и на следующий день СССР был распущен. Это были последние акты данной драмы и трагедии отечественной истории.

Жизнеспособен ли был СССР во второй половине 1980-х годов, когда началась перестройка? На этот вопрос современные исследователи отвечают по-разному, но автор относит себя к тем, кто выскажется утвердительно. Да и сам инициатор реформ М.С. Горбачев вынужден был впоследствии признать данный факт. В связи с этим полезно проанализировать ход и итоги процессов и реформ, происходивших параллельно, в одно и то же время в СССР и КНР, но приведших к обратным результатам: Советский Союз прекратил существование, а Китай, совершив за последние десятилетия колоссальный рывок в развитии, стал главным конкурентом США в современном мире. Этот анализ уже приходилось ранее делать автору [27, с.41–45].

Одной из причин краха СССР в литературе называется перерождение и предательство части представителей советской партийно-государственной элиты, занимавших высшие должности в системе власти в стране, – А.Н. Яковлева, Б.Н. Ельцина, Э.А. Шеварднадзе, Л.М. Крав-

чука и др., а ряд исследователей считают именно это самой главной причиной. В связи с этим делается вывод, что происходил намеренный развал СССР [28; 29]. Дискуссию в литературе вызывает фигура М.С. Горбачева. Кто-то считает его предателем и главным виновником распада СССР. Другие указывают на его эволюцию от сторонника коммунистических взглядов к социал-демократическим. Но абсолютное большинство исследователей признает, что это был политик, который явно не соответствовал должности лидера страны в тот сложный период. Значимым фактором краха СССР ряд авторов называет противостояние Горбачева и Ельцина [30].

Свою роль в распаде СССР сыграла и часть представителей интеллигенции, выступавшая проводниками либеральных реформ и получившая в результате дивиденды в виде попадания во власть в постсоветской России (Е.Т. Гайдар, А.А. Собчак, Г.Э. Бурбулис, А.Б. Чубайс и др.).

В размышлениях о причинах распада СССР существует и такое давно сложившееся в нашей стране и за рубежом направление, которое объясняет это внешними факторами, подрывной деятельностью из-за рубежа [31–33], хотя доминантой произошедшего были все-таки внутренние процессы.

Обобщая все вышеизложенное, следует признать, что более обоснованным является осмысление всего широкого комплекса факторов и причин, объективных и субъективных, которые привели к краху Советского Союза.

Выводы и исторические уроки

Распад великой державы под названием Союз Советских Социалистических Республик стал одним из самых драматичных событий мировой истории XX века. Он оказал колоссальное влияние на судьбы нашей страны и всей планеты, во многом изменил миропорядок, что в полной мере ощущается и сегодня. По постсоветскому пространству прокатилась волна этнических и региональных вооруженных конфликтов и войн, унесших сотни тысяч жизней, что сопровождалось и миллионами беженцев. Потери населения в результате социально-

экономических и иных потрясений составили еще несколько миллионов человек⁴.

Тяжело пережила первое постсоветское десятилетие и Россия, понеся колоссальные потери в экономической, социальной и демографической сферах, культуре, науке, образовании и утратив технологическое лидерство и многие научные школы. Страна уступила свои бывшие ведущие позиции в мире, и баланс сил резко изменился не в ее пользу [9, с. 3; 34, с. 406–452].

Усилия, предпринятые российским руководством для улучшения ситуации в стране и укрепления ее положения в мире в первые два десятилетия XXI века, дали определенные результаты, но столкнулись с активным внешним противодействием, что в полной мере ощущается сегодня, когда на повестке дня оказался сам вопрос существования России, а так называемый «коллективный Запад» стремится к ее краху и расчленению.

Руководство ни одного из 15 государств, образовавшихся на территории бывшего СССР, не может заявить сегодня, что за минувшие 30 лет после его крушения достигнут очевидный прогресс в экономике, науке, социальной сфере, в повышении уровня и качества жизни населения. Таким образом, в результате краха великой страны объективно проиграли все, и это один из самых суровых уроков истории.

Столетие образования СССР стало предметом активного обсуждения общественностью, политиками и в современном научном мире России, и за ее пределами. И это не случайно, т. к. Россия является преемником СССР, поэтому исторические уроки его создания, развития и распада, а также наследие, безусловно, заслуживают осмысления. История Советского Союза – это важная составная часть нашей национальной памяти.

Опросы общественного мнения в России, проводимые в разные годы, демонстрируют,

что абсолютное большинство жителей страны сожалеет о распаде СССР [9, с. 3]⁵. Это связано с осознанием потери принадлежности к великой и могучей стране, утратой стабильности, социальной справедливости и уверенности в завтрашнем дне. Опрашиваемые часто скорбят о том, что лейтмотив дружбы народов, который был одним из ключевых в советское время, нередко уходит на второй план сегодня. Согласно исследованию «Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе в российском общественном мнении», 75 % россиян считают, что советская эпоха была лучшим временем в истории страны, и не согласны с этим только 18 %⁶.

В последние годы Россия прилагает большие усилия для собирания Русского мира, и столетие СССР может послужить серьезной миротворческой идеей для объединения почти 270 млн человек, родившихся в СССР и разбросанных сегодня по всему миру. Этот юбилей может способствовать осмыслению и пропаганде лучших достижений советского опыта как альтернативного проекта мирового развития, когда в центр его были поставлены высокие культурные, моральные и интеллектуальные ценности, дружба народов и были достигнуты колоссальные результаты в экономике, социальной сфере, науке и образовании. Многие из этого может служить ориентиром для современной России и ее инновационного развития.

Праздновать столетие образования СССР планируют и за пределами нашей страны, и прежде всего в КНР, ибо, как заметил в одном из своих выступлений ее лидер Си Цзиньпин: «СССР не исчезал, он просто переехал в Китай»⁷.

Этот юбилей может способствовать воспитанию у молодого поколения граждан нашей страны патриотизма и чувства гордости за От-

⁴Мукомель В.И. Демографические последствия этнических и региональных конфликтов в СНГ // Социол. исследования. 1999. № 6. С. 66–71; Иванов Н. Цена поражения // Эксперт. 2011. 26 декабря.

⁵Гурина Н. Россияне хотят вернуться назад в СССР // РБК daily. 2011. 30 марта.

⁶URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/23/825985-tri-chetverti>; URL: <https://wciom.ru/> (дата обращения: 01.09.2022).

⁷URL: <https://fishki.net/3823705-kitaj-otmechaet-100-letie-kommunisticheskoy-partii-azija-sodrogaetsja.html> (дата обращения: 01.09.2022).

ечество, преодолевающее все трудности на своем пути. Эта дата может содействовать продвижению русского языка в современном мире как основополагающего кода к сохранению культурного наследия СССР и России на нашей планете, противодействовать пропаганде русофобии.

Важнейшим историческим уроком для современной России, вытекающим из опыта

СССР, является необходимость самого пристального внимания к проблемам национальных и межнациональных отношений, своевременного решения возникающих в этой сфере вопросов, решительного пресечения националистических и шовинистических высказываний и действий, воспитания подрастающего поколения в духе дружбы народов.

Список литературы

1. Чугаев Д.А. Коммунистическая партия – организатор Союза Советских Социалистических Республик. М.: Мысль, 1972. 412 с.
2. История национально-государственного строительства в СССР, 1917–1978: в 2 томах / отв. ред. В. П. Шерстобитов. 3-е изд., доп. и перераб. М.: Мысль, 1979.
3. Абдулатипов Р.Г., Бурмистрова Т.Ю. Ленинская политика интернационализма в СССР: история и современность. М.: Мысль, 1982. 266 с.
4. Тишков В.А. О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений // Совет. этногр. 1989. № 5. С. 3–14.
5. Национальные процессы в СССР / отв. ред. М.Н. Губогло. М.: Наука, 1991. 261 с.
6. Pipes R. The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism. 1917–1923. Cambridge: Harvard University Press, 1954. 355 p.
7. Carr E.H. A History of Soviet Russia: in 14 vols. London: Macmillan, 1950–1978.
8. Каспэ С.И. Империя и модернизация: Общая модель и российская специфика. М.: РОССПЭН, 2001. 253 с.
9. Алексеев В.В., Алексеева Е.В. Распад СССР в контексте теорий модернизации и имперской эволюции // Отечеств. история. 2003. № 5. С. 3–20.
10. Абалов А., Иноземцев В. Бесконечная империя: Россия в поисках себя. М.: Альпина Паблишер, 2021. 426 с.
11. Nationalism and Empire: The Habsburg Monarchy and the Soviet Union / ed. by R.L. Rudolph, D.F. Good. N.Y.: St. Martin's, 1992. 313 p.
12. The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective / ed. by K. Dawisha, V. Parrott. Armonk: M.E. Sharpe, 1997. 374 p.
13. Канпелер А. Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад: пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 342 с.
14. Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005. 388 p.
15. Российская империя в зарубежной историографии: работы последних лет: антология / сост. П. Верт, П. Кабытов, А. Миллер; пер. с англ., нем. и фр. М.: Новое изд-во, 2005. 694 с.
16. Академик Ю.В. Бромлей и отечественная этнология. 1960–1990-е годы / отв. ред. С.Я. Козлов. М.: Наука, 2003. 332 с.
17. Абдулатипов Р.Г., Болтенкова Л.Ф., Яров Ю.Ф. Федерализм в истории России. Кн. 1–3. М.: Республика, 1992–1993.
18. Гросул В.Я. Образование СССР (1917–1924 гг.). М.: ИТРК, 2007. 215 с.
19. Волгин Е.И. Проблема распада Союза ССР в современной научно-популярной литературе // Гос. упр. Электрон. вестн. 2018. Вып. 71. С. 163–185.

20. Чешко С.В. Распад Советского Союза. Этнополитический анализ. 2-е изд. М.: ИЭА РАН, 2000. 395 с.
21. Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза / сост. С.М. Исаков; отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М.: Соц.-полит. мысль, 2005. 600 с.
22. Русская революция и ее итоги: взгляд на историю советского периода / отв. ред. В.В. Калашников; под ред. Д.Н. Меньшикова. СПб.: СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2020. 244 с.
23. Россия в эпоху революций и реформ. Демонтаж СССР: 1991 год / отв. ред. В.В. Калашников; под ред. Д.Н. Меньшикова. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2021. 346 с.
24. Козьменко В.М., Цай В.И. Эволюция межнациональных отношений и национальной политики в СССР в 1920-х – 1991 г. // Вестн. РУДН. Сер.: История России. 2012. № 2. С. 120–131.
25. Ким М.П. Советский народ – новая историческая общность людей: становление и развитие. М.: Наука, 1975. 520 с.
26. Алымов С.С. Забывая этнос и нацию: этнографические дискуссии и экспертиза «национального вопроса» в период перестройки // Шаги. 2021. Т. 7, № 2. С. 70–92. DOI: [10.22394/2412-9410-2021-7-2-70-92](https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-70-92)
27. Голдин В.И. Китайская мозаика: Китайская Народная Республика в начале XXI века. Архангельск: САФУ, 2017. 253 с.
28. Хасбулатов Р.И. Полуразпад СССР. Как развалили сверхдержаву. М.: Яуза-Пресс, 2011. 508 с.
29. Островский А.В. Глупость или измена? Расследование гибели СССР. М.: Крымский мост-9Д, 2011. 863 с.
30. Горбачев – Ельцин: 1500 дней политического противостояния / сост. Л.Н. Доброхотов. М.: Терра, 1992. 463 с.
31. Кортунов А.В. Дезинтеграция Советского Союза и политика США. М.: РНФ, 1993. 156 с.
32. Швейцар П. Победа: роль тайной стратегии Администрации США в распаде СССР и социалистического лагеря / пер. с пол. Минск: Авест, 1995. 463 с.
33. Красильников Р.С. Новые крестоносцы: ЦРУ и перестройка. М.: Олма-Пресс, 2003. 467 с.
34. Голдин В.И. На перекрестках памяти. Архангельск: Лоция, 2021. 496 с.

References

1. Chugaev D.A. *Kommunisticheskaya partiya – organizator Soyuzu Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik* [The Communist Party as the Organizer of the Union of Soviet Socialist Republics]. Moscow, 1972. 412 p.
2. Sherstobitov V. P. (ed.). *Istoriya natsional'no-gosudarstvennogo stroitel'stva v SSSR, 1917–1978* [The History of Nation Building in the USSR, 1917–1978]. Moscow, 1979.
3. Abdulatipov R.G., Burmistrova T.Yu. *Leninskaya politika internatsionalizma v SSSR: istoriya i sovremennost'* [Lenin's Policy of Internationalism in the USSR: History and the Present]. Moscow, 1982. 266 p.
4. Tishkov V.A. O novykh podkhodakh v teorii i praktike mezhnatsional'nykh otnosheniy [On New Approaches in the Theory and Practice of Interethnic Relations]. *Sovetskaya etnografiya*, 1989, no. 5, pp. 3–14.
5. Guboglo M.N. (ed.). *Natsional'nye protsessy v SSSR* [Ethnic Processes in the USSR]. Moscow, 1991. 261 p.
6. Pipes R. *The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923*. Cambridge, 1954. 355 p.
7. Carr E.H. *A History of Soviet Russia*. In 14 vols. London, 1950–1978.
8. Kaspe S.I. *Imperiya i modernizatsiya: Obshchaya model' i rossiyskaya spetsifika* [Empire and Modernization: General Model and Russian Specifics]. Moscow, 2001. 253 p.
9. Alekseev V.V., Alekseeva E.V. Raspad SSSR v kontekste teorii modernizatsii i imperskoy evolyutsii [The Collapse of the USSR in the Context of the Theories of Modernization and Imperial Evolution]. *Otechestvennaya istoriya*, 2003, no. 5, pp. 3–20.
10. Abalov A., Inozemtsev V. *Beskonechnaya imperiya: Rossiya v poiskakh sebya* [The Infinite Empire: Russia in Search of Itself]. Moscow, 2021. 426 p.
11. Rudolph R.L., Good D.F. (eds.). *Nationalism and Empire: The Habsburg Monarchy and the Soviet Union*. New York, 1992. 313 p.

12. Dawisha K., Parrott B. (eds.). *The End of Empire? The Transformation of the USSR in Comparative Perspective*. Armonk, 1997. 374 p.
13. Kapeller A. *Russland als Vielvölkerreich: Entstehung, Geschichte, Zerfall*. Munich, 1992. 395 p. (Russ. ed.: Kappeler A. *Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya. Vozniknovenie. Istoriya. Raspad*. Moscow, 2000. 342 p.).
14. Hirsch F. *Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union*. Ithaca, 2005. 388 p.
15. Verth P., Kabytov P., Miller A. (comps.). *Rossiyskaya imperiya v zarubezhnoy istoriografii: raboty poslednikh let* [The Russian Empire in Foreign Historiography: Works of Recent Years]. Moscow, 2005. 694 p.
16. Kozlov S.Ya. (ed.). *Akademik Yu.V. Bromley i otechestvennaya etnologiya. 1960–1990-e gody* [Member of the USSR Academy of Sciences Yu.V. Bromley and Russian Ethnology. 1960–1990s]. Moscow, 2003. 332 p.
17. Abdulatipov R.G., Boltenkova L.F., Yarov Yu.F. *Federalizm v istorii Rossii* [Federalism in the History of Russia]. Books 1–3. Moscow, 1992–1993.
18. Grosul V.Ya. *Obrazovanie SSSR (1917–1924 gg.)* [Creation of the USSR (1917–1924)]. Moscow, 2007. 215 p.
19. Volgin E.I. Problema raspada Soyuzа SSR v sovremennoy nauchno-populyarnoy literature [The USSR Collapse in Modern Popular Science Literature]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyy vestnik*, 2018, no. 71, pp. 163–185.
20. Cheshko C.V. *Raspad Sovetskogo Soyuzа. Etnopoliticheskiy analiz* [The Collapse of the Soviet Union. Ethnopolitical Analysis]. Moscow, 2000. 395 p.
21. Iskhakov S.M. (comp.). *Tragediya velikoy derzhavy: natsional'nyy vopros i raspad Sovetskogo Soyuzа* [The Tragedy of a Great Power: The Ethnic Question and the Collapse of the Soviet Union]. Moscow, 2005. 600 p.
22. Kalashnikov V.V. (ed.). *Russkaya revolyutsiya i ee itogi: vzglyad na istoriyu sovetskogo periodа* [The Russian Revolution and Its Results: A Look at the History of the Soviet Period]. St. Petersburg, 2020. 244 p.
23. Kalashnikov V.V. (ed.). *Rossiya v epokhu revolyutsiy i reform. Demontazh SSSR: 1991 god* [Russia in the Era of Revolutions and Reforms. Dismantling of the USSR: Year 1991]. St. Petersburg, 2021. 346 p.
24. Koz'menko V.M., Tsay V.I. Evolyutsiya mezhnatsional'nykh otnosheniy i natsional'noy politiki v SSSR v 1920-kh – 1991 g. [Evolution of Interethnic Relations and National Policy in USSR in 1920s – 1991]. *Vestnik RUDN, ser. "Istoriya Rossii"*, 2012, no. 2, pp. 120–131.
25. Kim M.P. *Sovetskiy narod – novaya istoricheskaya obshchnost' lyudey: Stanovlenie i razvitie* [The Soviet People as a New Historical Community of People: Formation and Development]. Moscow, 1975. 520 p.
26. Alymov S.S. Forgetting Ethnos and Nation: Ethnographic Discussions and Expertise on the “National Question” During Perestroika. *Steps*, 2021, vol. 7, no. 2, pp. 70–92 (in Russ.). DOI: [10.22394/2412-9410-2021-7-2-70-92](https://doi.org/10.22394/2412-9410-2021-7-2-70-92)
27. Goldin V.I. *Kitayskaya mozaika: Kitayskaya Narodnaya Respublika v nachale XXI veka* [The Chinese Mosaic: The People's Republic of China in the Early 21st Century]. Arkhangelsk, 2017. 253 p.
28. Khasbulatov R.I. *Poluraspad SSSR. Kak razvalili sverkhderzhavu* [Half-Disintegration of the USSR. How the Superpower Was Destroyed]. Moscow, 2011. 508 p.
29. Ostrovskiy A.V. *Glupost' ili izmena? Rassledovanie gibeli SSSR* [Stupidity or Treason? Investigation into the Demise of the USSR]. Moscow, 2011. 863 p.
30. Dobrokhotov L.N. (comp.). *Gorbachev – El'tsin: 1500 dney politicheskogo protivostoyaniya* [Gorbachev – Yeltsin: 1500 Days of Political Confrontation]. Moscow, 1992. 463 p.
31. Kortunov A.V. *Dezintegratsiya Sovetskogo Soyuzа i politika SShA* [Disintegration of the Soviet Union and US Policy]. Moscow, 1993. 156 p.
32. Schweizer P. *Victory czyli zwyciestwo*. Warsaw, 1994. 285 p. (Russ. ed.: Shveytser P. *Pobeda: rol' taynoy strategii Administratsii SShA v raspade SSSR i sotsialisticheskogo lagerya*. Minsk, 1995. 463 p.).
33. Krasil'nikov R.S. *Novye krestonostsy: TsRU i perestroyka* [The New Crusaders: The CIA and Perestroika]. Moscow, 2003. 467 p.
34. Goldin V.I. *Na perekrestkakh pamyati* [At the Crossroads of Memory]. Arkhangelsk, 2021. 496 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V218

Vladislav I. GoldinNorthern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267> e-mail: v.i.goldin@yandex.ru**100 YEARS OF THE USSR AND 30 YEARS WITHOUT THE USSR:
HISTORICAL LESSONS AND THE PRESENT (Review)**

This article is devoted to the centenary of the formation of the Union of Soviet Socialist Republics, to the understanding of its history and development, primarily, in the sphere of interethnic relations and nation building, to the key periods of this process and its results, achievements and problems, as well as to the strengths and weaknesses of the Soviet historical project as an alternative way of world development. The paper presents a review and analysis of the main trends in Russian and foreign historiography on nation building in the USSR and Soviet ethnopolitical issues in the context of a general consideration of the Soviet historical and political project. Special attention is paid to the analysis of the reasons for the country's collapse and discussions on this subject in Russian and foreign literature. Key versions as well as objective and subjective factors are considered, including the significance of the crisis phenomena and actions in the sphere of interethnic relations, the rise of nationalism, chauvinism and separatism, as well as the strengthening of centrifugal tendencies. Further, the paper describes the main consequences of the collapse of the Soviet Union and its historical lessons, as well as the results of the development of post-Soviet states during the last thirty years. In addition, the author analyses Russian public opinion polls on the dissolution of the USSR. The article points out how the centenary of the Soviet Union can be used to enhance patriotism and form historical memory in the Russian citizens in the context of the country's current efforts to gather the "Russian world" and promote the Russian language and culture globally.

Keywords: *USSR, Russia, ethnic question, interethnic relations, nation building.*

Поступила 30.09.2022

Принята 12.12.2022

Опубликована 16.12.2022

Received 30 September 2022

Accepted 12 December 2022

Published 16 December 2022

For citation: Goldin V.I. 100 Years of the USSR and 30 Years Without the USSR: Historical Lessons and the Present (Review). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 6, pp. 25–37. DOI: 10.37482/2687-1505-V218

*НИМАЕВА Эржена Зориктоевна, аспирант кафедры русского языка и общего языкознания Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова. Автор 8 научных публикаций**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3505-0895>

ПРЕДИКАТИВНЫЙ СИНТАКСИС: НОРМА И ДЕВИАНТНОСТЬ СПОНТАННОЙ РЕЧИ (на материале бурятского языка)

Проблема би- и полилингвизма требует от современной науки более тщательного исследования, особенно в ситуации, когда один из языков имеет статус миноритарного, как, например, бурятский. Междисциплинарное изучение данной проблемы может помочь пониманию не только вопросов о механизме речеобразования, но и вопросов сохранения языка. Цель данной работы состоит в установлении взаимоотношений между кодами интерязыка в аспекте влияния русского языка на позицию предиката-сказуемого в устной речи бурятско-русских и русско-бурятских билингвов, с одной стороны, и в попытке освещения взаимоотношений между внутренним и внешним синтаксисом интраязыка, с другой (в чем также заключается новизна исследования). Материалом исследования послужили транскрипты фрагментов устного дискурса на бурятском языке билингвов бурятской и русской национальностей из телепередач «Дуунай зам» и «Толи-Шууд». Методология исследования предполагала три этапа: 1) теоретическое обоснование проблемы; 2) описание порядка слов в бурятском и русском языках; 3) синтаксический дискурс-анализ материалов исследования в аспекте функционирования предиката-сказуемого. Согласно результатам анализа, свободный порядок слов в русском языке оказывает влияние на позицию предиката-сказуемого в речи на бурятском языке русско-бурятских билингвов. Также был подтвержден принцип когнитивной модели репрезентации грамматических знаний, основанной на употреблении (usage-based model), согласно которому важную роль в закреплении грамматических знаний играет частотность употребления грамматических форм и структур. Проведенное исследование вносит вклад в освещение девиантного синтаксиса (со сменой пропозиции), вызванного рас-согласованием между довербальным и вербальным синтаксисом билингва.

Ключевые слова: бурятско-русский билингвизм, русско-бурятский билингвизм, бурятский язык, синтаксис, предикат, норма, девиантность.

*Адрес: 670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, д. 24а; e-mail: nimaeva.erzhena@mail.ru

Для цитирования: Нимаева Э.З. Предикативный синтаксис: норма и девиантность спонтанной речи (на материале бурятского языка) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 6. С. 38–46. DOI: 10.37482/2687-1505-V224

Введение

На современном этапе лингвистических исследований интерес к теме устной речи билингов не спадает по следующим причинам: 1) би- и полилингвизм как социолингвистическое явление в век высокого уровня географической мобильности и, следовательно, тесных и длительных языковых контактов получает реальную актуализацию в широком масштабе; 2) с одной стороны, устная речь в аспекте ее порождения и восприятия изучена по сравнению с письменной гораздо слабее, с другой, виды дискурсивных маркеров и частотность их использования постоянно видоизменяются.

При этом в наименьшей степени исследован синтаксис билинга с точки зрения потенциала взаимовлияния контактирующих языков. Данная работа посвящена именно указанной теме. На примере синтаксиса устной речи бурятско-русских и русско-бурятских билингов проблема синтаксического взаимовлияния данных кодов ранее не рассматривалась. В реализации поставленной цели – определение возможного влияния кода русского языка на конструирование речи на бурятском языке у бурятско-русских и русско-бурятских билингов – мы сузили рассмотрение синтаксиса до предиката-сказуемого. Объектом исследования послужили неподготовленные устные высказывания на бурятском языке двух разрядов билингов.

Обзор литературы, использованной в качестве теоретической базы

Согласно заданному в заглавии модулю наше исследование затрагивает различные сферы лингвистики: виды билингвизма, порождение и восприятие устной речи, формальный и семантический, внешний и внутренний синтаксис.

Теоретической базой данной работы послужили 4 группы источников: 1) бурятско-русский билингвизм и функционирование бурятского языка: П.П. Дашинимаева и др. «Бурятско-русский билингвизм: психолингвистический аспект» [1], Г.А. Дырхеева «Языковая ситуация в Республике Бурятия» [2]; 2) психолингвистический аспект устной речи: Л.В. Выготский «Мышление

и речь» [3], А.Р. Лурия «Язык и сознание» [4], А.А. Леонтьев «Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания» [5], Т.В. Ахутина «Порождение речи: Нейролингвистический анализ синтаксиса» [6]; 3) синтаксис с позиций когнитивной лингвистики: William Croft, D. Alan Cruse «Cognitive Linguistics» [7]; 4) изучение устного дискурса: «Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса» под редакцией А.А. Кибрика и В.И. Подлесской [8].

В коллективной монографии П.П. Дашинимаевой и др. «Бурятско-русский билингвизм: психолингвистический аспект» представлены результаты тщательного исследования внешне- и внутриязыковых изменений бурятского языка в условиях двуязычия [1].

Напомним, классическое понимание синтаксиса языка заключается в том, что это «его синтаксический строй, совокупность синтаксических единиц, связей и отношений между ними, а также закономерности, регулирующие построение синтаксических конструкций» [9, с. 5].

Т.В. Ахутина в одной из глав монографии «Порождение речи: нейролингвистический анализ синтаксиса» рассматривает концепцию внутренней речи и проблему уровней синтаксиса у Л.С. Выготского, т. е. то, что касается уровня внутреннего синтаксиса [6]. Автор отмечает, что дифференциация функций речи (для других и для себя), по Выготскому, «приводит к разделению внешней и эгоцентрической речи», которая «к моменту перехода во внутреннюю в основном состоит из психологических сказуемых» ввиду «известности подлежащего, близости апперцепции» [6, с. 34, 36]. По мнению А.Р. Лурии, в процессе устного речепорождения средства кодирования мысли протекают «без осознания», следовательно, грамматическая структура устной внешней речи наиболее близка со структурой внутренней, что было выявлено Л.С. Выготским [4, с. 221]. Следует отметить, что внутренняя речь не есть внутреннее проговаривание («скрытая физиологическая активность органов артикуляции, возникающая в определенных случаях и имитирующая в большей или

меньшей степени процессы, происходящие при реальном говорении») [5, с. 157].

William Croft, D. Alan Cruse в одной из глав описывают когнитивный подход к синтаксису, именуемый ими конструктивной грамматикой (construction grammar), в рамках которой выдвигается модель, основанная на употреблении (usage-based model), согласно ей репрезентацию грамматического знания детерминируют не только сама структура или правила, как это утверждается в структуралистской и генеративной моделях, но и такие свойства употребления, как частотность отдельных грамматических форм и структур и значение слов и конструкций в использовании [7, с. 291, 292].

Логично, что сегодня синтаксис получает освещение и в дискурсологии. А.А. Кибрик и В.И. Подлеская, понимая под дискурсом «речь, языковую коммуникацию», отмечают, что «дискурс порождается не в виде плавного потока, а определенными квантами», которые именуются ими элементарными дискурсивными единицами [8, с. 26].

Исходя из сказанного и на основе наших наблюдений, в качестве исходных точек исследования мы принимаем следующие постулаты:

1. Уровень внутреннего синтаксиса характеризуется довербальной предикативностью и когнитивным взаимодействием с номинативными механизмами. Данные признаки обуславливают первичные паттерны внешнего синтаксиса.

2. Внешний синтаксис в целом детерминируется структурным строем и правилами языка, также – частотностью употребления отдельных конструкций, динамикой их семантики, варьирующейся между нормой и не-нормой, правилами речевой коллокации.

3. Функциональное взаимодействие внутреннего и внешнего синтаксиса может носить несимметричный характер, тем самым отражая сложности, возникающие в речепорождении.

Основная часть (методология, результаты)

Пункт 3 требует детального описания на конкретном материале.

Бурятский язык, как и русский, является государственным на территории Республики

Бурятия, но вследствие существенных перекосов в национально-языковой жизни страны в 1930–1980-е годы он утратил свои общественные функции, оставаясь «конкурентоспособным только в семейно-бытовой сфере» [2, с. 304]. Подобную социолингвистическую ситуацию можно наблюдать во многих регионах РФ, однако в нашем исследовании функциональная девиантность представляет интерес в рамках степени устойчивости именно предиката билингва. Так, для того чтобы выяснить, могут ли контактирующие бурятский и русский коды влиять на позицию предиката в устной речи билингва, на наш взгляд, следует: 1) обобщить практический материал и теоретически обосновать возможность взаимовлияния синтаксических структур кодов билингва с привлечением затронутых выше базовых теорий; 2) описать нормативный порядок слов в русском и бурятском языках; 3) провести дискурс-анализ функционирования предиката-сказуемого в устных дискурсах бурятско-русских и русско-бурятских билингвов.

Прежде чем перейти к дискурс-анализу в аспекте предиката в устной речи, напомним, что сказано о функциональном механизме бурятско-русского кода в устной речи билингвов. Как отмечено П.П. Дашинимаевой и др. [1], индикатором функционально-отрицательного когнитивного взаимодействия языков является переключение кодов, т. е. взаимодействие и взаимовлияние языков на лексическом/семантическом уровне. Язык представляет собой систему, а под ней в широком смысле принято понимать «совокупность элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом, которая образует определенную целостность, единство», значит, изменения в одном элементе системы влекут за собой изменения в другом [10]. Так, языки билингва/полилингва, образуют большую систему с подсистемами – «интерязык», который в монографии П.П. Дашинимаевой и др. понимается «и как отношения между языками, и как надстандартная форма языка» [1, с. 33]. Следовательно, при научно описанном и доказанном взаимовлиянии языков билингва на семантическом/лексическом

уровне следует наблюдать принципиальную возможность такого взаимовлияния и на синтаксическом уровне.

Русский язык характеризуется как прямым (фиксированным), так и инверсированным (свободным) типами порядка слов [9, с. 28]. Бурятский литературный язык и диалекты – строго фиксированным: «в простом предложении предикат со всеми относящимися к нему частицами располагается в самом конце, субъект предшествует ему» [11, с. 8, 9].

Материал для исследования «синтаксического поведения» предиката-сказуемого взят из бурятского медиапространства и представляет собой фрагменты интервью, которые назовем дискурс-фрагментами (ДФ): ДФ 1, 2 звучали в телепередаче «Дуунай зам»¹; ДФ 3, 4 – в телепередаче «Толи-Шууд»². Отметим, что на основе биографических данных и беглости речи мы разделили билингов на бурятско-русских и русско-бурятских по критерию «степень функциональной активности языка»: в ДФ 1 это преподаватель бурятского языка³, в ДФ 2 – певица бурятской эстрады, композитор, преподаватель музыкального колледжа⁴, ДФ 3: говорящая освоила бурятский язык раньше русского в детском саду, выросла и живет в бурятской деревне⁵, в ДФ 4 говорящий овладел бурятским языком в школе и в общении с бурятами в детских играх⁶.

В дискурс-анализе представлены транскрипты, выполненные с опорой на общие принципы транскрибирования А.А. Кибрика и В.И. Подлесской и при помощи программы Speech Analyzer [6]. Элементарные дискурсивные единицы записаны и пронумерованы как отдельные строки (согласно системе транскрибирования А.А. Киб-

рика и В.И. Подлесской). Используются следующие транскрипционные обозначения: 1) ..(0.1),(1.0) – абсолютные паузы (длительность в секундах); 2) мм(0.3), эээ(0.6) – заполненные паузы (длительность в секундах); 3) / – акцент с восходящим тоном; 4) \ – акцент с нисходящим тоном; 5) {ВЗДОХ} и т. п. – неречевые звуки, производимые говорящим.

Иллюстрации позиции предиката-сказуемого далее расположены по степени убывания нормативности – от конечной позиции к ее отсутствию или перемещению в другую позицию. Сказуемые-предикаты подчеркнуты двойной чертой, синтаксические отклонения выделены жирным шрифтом, вербальные хезитативы – курсивом.

ДФ 1. А – бурятско-русский билингв, бурят; Б – собеседник.

А: Шагнаад үзэхэдэ ..(0.1), би буряад дуунуудые, арадай дуунуудые шагнадагби. Ондоо дуу балай шагнаха дурам хүрэдэг үгы.

Б: Эстрада шагнадаг үгы гүт таа? Аа. Арадай ямар дуунуудые [шагнанат]?

А:
Арадай дуу хаа, *теэ*,
«Нэръялгын дуун», «Алтаргана», «Наян наваа»,
«Амаршалгын дуун», *агаа*, Сэ-Сэрэн, Хо..(0.1)
Сэрэн Хоборковай \дуулахан,
тэрээнил ехэ шагнаха дуратай /байна би.
Тиигээд, ээ(0.2) шагнаад /үзэхэдэ, ..(0.4)
арадай дуу иимэ \уянгалиг байдаг, *агаа*.
Аа(0.3) эстрадын дуу, би эстрадын дуу шагнажа \
үзөөшхаяа,
тиигээд, тэрэ {ВДОХ} буряад дуунай маяг ..(0.5)
балай дуулданагүй.
..(0.4) Энэ ямар ушарһаа,
юунһээ боложо тиимэ байнаб?
Узуально-нормативный перевод:

¹Дуунай зам. URL: <http://tvatv.ru/video/143/352214/> (дата обращения: 13.08.2022).

²Толи-Шууд. URL: <https://ok.ru/video/731775832374> (дата обращения: 13.08.2022).

³Национальная библиотека Республики Бурятия. Новости. URL: <http://nbrb.ru/?p=69449> (дата обращения: 20.08.2022).

⁴Краеведческий портал. Дулма Сунрапова. URL: <http://selorodnoe.ru/vid/show/id3676777/> (дата обращения: 20.08.2022).

⁵Толи-Шууд...

⁶Толи-Шууд...

А: Если послушать, я бурятские песни, народные песни слушаю. Другие песни мне не хочется слушать.

Б: Эстраду не слушаете? Аа. А какие народные песни [вы слушаете]?

А: Если народные песни, так, то «Нэръялгын дуун», «Алтаргана», «Наян нава», «Амаршалгын дуун», ага (да), которую пел Цы-Цырен, Хо-Цырен Хоборков, эту песню я очень люблю слушать. А, ээ, если послушать народную песню, то она бывает такой мелодичной, ага (да). Аа, эстрадная песня, если я и слушал эстрадную песню, то в ней черты бурятской песни совсем не слышны. По какой причине, почему так?

ДФ 1 представляет собой чередование синтаксиса вопросительных и утвердительных высказываний, где наблюдается нормативная для бурятского языка позиция предиката-сказуемого в конце сложного предложения или простого в составе сложного. Кроме того, отсутствуют грамматические ошибки и трудности с извлечением единиц из ментального лексикона, поэтому мы можем говорить о том, что здесь влияние русского кода на бурятский в речи не наблюдается.

ДФ 2. А – собеседник; Б – бурятско-русский/русско-бурятский билингв, бурят.

А: Оюутада олон гү?

Б:

/Оюутада, ааа(0.6), /заримдаа \олон байдаг,

заримдаа \үсөөн болошдог.

Тиигээд, аа(0.3) бидэ, аамм(0.9),

бюджетнэ местэ жэл бүри /байдаг үгы,

нэгэ жэлээр иигээд \хэлгэлсэлдэг.

Тиигээд, эээ(0.6), бюджетнэ местын би болохоодо,

/олон оюутада \би болошохо,

тиигээд нүгөө жэлын коммерческэ болохоодо,

\үсөөн болошхоо һанадаг.

Тиигээд, аа(0.2) ороһон оюутадаһни,

аа(0.4) эхинһээн адаг хүрэтэр, ааа(0.6) һураха

гэжэ

баһа \хүндэ асуудал,

зарьминин, тиигээд, \хаяад ябашаха,

аа(0.5), үгы хадаа, боломжо үгы болоод, {ахах}

һургуулиһаа \гарашадаг.

Узуально-нормативный перевод:

А: Много ли студентов?

Б: Студенты, ааа, иногда их много бывает, иногда их становится мало. Таким образом, аа мы, аамм,

бюджетные места каждый год не бывают, места через год чередуются. Так, ээ, когда бюджетные места появляются, много студентов появляется, а когда на следующий год места становятся коммерческими, студентов становится меньше. Так, аа поступившие студенты, аа от начала до конца, ааа учиться является сложным вопросом, некоторые, так, берут и бросают, аа, а если нет, то бывает, по обстоятельствам из вуза уходят.

ДФ 2 представляет собой развернутый ответ на вопрос собеседника. Здесь, как и в первом, почти во всех случаях наблюдается нормативная позиция предиката-сказуемого в конце предложения. Однако мы видим в высказывании один случай грамматической рассогласованности между частями предложения, когда субъект предложения употреблен в именительном падеже «оюутадаһни» (досл. ‘студенты’) вместо дательного-местного «оюутадаг» (досл. ‘для студентов’): «*Тиигээд, ороһон оюутадаһни* (досл. ‘Так, поступившие студенты’), эхинһээн адаг хүрэтэр һураха гэжэ баһа хүндэ асуудал (досл. ‘учиться от начала до конца тоже сложный вопрос’)...». Данная рассогласованность обусловлена сменой сценария высказывания в процессе речепорождения: говорящий явно понимает, что не сможет подобрать лексему для оформления конечного предиката по заданной логике. Подобный случай иллюстрирует механизм предикативного управления реализацией коммуникативной задачи, с одной стороны, и подтверждает тезис о взаимовлиянии подсистем интраязыка билингва, вызванном функциональным ослаблением того или иного элемента лексикона, что ведет к перестройке синтаксиса первичного дискурса, с другой. Все это, в свою очередь, подтверждает идеи психолингвистов и когнитологов о формировании пропозиции на уровне довербального синтаксиса. На данном этапе предлагается назвать описанный случай «девиантный синтаксис со сменой пропозиции» (ДССП).

Нельзя не заметить частое употребление наречия «тиигээд» (досл. ‘так’), используемого для реализации текстовой функции когерентности, что также, на наш взгляд, вместе с хезитациями выполняет функцию звукового за-

полнения дискурса во время поиска релевантных лексических единиц и грамматических структур.

Таким образом, с одной стороны, мы наблюдаем нормативную позицию предиката-сказуемого в целом, с другой, когнитивные усилия по извлечению лексических единиц, на что указывают смена сценария высказывания и частые гезитации. Следовательно, представляется затруднительным с уверенностью отнести данного билингва к одному из типов: можно предположить, что он пребывает в промежуточном статусе перехода из бурятско-русского в русско-бурятский билингвизм.

ДФ 3. А – собеседник; Б – бурятско-русский билингв русской национальности.

А: Тиимэ ушарнууд болодог гү? Наташа, та?

Б:

Намда-а (отсутствие предиката-сказуемого), магазин ороод байхадамни,

хоёр залуу хүбүүдүүд, буряад хүбүүдүүд байхадань,

би, теэ, удаан, хамган /хүн /хадаа,

удаан юумэ абажал, абажал \байна би ..(0.3),

орынгөө юумэ,

/«Энээни абахаб, /тэрээни абахаб» \гээд лэ байхалам,

тэдэ хоёр залуу хүбүүдүүд эсэжэ-ядажа /байгаадла,

хэлэнэ хойноһоомни: «Үгы, ямар хашартай хамган юм бэ,

ямар удаан юумэ абажал-абажал байнаб, нээрээ,

хүрөө болодог үгы /юм гү, томо /очередь байхадань?».

Би, теэд, хойшоо хараад лэ (отсутствие предиката-сказуемого)

«/Эсэжэ \ядаагта, \хүлээжэ?

/Нэгэ жаа хүлээжэдэтай \яхайм бэ? Залуу хадаа, \хүбүүдүүд?».

Тэдэ хоёрмни улайгаад, сайгаад,

гараад лэ ябаа магазинһаа. /И все!

Узуально-нормативный перевод:

А: Происходят такие случаи? Наташа, вы?

Б: У меня, когда я в магазине была, два молодых человека, при том, что они бурятской национальности были, я, так (да), долго, так как женщина, долго покупаю и покупаю, **свое**,

«Я это куплю, я то куплю» все повторяла, те молодые люди, устав ждать, **говорят** за моей спиной: «Какая же надоедливая женщина, как долго она покупает и покупает, она не может остановиться, в самом деле, когда большая очередь?». Я, так, обернувшись: «Вы устали, замучались ...ждать? Нельзя немного подождать? Вы ведь молодые, парни?». Они, покраснев-побледнев, ушли из магазина. И все!

Как видно, в ДФ 3 наблюдается больше синтаксически-девиантных случаев, однако они не указывают на функциональный регресс бурятского кода субъекта. В первой строке ДФ мы видим случай контекстуального отсутствия предиката (Намда-а тиимэ ушар (ушарнууд) байгаа (болодог), досл. ‘У меня такой случай (случай) был (бывают)’), обусловленного отсутствием необходимости озвучивать тему и желанием сразу приступить к описанию ремы. Ненормативная позиция предиката наблюдается в двух случаях, однако они не представляют смену сценария высказывания, как в предыдущем ДССП: 1) употребление предиката-сказуемого в позиции, предшествующей дополнению: «удаан юумэ абажал, абажал байнаби, оорынгөө юумэ», 2) употребление предиката-сказуемого в позиции, предшествующей обстоятельству места: «хэлэнэ хойноһоомни (досл. ‘говорят сзади / за спиной’)». Данные *препозиции* предиката: можно объяснить функцией эмфазы. Также имеется контекстуальное отсутствие предиката в строке 10 ДФ: адресату понятно из контекста, что говорящая, обернувшись, обратилась к юношам. Кроме того, в данном примере мы наблюдаем случай смешения кодов, когда дискурс на бурятском языке завершается предложением на русском «И все!». Стоит отметить отсутствие длительных пауз и гезитаций, что в целом говорит об отсутствии затруднений в извлечении лексических единиц из ментального лексикона.

ДФ 4. А – собеседник; Б – русско-бурятский билингв русской национальности.

Б:

Тиигээд, ээ(0.1) би колледжроо /ороходээрэ,

а, мм(0.1), хэдүүд, одногруппнигуудмни ..(0.1) намай /хараад,

«Ямар ород томо хүбүүн» гэжэ (отсутствие предиката-сказуемого), но, намай...

А: Ямар утаб юм бэ.

Б:

Но, обсуждалажа байхадарань,

битнай, ну, ..(0.2) /юумэ дуугараа угыб, тиигээд,

..(0.3) нэгэ жаа болоод

өөрынгөө /багшатаая ..(0.3) \бурыадаар хөөрэлдэжэ байхадарамни ..(0.9),

хэн, aa(0.3), тэрэ хүн хараад намай:

«..(0.9) Ши, юун, че, по-бурятски разговаривашь?» гэжэ (отсутствие предиката-сказуемого).

«Но, дугардаг».

«О, би не знал» гэжэжэ (отсутствие предиката-сказуемого).

Тиигээд /улайшод \тоже гарашна.

Узуально-нормативный перевод:

Б: Так, ээ когда я в колледж поступил, а, мм, эти, одноклассники, меня увидев, «Какой большой русский мальчик» (отсутствие предиката) но, меня...

А: Какой длинный.

Б: Но, когда они обсуждали, я, ну, ничего не ответил, так, затем, когда со своим преподавателем на бурятском языке разговаривал, кто, aa, тот человек, посмотрев на меня: «Ты, что, че, по-бурятски говоришь?» (отсутствие предиката). «Да, говорю». «О, я не знал» (отсутствие предиката). Так, тоже покраснев, вышел.

В ДФ 4 говорящий так же, как и в ДФ 3, повествует о произошедшем с ним случае. Кроме гезитаций здесь очевидно частое употребление наречия «ттигээд» и слова «гэжэ». Последнее может являться: 1) неверно употребленным деепричастием «гэжэ» после передачи прямой речи вместо глагола «гэхэ» (который обычно переводится инфинитивом «говорить») в прошедшем времени «гээ» (говорил, сказал); 2) союзом «гэжэ», употребляемым обычно для связи придаточного дополнительного предложения (главным образом в косвенной речи) со сказуемым главного, в данном случае употребленным без глагола-сказуемого («...» гэжэ хэлээ, «...» так сказал.). Другими словами, в рассматриваемом примере мы можем говорить либо о грамматически неправильном употреблении предиката-сказуемого, либо об отсутствии предиката-сказуемого. Если истинно последнее, в целом наблюдаются 4 отсутствия

предиката, что говорит о фрагментарности дискурсо-строений, вызванной, прежде всего, несоблюдением базовых синтаксических норм.

Таким образом, нормативная в бурятском языке позиция предиката в конце предложения наблюдается в ДФ 1, почти нормативная – в ДФ 3. В обоих случаях не наблюдается затруднений с поиском лексем и грамматических структур, что присуще ДФ 2 и ДФ 4, где гезитации и частое употребление деепричастий «ттигээд» и «гэжэ» указывают на асимметричные отношения между внутренним и внешним синтаксисом. Следует отметить, что в ДФ 4 присутствует большая предикативно-синтаксическая нецелостность, что, на наш взгляд, можно объяснить низкой степенью активного функционирования бурятского языка у билингва.

Выводы и дальнейшие перспективы исследования

Результаты проведенного синтаксического анализа в аспекте предиката устных дискурсо-фрагментов на бурятском языке билингвов бурятской и русской национальностей позволяют сделать выводы о том, что: 1) степень взаимовлияния кодов языков билингва можно фиксировать на синтаксическом уровне; 2) в качестве базового индикатора степени взаимовлияния разных кодов билингва/полилингва можно рассматривать позицию предиката; 3) наибольшее влияние кода русского языка на позицию предиката в дискурсе на бурятском наблюдается у русско-бурятских билингвов, чаще говорящих на русском (данный вывод, в свою очередь, подтверждает принцип модели репрезентации грамматических знаний, основанной на употреблении (usage-based model), где частотность ряда грамматических форм и структур обуславливает соответствующие паттерны дискурса); 4) смена сценария высказывания в процессе речепорождения подтверждает тезис о предикативном управлении реализацией коммуникативной задачи и о взаимовлиянии подсистем интраязыка билингва, однако она может сигнализировать о функциональном ослаблении активной лексики билингва и возможном наступлении переходного статуса типа билингвизма субъекта.

Проведенное исследование синтаксиса в аспекте предиката свидетельствует о наличии перспектив изучения синтаксиса устной речи с точки зрения взаимовлияния кодов не

только билингов, но и полилингов. Другим возможным направлением является более детальное описание случая, названного нами ДССП.

Список литературы

1. Дашинимаева П.П., Дырхеева Г.А., Жалсанова Ж.Б., Хилханова Э.В. Бурятско-русский билингвизм: психолингвистический аспект. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. 166 с.
2. Дырхеева Г.А. Языковая ситуация в Республике Бурятия // Мир Большого Алтая. 2018. Т. 4, № 2. С. 302–320. DOI: [10.31551/2410-2725-2018-4-2-302-320](https://doi.org/10.31551/2410-2725-2018-4-2-302-320)
3. Выготский Л.В. Мышление и речь. СПб.: Питер, 2021. 432 с.
4. Лурия А.Р. Язык и сознание. СПб.: Питер, 2019. 336 с.
5. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: КРАСАНД, 2020. 312 с.
6. Ахутина Т.В. Порождение речи: нейролингвистический анализ синтаксиса. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 218 с.
7. Croft W., Cruse D.A. *Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 356 p.
8. Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А.А. Кибрика, В.И. Подлесской. М.: Яз. славян. культур, 2009. 736 с.
9. Бабайцева В.В. Синтаксис русского языка: моногр. 3-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2020. 576 с.
10. Садовский В.Н. Система // Большая рос. энцикл. URL: <https://bigenc.ru/philosophy/text/3666383> (дата обращения: 13.08.2022).
11. Даржаева Н.Б., Цыренов Б.Д. Синтаксис бурятской разговорной речи: предварительный очерк // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14, № 2. С. 5–12.

References

1. Dashinimaeva P.P., Dyrkheeva G.A., Zhalsanova Zh.B., Khilkhanova E.V. *Buryatsko-russkiy bilingvizm: psikholingvisticheskiy aspekt* [Buryat-Russian Bilingualism: A Psycholinguistic Aspect]. Ulan-Ude, 2010. 166 p.
2. Dyrkheeva G.A. Yazykovaya situatsiya v Respublike Buryatiya [The Language Situation in Buryat Republic]. *Mir Bol'shogo Altaya*, 2018, vol. 4, no. 2, pp. 302–320. DOI: [10.31551/2410-2725-2018-4-2-302-320](https://doi.org/10.31551/2410-2725-2018-4-2-302-320)
3. Vygotsky L.V. *Myshlenie i rech'* [Thinking and Speech]. St. Petersburg, 2021. 432 p.
4. Luria A.R. *Yazyk i soznanie* [Language and Consciousness]. St. Petersburg, 2019. 336 p.
5. Leont'ev A.A. *Psikholingvisticheskie edinitiy i porozhdenie rechevogo vyskazyvaniya* [Psycholinguistic Units and Utterance Generation]. Moscow, 2020. 312 p.
6. Akhutina T.V. *Porozhdenie rechi: Neyrolingvisticheskiy analiz sintaksisa* [Speech Production: Neurolinguistic Syntax Analysis]. Moscow, 2019. 218 p.
7. Croft W., Cruse D.A. *Cognitive Linguistics*. Cambridge, 2005. 356 p.
8. Kibrik A.A., Podlesskaya V.I. (eds.). *Rasskazy o snovideniyakh: korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa* [Night Dream Stories: A Corpus Study of Spoken Russian Discourse]. Moscow, 2009. 736 p.
9. Babaytseva V.V. *Sintaksis russkogo yazyka* [Russian Syntax]. Moscow, 2020. 576 p.
10. Sadovskiy V.N. Sistema [System]. *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopaedia]. Available at: <https://bigenc.ru/philosophy/text/3666383> (accessed: 13 August 2022) (in Russ.).
11. Darzhaeva N.B., Tsyrenov B.D. Sintaksis buryatskoy razgovornoy rechi: predvaritel'nyy ocherk [Syntax of the Buryat Spoken Language: A Preliminary Sketch]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2016, vol. 14, no. 2, pp. 5–12.

DOI: 10.37482/2687-1505-V224

Erzhena Z. Nimaeva

Buryat State University named after D. Banzarov;
ul. Smolina 24a, Ulan-Ude, 670000, Respublika Buryatiya, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3505-0895> e-mail: nimaeva.erzhena@mail.ru

PREDICATIVE SYNTAX: NORM AND DEVIANCE OF FREE SPEECH (Based on the Buryat Language)

Nowadays, the problem of bilingualism and polylingualism requires a more thorough and accurate study, especially in cases when one of the languages has the status of a minority language, such as the Buryat language. Interdisciplinary research into this field can help to understand not only the speech production mechanism, but also the issues of language preservation. The purpose of this paper was to, on the one hand, explicate the relationship between the interlanguage codes in the aspect of Russian influence on the position of the predicate in the spoken language of Buryat-Russian and Russian-Buryat bilinguals and, on the other hand, shed some light on the relationship between internal and external syntax. The latter constitutes the novelty of the research. As the material, the author used transcripts of spoken discourse in the Buryat language produced by Buryat and Russian bilinguals at the television shows *Duunei Zam* and *Toli-Shuud*. The research methodology included three stages: 1) theoretical substantiation of the problem; 2) description of the word order in the Buryat and Russian languages; 3) syntactic discourse analysis of the material in terms of predicate functioning. The analysis showed that the Russian free word order influences the predicate's position in the Buryat speech of Russian-Buryat bilinguals. The results confirmed the principle of the usage-based model of grammatical knowledge representation, according to which the frequency of the use of grammatical forms and structures plays an important role in solidifying grammatical knowledge. The paper contributes to the research into deviant syntax (with a change of proposition) due to a mismatch between bilinguals' preverbal and verbal syntax.

Keywords: *Buryat-Russian bilingualism, Russian-Buryat bilingualism, Buryat language, syntax, predicate, norm, deviance.*

Поступила 11.10.2022
Принята 10.12.2022
Опубликована 15.12.2022

Received 11 October 2022
Accepted 10 December 2022
Published 15 December 2022

For citation: Nimaeva E.Z. Predicative Syntax: Norm and Deviance of Free Speech (Based on the Buryat Language). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 6, pp. 38–46. DOI: 10.37482/2687-1505-V224

УДК 81'371

DOI: 10.37482/2687-1505-V225

МУРАШОВА Евгения Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкого и французского языков Таганрогского института имени А.П. Чехова – филиала Ростовского государственного экономического университета. Автор 132 научных публикаций, в т. ч. 5 монографий и 4 учебных пособий*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6018-955X>

ПОЛЕНОВА Галина Тихоновна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Таганрогского института имени А.П. Чехова – филиала Ростовского государственного экономического университета. Автор 222 научных публикаций, в т. ч. 7 монографий и 20 учебных пособий**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8295-856X>

РЕЧЕВЫЕ СРЕДСТВА КОММУНИКАТИВНОГО КОНТАКТА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Центральной задачей представленного исследования является описание номенклатуры разноуровневых речевых средств, служащих для установления, преобразования и поддержания вербальной интеракции. С позиций разрабатываемого интегративно-сопоставительного подхода очерчиваются интегральные и дифференциальные признаки данных речевых средств как составляющих системы прагматически валентных контактивов современного русского языка. В качестве основного метода исследования применяется комплексный корпусно-контекстуальный анализ, обеспечивающий объективный характер и возможность верификации искомых результатов. Согласно его итогам выделяются доминантные и периферийные зоны, устанавливаются конкретные иерархические отношения их актуализации в текстах, а также анализируются структура и частеречная принадлежность контактивов. Это обуславливает научную новизну и практическую значимость работы, расширяющей базу теоретической и методологической информации о системе речевых средств-контактивов за счет заполнения наличествующих в современном лингвистическом знании лакун в диапазоне выявления универсальных и специфических способов манифестации национально-культурных и индивидуальных установок в процессе вербальной интеракции, а также в осмыслении данных речевых средств как элементов, диагностирующих особенности субъектов коммуникативного взаимодействия. В качестве материала данного исследования используются тексты национального корпуса русского языка, представляющие ситуации установления, преобразования и поддержания вербальной коммуникации. Основным выводом работы является доказательство (на материале отдельного национального корпуса – национального корпуса русского языка) продуктивности интегративно-сопоставительной стратегии в целом и корпусно-контекстуального анализа в частности для решения проблемы системного описания речевых средств, эксплицирующих ситуацию коммуникативного взаимодействия субъектов в совокупности всех ее составляющих.

Ключевые слова: *контактивы, ситуация коммуникативного контакта, корпусно-контекстуальный анализ, русский язык.*

*Адрес: 347900, Ростовская обл., г. Таганрог, ул. Петровская, д. 68; e-mail: shenetschka@rambler.ru

**Адрес: 347900, Ростовская обл., г. Таганрог, ул. Петровская, д. 68; e-mail: polenova@mail.ru

Для цитирования: Мурашова Е.А., Поленова Г.Т. Речевые средства коммуникативного контакта в современном русском языке // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 6. С. 47–55. DOI: 10.37482/2687-1505-V225

Введение

Изучение коммуникации как обмена информацией между ее участниками продолжительное время является одной из центральных задач теории межкультурной коммуникации, коммуникативной лингвистики, психолингвистики, лингвистической прагматики, литературоведения. Однако, несмотря на наличие достаточного количества работ, раскрывающих отдельные аспекты вербального оформления различных составляющих ситуации коммуникативного контакта (например: описание общих проблем коммуникации [1–6]; анализ средств и алгоритмов вербального представления невербальной коммуникации [7; 8]; изучение коммуникативной культуры и компетенции говорящих – носителей одной конкретной лингвокультуры [9; 10]; исследование межкультурного вербального взаимодействия [11]; анализ номенклатуры обозначения говорящих [12]; раскрытие особенностей коммуникативных имплицатур [13; 14]; уточнение особенностей репрезентации коммуникативной/языковой личности [15 и др.]), до настоящего времени отсутствует системное синхронно-диахронное метаязыковое описание прагматически валентных контактивов как средств установления, преобразования/поддержания и завершения вербальной интеракции. Необходимость решения данной проблемы обуславливает актуальность представленной научной работы.

Обзор литературы

Ситуация коммуникативного контакта предусматривает постоянный обмен информацией между ее активными участниками – отправителем и получателем. Данный обмен может быть одно- и двунаправленным в первую очередь в зависимости от исходных установок коммуникантов. Кроме того, он может быть автоматическим и продуманным, при этом коммуникантами одновременно с трансляцией содержания сообщается и дополнительная информация, например информация об их личностных отношениях (ср. [16, с. 29]). Принятие факта продуманного обмена информацией может рассматриваться как основание для выделения

индивидуализированных свойств симметричного и асимметричного коммуникационного обмена, эффективной и неэффективной коммуникации [17, с. 84], а также для диагностирования отдельных индивидуальных и конвенциональных характеристик говорящего [18, с. 37] и даже формирования его целостного языкового паспорта [5, с. 39–41].

Большая часть вступающих в коммуникацию субъектов осознанно или неосознанно стремятся к тому, чтобы эта ситуация была успешной, и, соответственно, прикладывают усилия для продуктивного развертывания каждой из ее фаз: установления, преобразования/поддержания и завершения. Эти усилия оформляются в языковых системах в контексте актуализируемых текстов с помощью специальных речевых средств – контактивов [19, с. 95–96]. Под текстами здесь понимаются результативные коммуникативные действия, дифференцируемые в соответствии с прагматическими критериями коммуникативной интенции, специфичной для каждой отдельной ситуации и встречающей определенное ожидание реципиента. В понятие «текст как результат действия» при этом включаются различные как вербальные, так и невербальные сигналы [20, с. 354]. Изучение данных сигналов в составе текста позволяет уточнить особенности имплицированного системного языкового сознания отправителя, которое анализируется в качестве динамичной совокупности образующих его значений [21, с. 4].

Контактивы – речевые средства, представляющие ситуацию коммуникативного контакта, в том числе установление, преобразование/поддержание и завершение вербальной интеракции. В зависимости от принадлежности к тому или иному уровню языка они разделяются на лексические, грамматические и контактивы смешанного типа (см. [19, с. 95–96, 191–201, 229, 340; 22, с. 199] и т. д.).

В данной работе мы остановимся на лексических контактивах, предполагающих указание на одну из фаз коммуникативного контакта (установление, преобразование/поддержание или завершение) с помощью единиц лексического уровня языка.

Основная часть

Представленная далее номенклатура разноразрядных речевых средств, служащих для установления, преобразования и поддержания вербальной интеракции, составлена нами по результатам корпусно-контекстного анализа примеров из национального корпуса русского языка (НКРЯ)¹ (объем исследованного корпуса всего 126 901 документ, 337 025 184 слова).

Корпусный анализ как одно из наиболее перспективных и стремительно развивающихся направлений современной лингвистики [23, с. 9] позволяет значительно объективизировать трудоемкий процесс поиска и анализа практического материала и, опираясь на значительный потенциал сформированных корпусов, идентифицировать актуальные характеристики исследуемой языковой системы в целом или отдельного ее феномена, например определенной речевой единицы, в частности (см. [24, с. 15]).

Контекстный анализ делает возможным исследование актуализированных речевых единиц (в нашем случае – контактивов) в составе выделенных контекстов с учетом их синтагматических и парадигматических отношений [25, с. 97].

Сочетание методов корпусного и контекстного анализа позволяет значительно упростить и ускорить процедуру лингвистической обработки больших массивов текстов и получить объективные данные о свойствах актуализированных в конкретном контекстном окружении речевых единиц. Это происходит в том числе благодаря активации в ходе корпусно-контекстной обработки материала специальных помет, предоставляющих лингвистическую и экстралингвистическую информацию об исследуемой единице, например о ее частеречной принадлежности, грамматических и семантических характеристиках, а также помет, сообщающих дополнительные сведения об авторе, тексте и т. п.).

Проведенный корпусно-контекстный анализ материала показал, что речевые средства, транслирующие ситуацию коммуникативного контакта, могут прямо или косвенно указывать на:

1) собственно коммуникативное событие (например, *разговор* – 42 653 вхождения в исследованный корпус, *беседа* – 5 368 вхождений, *дискуссия* – 1 286 вхождений):

Вот ты, – круто перевел он *разговор*, – ты вот – брат мне родной, а я тебя не пойму, ей-богу! [М. Шолохов. Тихий Дон. Книга третья (1928–1940)];

2) коммуникативное действие (*разговаривать* – 9 658 вхождений, *беседовать* – 2 002 вхождения, *дискутировать* – 119 вхождений и другие глаголы говорения: *пробормотать*, *проворчать*, *пролепетать*, *промямлить*, *прорычать*, *процедить*, *прошипеть*):

В другом месте на хуторе поляка-осадника их встретила молодая пани-шляхтянка, которая даже не захотела с ними *разговаривать*, все твердила одно: не разумем, не разумем [В. Быков. Болото (2001)];

3) субъектов, участвующих в коммуникации: отправителя и получателя (*оратор* – 1 851 вхождение, *говорящий* – 1 174 вхождения, *слушатель* – 706 вхождений):

Твоя жизнь скучна, игемон, – и тут *говорящий* позволил себе улыбнуться [М. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть I (1929–1940)];

4) субъектов, не участвующих в коммуникации, тех о которых сообщает отправитель, или тех, кто находится в перцептивной зоне коммуникантов (*тот, о котором говорят* – 71 вхождение):

А *тот, о ком* говорят, должен молчать [А. Рыбаков. Бронзовая птица (1955–1956)];

Маркеры, эксплицирующие отправителя или получателя, а также третьих, не участвующих непосредственно в акте коммуникации лиц, могут сообщать о них дополнительную информацию, указывая на их:

• психофизиологические особенности (*заика* – 285 вхождений):

Был терпеливо выслушан *заика*, которому за полчаса удалось сказать только: «И я, так сказать, поздравляю» [В. Каверин. Верлиока (1981)];

• особенности темперамента и эмоционально-аффективные состояния (*молчун* – 229 вхождений):

¹Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 22.04.2022).

Читает он много. И *молчун* он у нас. Прежде чем сказать, помолчит, подумает [Н. Мордюкова. Казачка (2005)];

• морально-нравственные качества (*лжец* – 291 вхождение, *правдоруб* – 4 вхождения):

Глотку заткнет мне словом «*лжец*». Когда б кто это сделал! [И. Анненский. Вторая книга отражений (1909)];

• когнитивные способности (*дурак* – 12 479 вхождений, *умник* – 440 вхождений):

– Возьмите больше, – сказал Фред. Но я, как *дурак*, запротестовал. Фред посмотрел на меня с любопытством [С. Довлатов. Чемодан (1986)];

5) канал передачи информации (*письмо* – 66 639 вхождений, *записка* – 3 305 вхождений, *оказия/передаю с оказией* – 476 вхождений):

Очень спешу, ибо снова уезжаю, а письмо передаю *с оказией*... [М. Акацатов. Из писем П. Милюкову (1927)];

6) способ коммуникативного взаимодействия (*приказ* – 13 870 вхождений, *просьба* – 3 935 вхождений):

Просьба не принимать мой рассказ слишком буквально [В. Пелевин. Любовь к трем цукербринам (2014)];

7) темпоральные характеристики коммуникативного события – продолжительность (*долгий разговор* – 128 вхождений, *спешу сообщить* – 48 вхождений, *затянувшееся совещание* – 1 вхождение):

И они садились на лавочке в тенечке, заводя *долгий разговор* [А. Олейников. Велькино детство (2007)];

8) эмоциональный фон ситуации коммуникации (*орать* – 1 406 вхождений, *шептать* – 632 вхождения) или эмоциональное состояние ее субъектов (*теплые слова* – 123 вхождения, *сказать холодно* – 37 вхождений, *суровая правда* – 22 вхождения, *сказать неловко* – 6 вхождений, *сказать с угрозой* – 6 вхождений, *сказать смутившись* – 2 вхождения):

Просто было радостно на душе от Победы, просто хотелось *орать*, плясать, всех обнимать и всякие *шутки, веселые, каламбурные слова говорить* [В. Астафьев. Пролетный гусь (2000)];

9) аксиологическое оценивание различных составляющих и параметров коммуникативного процесса и его оформления (*врать* – 2 648 вхождений, *правду говорить* – 164 вхождения, *хо-*

рошо сказать – 36 вхождений, *правду матку резать* – 5 вхождений, *сказать веское слово* – 3 вхождения):

«*Правду говорить легко и приятно*», – заметил арестант [М. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929–1940)];

10) принятие или непринятие сообщаемой информации (*согласиться* – 6 774 вхождения, *возразить* – 2 549 вхождений, *возмутиться* – 225 вхождений, *запротестовать* – 18 вхождений):

Один лишь сидевший поодаль учитель пытался что-то *заметить, уточнить* или *возразить*, может, но его не слушали [В. Быков. Камень (2002)];

11) начало, конец, развитие коммуникации (*заговорить* – 2 374 вхождения, *замолчать* – 882 вхождения, *прервать разговор* – 17 вхождений, *поджать губы* – 1 вхождение):

Хотел *заговорить* с ней, но о чем заговорить, не знал и оттого *не заговорил* [В. Астафьев. Пролетный гусь (2000)];

И все же *прервать разговор*, не прощаясь, – это не каждому дано [Л. Зорин. Юпитер (2001) // «Знамя», 2002];

12) смену ролей коммуницирующих субъектов, перенятие коммуникативной инициативы (*перебить* – 718 вхождений):

Зато он теперь не мог ее *перебить*, только нахватывал выпяченной грудью побольше воздуха, его забывая улыбка висела криво, как подшибленная картинка на стене [О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки (1995–1999)];

13) цели, задачи, результат коммуникации (*сказать, чтобы...* – 782 вхождения):

Тогда он *сказал, чтобы* я не пересаживался от него в школе [А. Геласимов. Нежный возраст (2001)];

14) факторы, способствующие или препятствующие коммуникации (*едва слышно* – 1 016 вхождений, *тихо сказать* – 11 вхождений):

– Правда, – *прошептала* она *едва слышно*, – разговорке нашей конец; да куда ни шло! [И. Тургенев. Живые мощи (1874)];

– Вдруг он *повысил голос, стал чуть ли не кричать*, и Антипов подумал: нарочно, *чтоб услышали* [Ю. Трифонов. Время и место (1980)];

15) сообщение достаточного/недостаточного объема информации (*умолчать* – 618 вхождений, *пауза затянулась* – 32 вхождения):

Пауза затянулась, я возьми и скажи: «Ну вот, милиционер родился...» [М. Магомаев. Любовь моя – мелодия (1999)];

16) успешность/неуспешность коммуникативного контакта (*разговор удался* – 2 вхождения):

Разговор удался даже в большей мере, чем этого хотелось старосте, потому что Будков инстинктивно почувствовал в моряке ту душевную ясность, которой ему самому так недоставало [В. Каверин. Семь пар нечистых (1961)].

В общем виде иерархия речевых средств, транслирующих ситуацию коммуникативного контакта, выглядит следующим образом. Абсолютными доминантами являются контактивы, указывающие непосредственно на коммуникативное событие (40,61 %). За ними со значительным отрывом следуют контактивы, представляющие способ коммуникативного взаимодействия (14,67 %), описывающие коммуникативное действие (12,78 %), а также указывающие на пассивные (11,37 %) и активные (3,07 %) субъекты коммуникации. Относительно высокие показатели актуализации имеют контактивы, указывающие на: принятие или непринятие сообщаемой в процессе коммуникации информации (4,70 %); канал передачи информации (3,11 %); начало, конец, развитие коммуникации (2,70 %); аксиологическое оценивание различных составляющих и параметров коммуникативного процесса и его оформления (2,36 %); эмоциональный фон коммуникации (1,84 %). Контакттивы, транслирующие: факторы, способствующие или препятствующие коммуникации (0,86 %); цели, задачи, результат коммуникации (0,64 %); смену ролей коммуницирующих субъектов (0,59 %); сообщение достаточного/недостаточного объема информации в ходе коммуникации, темпоральные характеристики коммуникативного события (0,15 %); успешность/неуспешность коммуникативного контакта (0,01 %), не преодолели однопроцентный порог актуализации.

Корпусно-контекстный анализ зафиксированных контактивов доказал абсолютное доминирование лексических контактивов (88,47 %) в сравнении с синтаксическими (11,53 %), отмеченное в

том числе и на предварительных этапах исследования [21, с. 196].

Проанализировав картотеку примеров на предмет частеречной принадлежности контактивов, мы пришли к выводу, что наиболее репрезентативной группой в составе данных маркеров являются контактивы-существительные (62,46 %), за ними следуют контактивы-глаголы (36,86 %), контактивы-прилагательные (0,59 %) и контактивы-наречия (0,09 %).

Дальнейшее изучение структурного оформления высказываний, содержащих лексические контактивы, показало, что лексические речевые средства, представляющие ситуацию коммуникативного контакта, в каждом конкретном случае могут быть реализованы в различном сочетании с вокальными, оптическими, просодическими, гаптическими или когнитивными маркерами, уточняющими информацию о ситуации вербального общения в целом. Приведем примеры:

1. Контактив + вокальный маркер (например, *шепотом* – 10 704 вхождения, *во весь голос* – 707 вхождений):

– Ты почему шепчешь? – тоже *шепотом* спросил Медвежонок [С. Козлов. Кит // «Мурзилка», 2003].

2. Контактив + оптический маркер (например, *сказать, глядя в глаза* – 8 вхождений):

Он подошел к ней, обнял ладонями ее лицо и, *глядя в глаза, сказал*: «Оля, нам надо расстаться» [Ю. Трифонов. Нетерпение (1973)].

3. Контактив + просодический маркер (*сказать дрожащим голосом* – 1008 вхождений, *ледяным тоном* – 112 вхождений, *посмеиваясь* – 12 вхождений, *закричать пронзительно* – 18 вхождений):

«Генерал, вас ничто извинить не может», – *ледяным тоном* срезала баронесса [Ю. Давыдов. Синие тюльпаны (1988–1989)].

4. Контактив + гаптический маркер (маркер, указывающий на прикосновение как способ привлечь внимание получателя, например, *говорить/шептать, касаясь руки* – 6 вхождений):

– Нет, – тихо *сказала* Лиза, *рукою касаясь* руки Игоря [П. Краснов. Ложь (1938–1939)].

5. Контактив + когнитивный маркер (*глубокомысленно* заявить – 8 вхождений, *сказать задумавшись* – 4 вхождения):

Все посмотрели друг на друга, и Страшила *глубокомысленно заявил...* [А. Волков. Волшебник Изумрудного города (1939)].

Выводы и перспективы исследования

Изучив контекстное окружение корпуса примеров актуализации разнонаправленных дескрипций коммуникативной ситуации, мы выделили интегральную часть прагматического значения контактивов – «описание коммуникативной ситуации», а также уточнили основные составляющие дифференциальной их части, в том числе:

- указание непосредственно на коммуникативное событие;
- представление способа коммуникативного взаимодействия;
- описание коммуникативного действия;
- указание на пассивность/активность субъектов коммуникации;
- указание на принятие или непринятие сообщаемой в процессе коммуникации информации;
- указание на канал передачи информации;
- указание на начало, конец, развитие ситуации коммуникации;
- представление аксиологического оценивания различных составляющих и параметров коммуникативного процесса и его оформления;
- демонстрация эмоционального фона коммуникации;
- представление факторов, способствующих/препятствующих коммуникации;
- указание на цели, задачи, результат коммуникации;
- указание на смену ролей коммуницирующих субъектов;

- сообщение достаточного/недостаточного объема информации в ходе коммуникации;
- указание на темпоральные характеристики коммуникативного события;
- указание на успешность/неуспешность коммуникативного контакта.

Корпусно-контекстный анализ примеров подтвердил сформулированную на предыдущих этапах исследования гипотезу о том, что в структурном отношении контактивы могут быть тождественны слову (лексические), словосочетанию или предложению (синтаксические). При этом первые являются доминирующими (88,47 %).

Лексические контактивы дифференцируются согласно частеречной принадлежности. Наиболее репрезентативной является группа контактивов-существительных (62,46 %).

Преимущество корпусно-контекстного анализа контактивов на материале текстов из НКРЯ мы видим в том, что объем текстов корпуса, с одной стороны, отличается выраженной аутентичностью, представляя реальные образцы функционирования языковой системы, с другой стороны, он постоянно актуализируется, наращивается, обеспечивая статистическую селекцию и репрезентативность рассматриваемой текстовой выборки.

В качестве последующих задач нашего исследования мы видим необходимость увеличения числа национальных корпусов, в том числе привлечения национальных корпусов немецкого и других языков, и расширения и уточнения ареала исследовательских методов и подходов.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы. М.: URSS, 2009. 383 с.
2. Вацлавик П., Бивин Д., Джексон Д. Прагматика человеческих коммуникаций: изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия. М.: Апрель-пресс: ЭКСМО-пресс, 2000. 312 с.
3. Карасик В.И. Языковые картины бытия. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2020. 467 с.
4. Падучева Е.В. Эгоцентрические единицы языка. М.: Яз. слав. культур, 2018. 439 с.
5. Стернин И.А. Теоретические и прикладные проблемы языкознания: избр. работы. Воронеж: Истоки, 2008. 595 с.
6. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2006. 377 с.
7. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: язык тела и естеств. язык. М.: Новое лит. обозрение, 2002. 581 с.

8. Morris C.W. *Symbolik und Realität*. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1981. 367 s.
9. Searle J.R. *Wie wir die soziale Welt machen: Die Struktur der menschlichen Zivilisation*. Berlin: Suhrkamp, 2017. 351 s.
10. *Формановская Н.И.* Коммуникативный контакт. М.: Икар, 2012. 198 с.
11. *Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. М.: Слово, 2008. 341 с.
12. *Червоный А.М.* Типология выражения концепта «ментальность». Таганрог: Таганрог. гос. пед. ин-т им. А.П. Чехова, 2013. 143 с.
13. *Grice P.* *Meaning = Bedeutung*. Ditzingen: Reclam, 2020. 83 s.
14. *Стросон П.Ф.* Индивиды. Опыт дескриптивной метафизики. Калининград: Изд-во Рос. гос. ун-та им. И. Канта, 2009. 328 с.
15. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М.: КомКнига; Ленад, 2006. 262 с.
16. *Watzlawick P., Beavin J.H., Jackson D.D.* *Menschliche Kommunikation: Formen, Störungen, Paradoxien*. Bern: Huber, 2021. 322 s.
17. *Dainton M., Zelle E.D.* *Applying Communication Theory for Professional Life: A Practical Introduction*. Thousand Oaks: SAGE Publications, Inc., 2004. 264 p.
18. *Матвеева Г.Г.* Диагностирование личностных свойств автора по его речевому поведению. Ростов-н/Д.: Дон. юрид. ун-т, 1999. 82 с.
19. *Мурашова Е.А.* Прагматические значения и их референциальные основания (на материале казачьего дискурса): дис. ... д-ра филол. наук. Таганрог, 2016. 657 с.
20. *Поленова Г.Т.* Диалог культур на современном предприятии и задачи подготовки специалиста иностранного языка // Язык. Дискурс. Текст: материалы III международ. науч. конф., 5–6 апреля 2007 г. Ростов-н/Д.: ЮФУ, 2007. С. 354–355.
21. *Уфимцева Н.В.* Языковое сознание: динамика и вариативность. М.: Ин-т языкознания РАН, 2011. 251 с.
22. *Мурашова Е.А.* Прагматическое значение речевой единицы. Проблемы и перспективы: моногр. М.: Перо, 2015. 291 с.
23. *Плунгян В.А.* Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Рус. яз. в науч. освещении. 2008. № 2(16). С. 7–20.
24. *Stubbs M.* *Corpus Analysis: The State of the Art and Three Types of Unanswered Questions // System and Corpus: Exploring Connections / ed. by G. Thompson, S. Hunston*. London: Equinox, 2006. P. 15–36.
25. *Жеребило Т.В.* Методы лингвистического исследования и описания языка, обусловленные функционально-стилистическим инвариантом языковой системы // *Lingua-universum*. 2007. № 3. С. 97–103.

References

1. Arutyunova N.D. *Predlozhenie i ego smysl: logiko-semanticheskie problemy* [The Sentence and Its Meaning: Logical-Semantic Problems]. Moscow, 2009. 383 p.
2. Watzlawick P., Beavin J.H., Jackson D.D. *Pragmatics of Human Communication: A Study of Interactional Patterns, Pathologies and Paradoxes*. New York, 1967. 296 p. (Russ. ed.: Vatslavik P., Bivin D., Dzhekson D. *Pragmatika chelovecheskikh kommunikatsiy: izuchenie patternov, patologiy i paradoksov vzaimodeystviya*. Moscow, 2000. 312 p.).
3. Karasik V.I. *Yazykovye kartiny bytiya* [Linguistic Pictures of Being]. Moscow, 2020. 467 p.
4. Paducheva E.V. *Egotsentricheskie edinitsy yazyka* [Egocentric Units of Language]. Moscow, 2018. 439 p.
5. Sternin I.A. *Teoreticheskie i prikladnye problemy yazykoznanija* [Theoretical and Applied Problems of Linguistics]. Voronezh, 2008. 595 p.
6. Habermas J. *Moralbewußtsein und kommunikatives Handeln*. Frankfurt am Main, 1983. 207 p. (Russ. ed.: Khabermas Yu. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deystvie*. St. Petersburg, 2006. 377 p.).
7. Kreydlin G.E. *Neverbal'naya semiotika: yazyk tela i estestvennyy yazyk* [Nonverbal Semiotics: Body Language and Natural Language]. Moscow, 2002. 581 p.
8. Morris C.W. *Symbolik und Realität*. Frankfurt am Main, 1981. 367 p.
9. Searle J.R. *Wie wir die soziale Welt machen: Die Struktur der menschlichen Zivilisation*. Berlin, 2017. 351 p.
10. Formanovskaya N.I. *Kommunikativnyy kontakt* [Communicative Contact]. Moscow, 2012. 198 p.
11. Ter-Minasova S.G. *Voyna i mir yazykov i kul'tur: voprosy teorii i praktiki mezh'yazykovoy i mezhkul'turnoy kommunikatsii* [War and Peace of Languages and Cultures: Issues of Theory and Practice of Interlingual and Intercultural Communication]. Moscow, 2008. 341 p.

12. Chervonyy A.M. *Tipologiya vyrazheniya kontsepta "mental'nost'"* [Expression Typology of the Concept of Mentality]. Taganrog, 2013. 143 p.
13. Grice P. *Meaning = Bedeutung*. Ditzingen, 2020. 83 p.
14. Strawson P.F. *Individuals: An Essay in Descriptive Metaphysics*. London, 1996 (Russ. ed.: Strososn P.F. *Individy. Opyt deskriptivnoy metafiziki*. Kaliningrad, 2009. 328 p.).
15. Karaulov Yu.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, 2006. 262 p.
16. Watzlawick P., Beavin J.H., Jackson D.D. *Menschliche Kommunikation: Formen, Störungen, Paradoxien*. Bern, 2021. 322 p.
17. Dainton M., Zelle E.D. *Applying Communication Theory for Professional Life: A Practical Introduction*. Thousand Oaks, 2004. 264 p.
18. Matveeva G.G. *Diagnostirovanie lichnostnykh svoystv avtora po ego rechevomu povedeniyu* [Diagnosis of Personal Traits of the Author Based on His Speech Behaviour]. Rostov-on-Don, 1999. 82 p.
19. Murashova E.A. *Pragmaticheskie znacheniya i ikh referentsional'nye osnovaniya (na materiale kazach'ego diskursa)* [Pragmatic Meanings and Their Referential Bases (on the Material of the Cossack Discourse): Diss.]. Taganrog, 2016. 657 p.
20. Polenova G.T. Dialog kul'tur na sovremennom predpriyatii i zadachi podgotovki spetsialista inostrannogo yazyka [Dialogue of Cultures at a Modern Enterprise and the Tasks of Training a Foreign Language Specialist]. *Yazyk. Diskurs. Tekst* [Language. Discourse. Text]. Rostov-on-Don, 2007, pp. 354–355.
21. Ufimtseva N.V. *Yazykovoe soznanie: dinamika i variativnost'* [Linguistic Consciousness: Dynamics and Variability]. Moscow, 2011. 251 p.
22. Murashova E.A. *Pragmaticheskoe znachenie rechevoy edinitsy. Problemy i perspektivy* [Pragmatic Meaning of a Speech Unit: Problems and Prospects]. Moscow, 2015. 291 p.
23. Plungyan V.A. Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotorykh urokakh sovremennoy korpusnoy lingvistiki [Corpus as a Tool and as an Ideology: Some Lessons of Modern Corpus Linguistics]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2008, no. 2, pp. 7–20.
24. Stubbs M. Corpus Analysis: The State of the Art and Three Types of Unanswered Questions. Thompson G., Hunston S. (eds.). *System and Corpus: Exploring Connections*. London, 2006, pp. 15–36.
25. Zhrebilo T.V. Metody lingvisticheskogo issledovaniya i opisaniya yazyka, obuslovlennyye funktsional'no-stilicheskim invariantom yazykovoy sistemy [Methods of Linguistic Research and Description of Language Depending on the Functional and Stylistic Invariant of the Linguistic System]. *Lingua-universum*, 2007, no. 3, pp. 97–103.

DOI: 10.37482/2687-1505-V225

Evgeniya A. Murashova

A.P. Chekhov Institute (Branch) in Taganrog, Rostov State University of Economics;
ul. Petrovskaya 68, Taganrog, 347900, Rostovskaya obl., Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6018-955X> e-mail: shenetschka@rambler.ru

Galina T. Polenova

A.P. Chekhov Institute (Branch) in Taganrog, Rostov State University of Economics;
ul. Petrovskaya 68, Taganrog, 347900, Rostovskaya obl., Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8295-856X> e-mail: polenova@mail.ru

VERBAL MEANS OF COMMUNICATIVE CONTACT IN MODERN RUSSIAN

The central task of this article was to describe the nomenclature of multi-level verbal means that serve to establish, transform and maintain verbal interaction. From the standpoint of the integrative-comparative approach being developed, the paper outlines the integral and differential features of these verbal means as components of the system of pragmatically valent contactives of the modern Russian

For citation: Murashova E.A., Polenova G.T. Verbal Means of Communicative Contact in Modern Russian. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 6, pp. 47–55. DOI: 10.37482/2687-1505-V225

language. As the main research method, a comprehensive corpus-contextual analysis was used, providing objectivity and a possibility of verifying the desired results. Dominant and peripheral zones were identified, specific hierarchical relationships of their actualization in texts were established, and the structure and part-of-speech affiliation of contactives were analysed. This determines the novelty and practical significance of the paper, which expands the base of theoretical and methodological information about the system of such verbal means as contactives by filling in the gaps in modern linguistic knowledge in the range of detecting universal and specific ways of manifestation of national-cultural and individual attitudes in the process of verbal interaction, as well as in understanding these verbal means as elements that identify specific features of the participants in communication. As the material for the study, we used texts from the National Corpus of the Russian Language, representing situations of establishing, transforming and maintaining verbal communication. The research proved (based on the material of a single national corpus, i.e. National Corpus of the Russian Language) the productivity of the integrative-comparative strategy in general and corpus-contextual analysis in particular in solving the problem of systematic description of verbal means that explicate the communicative situation in the totality of all its components.

Keywords: *contactives, situation of communicative contact, corpus-contextual analysis, Russian language.*

Поступила 25.04.2022
Принята 10.11.2022
Опубликована 16.12.2022

Received 25 April 2022
Accepted 10 November 2022
Published 16 December 2022

УДК 811.111:811.521

DOI: 10.37482/2687-1505-V223

*БАСОВА Татьяна Александровна, аспирант кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Автор 27 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9511-6131>

ОТФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СОСТАВНЫЕ ЛЕКСЕМЫ АНГЛИЙСКОГО И ЯПОНСКОГО ЯЗЫКОВ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Статья посвящена межуровневым продуктам отфразеологической деривации – сложным лексемам английского и японского языков с соматическим компонентом и их структурной характеристике. Поднимается проблема границ слова в обоих языках, в зависимости от понимания которой возможно по-разному определять принадлежность единиц структуры $N + N$, $Adj + N$ в английском и $N + no + N$ в японском к фразеологическому или лексическому уровню. Рассматривается вопрос открытых сложных слов английского языка и выделяются два вида единиц, причисляемых к этой категории: 1) единицы, которые по сути являются фразеологизмами, практически полностью утерявшими признаки раздельнооформленности, 2) единицы, которые произошли из фразеологизмов путем деривации и позволяют как раздельное, так и орфографически цельнооформленное, а также дефисное написание, но не имеют собственного фразеологического прошлого. В японском языке на примере *kinodoku* ‘достойный сожаления’ и *oki no te* ‘козырь’ показываются признаки лексикализации посессивных композитов. В процессе анализа выявляются основные словообразовательные, морфологические и фонетические особенности отфразеологических сложных слов в обоих языках, т. е. общие словообразовательные модели: словосложение, словосложение в сочетании с аффиксацией, а также лексикализация полных словосочетаний, включающих незнаменательные компоненты. Также выявляются характерные только для японских дериватов особенности: фонетические преобразования согласно рэндаку, языковая компрессия отфразеологических сложных слов со вторым именным компонентом, ограничивающая их в длине до 4 мор, а также наличие производных лексем из коммуникативных фразеологизмов – пословиц.

Ключевые слова: фразеология, отфразеологические лексемы, сложные слова, межуровневая деривация, структурный анализ.

*Адрес: 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87, корп. 1; e-mail: tanyatako@gmail.com

Для цитирования: Басова Т.А. Отфразеологические составные лексемы английского и японского языков с соматическим компонентом в сопоставительном аспекте // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 6. С. 56–65. DOI: 10.37482/2687-1505-V223

Введение

Процесс отфразеологической лексической деривации – это стягивание идиоматического словосочетания или предложения в одну лексему вследствие процессов компрессивного словообразования, продукт которого – отфразеологические дериваты, в большинстве случаев являющиеся сложными словами (за исключением семантической конденсации, при которой один из компонентов фразеологической единицы (ФЕ) наделяется новым значением, и морфологических дериватов, в которых один из компонентов ФЕ наделяется новым значением и соединяется с аффиксом [1]). В японских толковых и фразеологических словарях, а также научной литературе возможно встретить пометки «сокращенное выражение» (略した表現 – *ryaku shita hyougen*), «сокращение пословицы (идиомы)» (ことわざの略 – *kotowaza no ryaku*) [2–4], «сложные слова, соотносящиеся с ФЕ» (慣用句に対応する複合語 – *kan'youku ni taiou suru fukugougo*) [5]. Данные лексемы все чаще выступают объектом научного интереса современной лингвистики, но пока еще изучены недостаточно полно и предполагают большое поле для исследования [6, с. 1–5]. Лексикализация синтаксических структур, частным случаем которых являются ФЕ, – это один из активных способов развития языка. Исследование данного процесса позволяет оценить языковые тенденции, что говорит об актуальности данной проблемы. Теоретическая значимость и новизна работы заключаются в том, что впервые сопоставляются английские и японские отфразеологические слова именно со структурной точки зрения, поднимается вопрос условности категоризации некоторых японских и английских единиц, а также описываются уникальные для японского языка лексемы, произошедшие из коммуникативных фразеологизмов (пословиц и поговорок).

Материалы и методы исследования

Фразеологические исследования японского языка представлены в трудах С.А. Быковой и Е.В. Струговой (структурный аспект) и Т.М. Гуревич (лингвокультурологический аспект). «Сло-

во в японском языке» – фундаментальный труд А.А. Пашковского, посвященный японским сложным словам, однако он практически не затрагивает лексем именно фразеологической этимологии. Исследования японских ученых в данной области касаются как общих проблем фразеологии (С. Дайдзи, Ё. Морита, К. Тэцуя), так и частных (Ю. Миядзи – вариативность и деривация; П. Исида – вариативность, корпусный анализ, семантический и сопоставительный анализ), М. Ито (семантический и сопоставительный анализ). В трудах отечественных и зарубежных ученых представлены разные взгляды на проблему категориальной принадлежности отфразеологических лексем в системе языка и особенностей их интеграции в языковое полотно. В отечественной фразеологии в исследованиях русского и английского языков отфразеологические лексемы традиционно относятся к сфере деривации [7, с. 210; 8, с. 1451–1455]; в Большом англо-русском фразеологическом словаре А.В. Кунина [9] они представлены наряду с порождающими фразеологизмами. Однако П. Исида создала собственную классификацию фразеологических вариантов в японском языке, в которую включает сложные слова, образованные от фразеологизмов [10, с. 48; 5, с. 81], т. е. связывает их с фразеологической вариативностью и указывает на отношения соотнесенности между ними. Также она предполагает возможность применения этой классификации и к английскому языку, т. е. говорит о способности английских отфразеологических слов быть вариантами исходных ФЕ [5, с. 85]; приводит примеры из корпусов текстов и обращает внимание на возможность транспозиции значения (перехода из одной категории в другую, например из процессуальности в предметность), но не рассматривает в подробностях изоморфные и алломорфные черты английских и японских отфразеологических лексем.

В данной работе в фокусе исследования находятся отфразеологические сложные слова с соматическими компонентами английского и японского языков. Проанализировано около

400 английских и японских производящих фразеологизмов и производных от них лексем с соматическим компонентом, но ввиду ограниченного объема статьи приводятся наиболее характерные иллюстрации. В процессе сопоставления решаются следующие задачи: 1) детально рассматриваются вопросы границ слова в обоих языках, позволяющие определить принадлежность составных слов к лексическому или фразеологическому уровню языка, который выделяется рядом фразеологов (В.Л. Архангельский [11], А.В. Кунин [12]) ввиду значительных отличий между лексемами и фразеологизмами, а также с целью более комплексного изучения свойств последних, что представляется целесообразным и для данного исследования; 2) осуществляется отбор материала методом сплошной выборки из словарей и фразеологических источников [2–4; 9]; 3) описываются принципы образования таких сложных слов и их основные структурные и словообразовательные особенности; 4) выявляются общие и частные характеристики отфразеологических лексем на избранном участке фразеологии данных неродственных языков. Для решения подобных задач используются методы наблюдения, контекстного и структурного анализа и сравнительно-сопоставительный метод.

Результаты исследования

Лексический фонд и английского, и японского языков содержит единицы, произошедшие от фразеологизмов, но принадлежность некоторых из них к лексическому или фразеологическому уровню языка остается спорной. В английской лингвистике существует точка зрения, что раздельность написания, т. е. орфографическая раздельнооформленность, не является весомым показателем раздельности компонентов сочетаний структуры *N + N* и *Adj + N* [13, с. 291–316] (*red herring*, *hot head*, *fountain head* и др.). Если обратиться к самому термину *compound* (составное/сложное слово), то обнаруживается сильное расхождение мнений зарубежных лингвистов по поводу содержания этого понятия. В коллективной монографии *The Oxford Handbook of Compounding* (2011) ре-

зюмируется, что характеристики сложных слов в разных языках имеют определенные отличия и для английского языка до сих пор не выявлены однозначные критерии открытых компаундов (т. е. сложных слов, части которых орфографически раздельны), которые бы строго отделяли их от дериватов и синтаксических формаций (словосочетаний), особенно в связи с непоследовательностью спеллинга. Даже основные характеристики (особенности ударения, синтаксическая устойчивость, особенности словоизменения) имеют так много исключений и противоречий, что не могут считаться решающими. Поэтому понятие компаунда включает в себя не только соединения корней и основ, но и слов, что может приводить к образованию составных комплексов с разной степенью плотности (*“more compound-like and less compound-like complexes”*) [14, с. 14]. В отечественной лингвистике подобные составные комплексы считаются раздельнооформленными. Например, *fountain head* в *Большом англо-русском фразеологическом словаре* А.В. Кунина идентифицируется как идиома, тогда как во многих современных словарях, например в *Oxford English Dictionary* (2005), данное сочетание признается не идиомой, а существительным – открытым компаундом, у которого есть цельнооформленные варианты: *fountain-head*, *fountainhead*.

Некоторые английские сложные слова могут иметь три допустимых написания. Например, идиома *to split hairs* порождает лексему *hairsplitting/hair-splitting* (*closed/hyphenated compound*), которая также может встретиться в раздельном варианте написания *hair splitting* (*open/spaced compound*), что говорит о пока еще достаточно высокой степени независимости составных частей и действующем характере процесса словосложения: слово еще не до конца «окостенело» в слитной форме. Данное слово, в отличие от *fountain head*, изначально возникло в процессе деривации от фразеологизма и никогда не имело ни узуальных, ни окказиональных признаков цельнооформленности, в отличие от *fountain head*, которое до сих пор имеет редкий вариант *fountain's head*,

а наличие вариантов, пусть и устаревающих, говорит о фразеологической природе выражения, так как это один из окказиональных показателей раздельнооформленности. В связи с этим верно заметить, что *hair splitting* – это открытое сложное слово, а *fountain head*, возникшее из свободного словосочетания, все еще имеет связь с фразеологическим уровнем языка, хоть и находится на пути лексикализации.

В японском языке также существует группа спорных единиц со структурой *N + no + N* (possessive compounds). В некоторых случаях их лексическая природа очевидна, тогда как в других их актуализация в дискурсе ничем не отличается от словосочетаний, что рассматривается на примерах ниже. По классификации А.А. Пашковского, это синтагмосложные лексемы, в том числе лексикализованные словосочетания, включающие незнаменательные компоненты, а именно синтаксические форманты [15, с. 15]. Один из приведенных им примеров – лексема *kinodoku* ‘жалкий’, которую мы рассмотрим подробнее. В труде «Исследование языка Эдо» Т. Эбара пишет о возникновении этого выражения на контрасте с более древним (существовавшим уже в XIV–XV веках н. э.), но на данный момент устаревшим фразеологизмом *ki no kusuri* (букв. «лекарство для духа», ‘облегчение, радость; что-л. приятное, снимающее тревогу, улучшающее настроение’) [16, с. 46]. До середины периода Эдо (XVII век) *ki no doku* означало ‘огорчение, раздражение, разочарование’ (собственное «отравленное» настроение или его причина). Впоследствии фраза подверглась семантическому преобразованию и обрела значение ‘сожаление’ (по отношению к другим, т. е. проявление сострадания, разделение горьких чувств другого человека) и с новой семантикой лексикализовалась как цельнооформленная единица *kinodoku* ‘жалость; вызывающий жалость, достойный сожаления’. Ввиду отсутствия пропусков между словами в японском языке лексикализация выявляется через особенности функционирования: *kinodoku* сочетается с адъективной частицей *na*, которая, как известно, позволяет полупредикатив-

ным (именным) прилагательным выступать в функции определения, и с адвербиальной частицей *ni*, образуя вежливое слово *okinodoku-ni* ‘соболезную’. Возможна и дальнейшая словообразовательная деривация с присоединением суффиксов: *kinodokusa* ‘что-л., вызывающее сожаление; степень сожаления’, *kinodokugaru* ‘выражать сожаление’. В словарях единица *kinodoku* обозначена как существительное/полупредикативное прилагательное, и, несмотря на то, что морфема *no* (бывшая изначально показателем атрибутивного значения) произносится, на письме она в редких случаях может не отражаться: 気毒 (*kinodoku*). Таким же образом функционирует и схожая единица *me no doku* «яд для глаз» ‘что-л. вредное для глаз; соблазн; нечто, заставляющее страдать при взгляде на этот предмет’, также идентифицируемая как существительное/прилагательное. Кроме того, она встречается с показателем определения *na*, субстантивирующим суффиксом *sa* (*menodokusa* ‘желанность’) и даже сочетается с эксцессивом-*sugiru* для выражения избыточности качества. При этом в *me-no-doku* морфема *no* на письме не выпадает. Такие особенности говорят о полноценной лексикализации выражения. Раздельнооформленные варианты этих лексем (не с графической, а с когнитивной точки зрения) в современном японском языке, возможно, сохранены лишь как часть некоторых пословиц, например: 聞けば気の毒、見れば目の毒 *kikeba ki no doku, mireba me no doku* букв. «Если услышать – яд для духа, если увидеть – яд для глаз», т. е. [лишнее] знание вызывает страдание или сильное желание, одержимость; сильные эмоции наносят вред телу и душе, поэтому иногда лучше ничего не знать. Ср. с *Меньше знаешь – крепче спишь*. В пословице содержится эпифора (повторение *doku* ‘яд’), что усиливает ее выразительность, и часть *ki no doku* несет именно первоначальное идиоматическое значение духовного помутнения, отравленного настроения или одержимого состояния, а не жалости или проявления сострадания к другим людям. В пословице сохраняется более древняя семантика «яда для

духа», не связанная с вежливостью или эмпатией.

Еще один специфический пример лексикализации среди соматических ФЕ – *oku no te* «глубинная рука» ‘мастерство, секретный прием, козырь’. По формальным данным эта единица соотносена со словосочетанием, так как включает послелог *no* как показатель синтаксических отношений; она не имеет морфологически образованных дериватов, в нормативном языке не сочетается с *na* или *ni*, и корень слова также не изменяется, как, например, в лексемах неидиоматического (*ki no ha* – *kono ha* ‘листва деревьев’) или идиоматического (*kani no te* «глаз краба» – *kaname* ‘кнопка, скрепляющая веер’) характера, т. е., если следовать подходу А.А. Пашковского, в данном случае нет явных доказательств, однозначно говоривших бы о ее принадлежности к лексическому уровню, и все же в современном языке она идентифицируется в японских толковых словарях как слитное существительное. Как и *ki-no-doku*, эта единица прошла через развитие идиоматического значения. Согласно А. Оомори [17, с. 140], первоначально «глубинная рука» означала более почитаемую левую руку, которая использовалась для молитв и других значимых действий, в отличие от «бытовой» правой, использовавшейся для повседневных дел, а также, возможно, в древности пряталась в полы одежды, чтобы скрыть от посторонних глаз. Впервые это выражение встречается в древней поэтической антологии «Манъё:сю:» в стихотворении авторства Ф. Тамукэ: *...hidarite no waga oku no te ni makite...* – «...обернув [браслет] вокруг моей глубинной руки – левой руки...». *Oku* как пространственная категория в японской культуре обозначает «внутреннее, глубинное, сакральное, абсолютное» [18], и описание левой руки через «глубинность» подчеркивает полагающееся ей почтение. Семантический сдвиг произошел примерно в XV–XVI веке: значение ‘секретный прием’, явно мотивированное предыдущей семантикой (так как левая рука использовалась реже и для особенных действий, а также, вероятно, пряталась, другие не знали, что в ней может быть), наблюдается в

произведении «Хонфукудзи Атогаки» (ок. 1560). С тех пор значение ‘левая рука’ окончательно ушло в прошлое и, как предполагается, частотность этого слова с новой семантикой ‘козырь’ настолько возросла, а сам концепт стал настолько когнитивно цельным, что *oku-no-te* официально было наделено статусом слова, как и, например, такие слияния, как *cha-no-ma* «чайная комната» ‘гостиная’, *hi-no-de* «выход солнца» ‘восход’, *onna-no-ko* «женщина-ребенок» ‘девочка’. Все подобные лексемы (сущ. + *no* + сущ.), все еще сохраняя облик словосочетания, в первую очередь отличаются максимальной краткостью входящих в них компонентов и высокой частотой употребления, а *no* может выражать не только принадлежность, но и аппозицию. Т. Кагэяма определяет такие существительные, как possessive compounds, и в целом отмечает у синтаксических компаундов «особое ударение, присущее сложным словам, ограниченную продуктивность и лексическую обусловленность» [14, с. 512–526]. Однако некоторыми лингвистами *oku no te* классифицируется все же как идиома (например, в Японо-русском фразеологическом словаре С.А. Быковой) [19]. Ввиду отсутствия грамматических признаков лексикализации можно сказать, что *oku no te* находится в пограничной зоне между словом и словосочетанием. Ситуация осложняется тем, что, как пишет А.А. Пашковский, традиционная японская орфография не предусматривает отдельного написания слов: «нет графического образа слова, и поэтому границы слова могут трактоваться по-разному, в том числе и самими японцами» [15, с. 170], но однозначных признаков, которые бы четко разграничили, например, *inochi no oya* «родитель жизни» ‘спаситель’ (которое на данный момент признается идиомой – *kan'yoku*) и *oku no te* «глубинная рука» ‘секретный прием’ (которое почти всегда признается существительным – *meishi*), нет, кроме самого факта признания последнего существительным в Японии.

В английском и японском языках образованные лексемы могут включать все знаменательные компоненты исходной ФЕ, а могут только неко-

торые, тогда как остальные будут усечены. Например, исходная ФЕ *an open hand* 'щедрость' всеми компонентами переходит в адъективную лексическую единицу *open-handed* 'щедрый' (не считая артикля, несущего служебную функцию), тогда как ФЕ *to give a side eye* 'бросать косые взгляды' подвергается усечению (пропадает начальный глагольный компонент *give*) и образуется составной глагол *to side-eye* 'косо смотреть'. В этом случае вербализация через *give* уже не требуется, т. к. новая единица является глаголом изначально. В лексеме *hawk-eyed* пропадает компонент *like* (от ФЕ *eyes like a hawk*): *hawk* на первой позиции уже выполняет атрибутивную функцию, выражая подобие. В лексеме *high-headed* не участвует компонент *carry* или *hold* (*to hold/carry one's head high*), т. к. прилагательное транслирует признаковость, а не действие и не нуждается в дополнительном глаголе.

В английском языке сложные слова могут складываться более чем из двух компонентов, включая знаменательные и служебные (*head-to-toe*, *shoot-from-the-hip*); в японском – преимущественно состоят из двух знаменательных морфем и не включают служебные слова (падежные показатели, частицы, послелог): *kokoro ni nokoru* «оставаться в сердце» → *kokoronokori* «осадок на сердце»; *mimi ga hayai* «уши быстрые/ранние» 'острый слух, осведомленность' → *timibayai* 'хорошо слышащий, быстро узнающий новости', *hayamimi* 'инсайдер; тот, кто узнает все раньше остальных'; *me no kusuri* «лекарство для глаз» 'отрада для глаз' → *megusuri* 'взятка', т. е. по сути данные слова являются основосложными (происходит сложение двух основ) по классификации А.А. Пашковского.

В производных лексемах, особенно при сохранении компонентности, семантическая информация консервируется с минимальными потерями. При образовании отфразеологической лексемы исчезает фразеологическое значение и возникает лексическое; при этом данное значение осложнено «двойным дном» фразеологической информации и так же, как у ФЕ-прототипа, не равняется сумме значений участвующих

компонентов ввиду их переосмысленности; мотивировка затемнена. Ср.: *bookseller* 'продавец книг' – прозрачное, неидиоматическое сложное слово, а *head-scratcher* 'головоломка, задачка' – сложное слово, возникшее из фразеологизма.

Принцип образования отфразеологических сложных слов можно назвать словосложением или, по Е.Н. Ермаковой, агглютинацией («склеиванием») [7]. В английском и японском языках отфразеологические сложные слова могут быть подвержены морфологическим трансформациям и иметь дальнейшие дериваты, т. е. способны присоединять суффиксы для частеречных переходов, обретая новые грани значения: *kokoro no yasashii* «мягкий сердцем» 'добрый' → *kokoroyasashii* 'добрый', *kokoroyasashisa* (сущ.) 'доброта, мягкость'; *a light hand* «легкая рука» 'ловкость' → *light-handed* 'ловкий', *light-handedly* 'ловко', *light-handedness* 'ловкость'. В японском языке, помимо присоединения суффиксов, может меняться основа глагола: *kuchi o dasu* → *kuchidashi* (2-я основа на *i*); прилагательные в некоторых случаях также обретают форму чистой основы, отбрасывая флексии: *me ga takai* → *medaka*, а, кроме этого, в большинстве случаев происходят специфические фонетические преобразования согласно законам *рэндаку* (озвончение некоторых согласных на стыке в сложных словах). В английском языке неправильные глаголы могут иметь корневые преобразования (*a swelled head* – *swollen-headed* 'высокомерный').

Суммируем основные способы образования отфразеологических сложных слов:

1. Чистое словосложение (и основосложение) двух знаменательных компонентов: *mimi ga sato* – *mimizato* 'быстро узнающий новости'; *a hot head* 'вспыльчивость' – *a hothead* 'вспыльчивый человек'.

2. Словосложение + морфологические изменения (изменение корня (англ.) или основы (яп.), а также аффиксация): *a swelled head* – *swollen-headed* 'высокомерный' (изменение корня); *me o kubaru* – *mekubari* 'слезка' (переход глагола во вторую основу), *hara ga tatsu* – *haradashii* 'раздражающий' (адъективный суффикс *shii*).

3. Лексикализация целого словосочетания со служебными компонентами (универбация в английском, синтагмосложные лексемы в японском): *eye to eye – eye-to-eye* ‘с глазу на глаз’, *me no doku – me-no-doku (-na)* ‘желанный’.

Сложные существительные японского языка, образованные чистым словосложением, несколько отличаются от тех, в которых имели место морфологические преобразования для придания субстантивности (например, изменение основы глагола или присоединение субстантивных суффиксов). Иными словами, если второй компонент сложного слова именной изначально, то сложное слово попадает под большую языковую компрессию и уже не может превышать 4 мор (японских тактово-ритмических единиц):

1. Субстантивность диктуется морфологией: *kokoronokori*, *kokorozukai*, *metsubure*, *medooshi*, *haradatashisa*, *kokoro yasashisa* (свободная длина слова).

2. Субстантивность диктуется лексическими средствами – вторым компонентом (существительным), 3-4 моры: *hayamimi*, *kasurime*, *hosome*, *shirome* (из двухвершинных ФЕ); *mimitako*, *tekishio*, *dokusara*, *motoyara*, *nukakugi* (из многокомпонентных ФЕ).

Образование сложных существительных в японском языке возможно не только из двухкомпонентных ФЕ, но и из многокомпонентных единиц (от трех компонентов и более), и, в отличие от английского, не только из номинативных, но и из коммуникативных фразеологизмов (чаще вследствие чистого словосложения без каких бы то ни было морфологических преобразований). Таким образом, единицы, возникшие из многокомпонентных ФЕ, – это существительные либо с двумя именными основами, либо с финальной именной основой общей длиной не более 3-4 мор. К примеру, субстантивная ФЕ с предикативной структурой: *鴨が葱を背負ってくる kamo ga negi o seotte kuru* «дикая утка приближается, неся лук-батун на спине» ‘невероятная удача;

подозрительная удача’ → *かもねぎ kamonegi* «уткалук» ‘невероятная удача; подозрительная удача’. Подразумевается, что утка – это съедобная дичь, а лук – это дополнение к блюду, т. е. еда сама идет в руки: *車で迎えに来てくれるなんて鴨ネギ* – «Какая удача [“уткалук”], если она подъедет, чтобы встретить тебя!»¹.

Пример коммуникативной ФЕ (пословицы и поговорки): *類はともを呼ぶ rui wa tomo o yobu* «Сходство зовет друзей» ‘Подобное привлекает подобное’ → *るいとも ruitomo* «сходстводруг» ‘[ситуация, когда] подобное привлекает подобное’.

Лексемы, возникшие от коммуникативных единиц, в зависимости от контекста и субъективного восприятия могут как иметь номинативный характер, выражая основные семы фразеологизма, так и нести коммуникативную функцию, выступая как закодированные в форме лексемы половицы или поговорки и сохраняя исходную оценочность, народную мудрость и дидактичность. В таком случае они могут повторяться в тексте или речи в полном виде для облегчения идентификации и развертывания коммуникативного элемента. В примере ниже автор раскрывает значение лексемы *ruitomo* «сходстводруг» (от *ruui wa tomo o yobu* «сходство зовет друзей», ‘подобное привлекает подобное’), атрибутивно соединенной со словом «закон» в следующем же предложении: *ツキを呼び込む奥の手がある。ツキのある人間とつきあうことである。人間関係にはいつも「類友の法則」が働く。類は友を呼ぶ。Tsuki o yobikomou oku no te ga aru. Tsuki no aru ningen to tsukiau koto de aru. Ningen kankei ni wa itsumo “ruitomo no housoku” ga hataraku. Rui wa tomo o yobu.* «Существуют особые приемы привлечения удач. Это поддержание отношений с удачливыми людьми. Для человеческих отношений всегда работает закон “сходстводруг”. Сходство зовет друзей» (Ё. Кавакита «Сейчас не получается, а потом все удастся»).

Поговорка, ужатая в форму лексемы, допускает более широкое функционирование в син-

¹国語研日本語ウェブコーパス [Веб-корпус японского языка NWJC]. URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/nwjc/search> (дата обращения: 12.05.2022).

таксисе и в данном примере выступает в роли определения к слову «закон», что можно было бы перевести как «закон привлечения подобного», но в сознании человека при столкновении с лексемой исходная поговорка может раскрываться в своей полной форме, транслируя народную мудрость, которая здесь преподносится как закон, существующий в отношениях людей, тем более благодаря повторению автором полной формы поговорки, что интенсифицирует ее смысл и сообщение. Таким образом, в этом контексте через лексему может считываться и номинативная информация, описывающая закон, и коммуникативная, закодировано говорящая, в чем именно тот заключается.

Выводы

Подводя итог, суммируем основные особенности отфразеологических сложных слов в английском и японском языках:

1. Отфразеологические сложные слова образуются тремя способами: а) словосложением; б) словосложением в сочетании с морфологическими преобразованиями; в) синтагмосложной лекси-

кализацией (в японском языке) и универбацией с использованием дефисов (в английском языке).

2. В английском и японском отсутствуют интерфейсы, границы морфем четкие.

3. Английские лексические дериваты с соматическими компонентами могут включать как знаменательные, так и служебные компоненты фразеологизма; существительные не имеют ограничения по длине. В японском соединяются знаменательные компоненты, т. е. слова основосложные, за исключением редких синтагмосложных образований, статус которых может быть спорным.

4. В японском языке возможны фонетические преобразования согласно рэндаку.

5. В японском языке субстантивные дериваты со вторым именным компонентом не превышают 4 мор.

6. В японском языке возможно образование сложных слов из коммуникативных фразеологизмов. В зависимости от контекста и синтаксической позиции они могут сохранять коммуникативный характер.

Список литературы

1. Алевиренко Н.Ф. О соотношении формообразовательных и деривационных связей фразеологических единиц // Проблема тождества фразеологических единиц. Челябинск, 1990. С. 11–20.
2. 意味から引ける慣用句辞典 [Тезаурус фразеологизмов] / ред. А. Танно. Токио: Tokyo Jitsugyou Shuppansha, 1998. 333 с.
3. 日本語慣用句辞典 [Словарь японских фразеологизмов] / ред. А. Ёнэкава, И. Отани. Токио: Tokyodo Shuppan, 2005. 605 с.
4. 故事ことわざ辞典 [Словарь пословиц и старинных выражений]. URL: <https://kotowaza-dictionary.jp/> (дата обращения: 05.05.2022).
5. 石田 プリシラ [Исида П.] 言語学から見た日本語と英語の慣用句 [Английские и японские фразеологизмы с точки зрения лингвистики]. Токио: Kaitakusha, 2015. 215 с.
6. Fedulenkova T. Lexicalization of Phraseological Units in English // Lexical Creativity as a Feature of Textuality. ESSE 7 Conference: Abstracts of Seminar 15 / ed. by J. Munat, T. Fedulenkova. Zaragoza, 2004. P. 1–5.
7. Ермакова Е.Н. Отфразеологическое словообразование в современном русском языке: причины, условия, механизм // Вестн. ЧГПУ. 2012. № 2. С. 206–214.
8. Кунин А.В. Некоторые вопросы английской фразеологии // Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: ГИС, 1955. С. 1451–1455.
9. Кунин А.В. Большой англо-русский фразеологический словарь = English-Russian Phraseological Dictionary: ок. 20 000 фразеол. единиц. 6-е изд., испр., М.: Живой яз., 2005. 942 с.

10. 石田 プリシラ [Исида П.]. 慣用句の変異形について:形式的固定性をめぐって [Фразеологическая устойчивость и фразеологические варианты] // Tsukuba J. Appl. Ling. 1998. № 5. P. 43–56.
11. Архангельский В.Л. Устойчивые фразы в современном русском языке: основы теории устойчивых фраз и проблемы общей фразеологии. Ростов-н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 1964. 315 с.
12. Кунин А.В. Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины и создание англо-русского фразеологического словаря: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1964. 1229 с.
13. Juhasz B.J., Inhoff A.W., Rayner K. The Role of Interword Spaces in the Processing of English Compound Words // Lang. Cogn. Process. 2005. Vol. 20, № 1-2. P. 291–316. DOI: [10.1080/01690960444000133](https://doi.org/10.1080/01690960444000133)
14. The Oxford Handbook of Compounding / ed. by R. Lieber, P. Štekauer. Oxford: Oxford University Press, 2009. 691 p.
15. Паиковский А.А. Слово в японском языке. М.: КомКнига, 2006. 208 с.
16. 額原退藏 [Эбара Т.]. 額原退藏著作集, 第16巻 [Коллекция работ Т. Эбара, Т. 16]. Токио: Chuuiou-Koronsha, 1979. 533 с.
17. 大森亮尚 [Оомори А.]. 知ってるようで知らない日本人の謎 [Загадки японцев, которые кажутся очевидными, но на самом деле не так просты]. Киото: PHP Kenkyuujo, 2012. 297 с.
18. Li D. The Concept of “Oku” in Japanese and Chinese Traditional Paintings, Gardens and Architecture: A Comparative Study. URL: <https://www.hues.kyushu-u.ac.jp/education/student/pdf/2009/2HE08084E.pdf> (дата обращения: 06.04.2022).
19. Быкова С.А. Японско-русский фразеологический словарь. 2-е изд. М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. 439 с.

References

1. Alefirenko N.F. O sootnoshenii formoobrazovatel'nykh i derivatsionnykh svyazey frazeologicheskikh edinit [Correlation Between Inflectional and Derivational Relationships of Phraseological Units]. *Problema tozhdestva frazeologicheskikh edinit* [The Problem of Identity of Phraseological Units]. Chelyabinsk, 1990, pp. 11–20.
2. Tanno A. (ed.). *Imi kara Hikeru Kan'yoku Jiten* [Phraseology Thesaurus]. Tokyo, 1998. 333 p.
3. Yonekawa A., Outani I. (eds.). *Nihongo Kan'yoku Jiten* [Japanese Phraseological Dictionary]. Tokyo, 2005. 605 p.
4. *Koji Kotowaza Jiten* [Dictionary of Proverbs and Classical Idioms]. Available at: <https://kotowaza-dictionary.jp/> (accessed: 5 May 2022).
5. Ishida P. *Gengogaku kara mita nihongo to eigo no kan'yoku* [English and Japanese Idioms from a Linguistic Standpoint]. Tokyo, 2015. 215 p.
6. Fedulenkova T. Lexicalization of Phraseological Units in English. Munat J., Fedulenkova T. (eds.). *Lexical Creativity as a Feature of Textuality. ESSE 7 Conference: Abstracts of Seminar 15*. Zaragoza, 2004, pp. 1–5.
7. Ermakova E.N. Otfrazeologicheskoe slovoobrazovanie v sovremennom russkom yazyke: prichiny, usloviya, mekhanizm [Word Formation Derived from Phraseological Units in the Contemporary Russian Language: Reasons, Conditions, and Mechanisms]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*, 2012, no. 2, pp. 206–214.
8. Kunin A.V. Nekotorye voprosy angliyskoy frazeologii [Some Issues of English Phraseology]. Kunin A.V. *Anglo-russkiy frazeologicheskii slovar'* [English-Russian Phraseological Dictionary]. Moscow, 1955, pp. 1451–1455.
9. Kunin A.V. *English-Russian Phraseological Dictionary*. Moscow, 2005. 942 p.
10. Ishida P. Phraseological Frozenness and Phraseological Variants. *Tsukuba J. Appl. Ling.*, 1998, no. 5, pp. 43–56 (in Jpn.).
11. Arkhangel'skiy V.L. *Ustoychivye frazy v sovremennom russkom yazyke: osnovy teorii ustoychivyykh fraz i problemy obshchey frazeologii* [Set Phrases in Modern Russian: Fundamentals of the Theory of Set Phrases and the Problems of General Phraseology: Diss.]. Rostov-on-Don, 1964. 315 p.
12. Kunin A.V. *Osnovnye ponyatiya angliyskoy frazeologii kak lingvisticheskoy distsipliny i sozdanie anglo-russkogo frazeologicheskogo slovarya* [Key Notions of Phraseology as a Branch of Linguistics and the Creation of an English-Russian Phraseological Dictionary: Diss.]. Moscow, 1964. 1229 p.

13. Juhasz B.J., Inhoff A.W., Rayner K. The Role of Interword Spaces in the Processing of English Compound Words. *Lang. Cogn. Process.*, 2005, vol. 20, no. 1-2, pp. 291–316. DOI: [10.1080/01690960444000133](https://doi.org/10.1080/01690960444000133)
14. Lieber R., Štekauer P. (eds.). *The Oxford Handbook of Compounding*. Oxford, 2009. 691 p.
15. Pashkovskiy A.A. *Slovo v yaponskom yazyke* [The Word in the Japanese Language]. Moscow, 2006. 208 p.
16. Ebara T. *Ebara Taizou chosakushuu* [A Collection of Taizo Ebara's Works]. Vol. 16. Tokyo, 1979. 533 p.
17. Oomori A. *Shitteiru you de shiranai nihonjin no nazo* [Riddles of the Japanese That Only Seem Easy]. Kyoto, 2012. 297 p.
18. Li D. *The Concept of "Oku" in Japanese and Chinese Traditional Paintings, Gardens and Architecture: A Comparative Study*. Available at: <https://www.hues.kyushu-u.ac.jp/education/student/pdf/2009/2HE08084E.pdf> (accessed: 6 April 2022).
19. Bykova S.A. *Yaponsko-russkiy frazeologicheskiy slovar'* [Japanese-Russian Dictionary of Phraseology]. Moscow, 2007. 439 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V223

Tat'yana A. Basova

Vladimir State University;

ul. Gor'kogo 87, korp. 1, Vladimir, 600000, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9511-6131> e-mail: tanyatako@gmail.com

A COMPARATIVE ANALYSIS OF ENGLISH AND JAPANESE COMPOUNDS WITH A SOMATIC COMPONENT DERIVED FROM PHRASEOLOGICAL UNITS

The article focuses on cross-level products of phraseological derivation – English and Japanese compound words with a somatic component – and analyses their structure. The issue of word boundaries in both languages is raised as there are various ways to set boundaries between phraseological units and their lexical derivatives depending on the understanding of the issue, especially regarding *N + N* and *Adj + N* units in English and *N + no + N* units in Japanese. The problem of the so-called open compounds in English is investigated, and two types of units that bear relation to this category are identified: 1) units, originally idioms, that have lost almost all signs of structural separateness, 2) units that were derived from idioms and allow three spellings (separate, hyphenated and closed), but have no phraseological past of their own. In Japanese, via analysing *kinodoku* ('unfortunate') and *oku no te* ('trump card') the signs of possessive compound lexicalization are explained. The main word-forming, morphological and phonetic features of such lexemes in both languages are found, i.e. common word-forming models: compounding, compounding in combination with affixation, and lexicalization of full phrases including function words. Moreover, Japanese derivatives manifest some unique characteristics: phonetic changes according to *rendaku*, compression of idiom-based compounds with a second noun component which limits their length to 4 moras, and the existence of lexemes derived from communicative phraseological units, namely, proverbs.

Keywords: *phraseology, idiom-based lexemes, compounds, cross-level derivation, structural analysis.*

Поступила 21.06.2022
Принята 17.11.2022
Опубликована 16.12.2022

Received 21 June 2022
Accepted 17 November 2022
Published 16 December 2022

For citation: Basova T.A. A Comparative Analysis of English and Japanese Compounds with a Somatic Component Derived from Phraseological Units. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 6, pp. 56–65. DOI: 10.37482/2687-1505-V223

*ПОРОСЕНКОВ Сергей Владимирович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Пермского государственного национального исследовательского университета. Автор 119 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2331-8276>

ПРИНЦИП МАТЕРИАЛЬНОГО ЕДИНСТВА МИРА В МИРЕ ПЛЮРАЛИЗМА

Рассмотрено содержание принципа материального единства мира в аспектах субстанционального, субстратного, атрибутивного, функционального единства мира и в аспекте единства мирового закономерного процесса. Определена содержательная связь данного положения с развитием науки, прежде всего с комплексом естественных наук. Выявлен исторический характер философских интерпретаций принципа материального единства мира и проведено сравнение монистического выражения этого принципа на основе классической научной рациональности с вариантами его истолкования, базирующимися на неклассической научной рациональности. Сделан вывод о воздействии плюрализма методологий современного естественнонаучного познания на различные содержательные аспекты принципа материального единства мира, отмечены моменты противоречия современных естественнонаучных методологий философскому содержанию исследуемого положения. В плане мировоззренческого значения принципа материального единства мира отмечено полное исключение онтологического смысла любых религиозных представлений и взглядов его регулятивным действием. В современной картине плюрализма мировоззрений, где доминируют религиозные и религиозноподобные убеждения, ценностные ориентации и взгляды, мировоззрение, основанное на принципе материального единства мира, представлено крайне незначительно и носит элитарный характер. В мировоззрении ученых ориентация на данный принцип явно рефлексивно или неявно выполняет функцию гносеологической основы экстраполяции знаний, полученных в локальных областях исследований на всю предметную область соответствующих наук. Поэтому, по крайней мере в рамках научного сообщества, принцип материального единства мира сохраняет свое монистическое значение как в методологическом, так и в мировоззренческом отношении.

Ключевые слова: материя, материальное единство мира, классическая рациональность, неклассическая рациональность, плюрализм методологий, плюрализм мировоззрений.

*Адрес: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15; e-mail: svp53@mail.ru

Для цитирования: Поросенков С.В. Принцип материального единства мира в мире плюрализма // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 6. С. 66–73. DOI: 10.37482/2687-1505-V210

Эпоха информатизации всех сфер общественной жизни характеризуется быстрым нарастанием взаимодействий в информационном пространстве культур, религий, мировоззрений, научных теорий, методологий и междисциплинарных исследований. Мир плюрализма мировидения и миропонимания в условиях информационного взрыва открыт потенциальной бесконечности дальнейшего роста его многообразия. И в связи с этим встает вопрос о судьбе монистических мировоззрений, монистических философских систем, монистической научной картины мира. Дифференциация и плюрализм в мировоззренческом, религиозном, философском и научном смыслах превращают монизм в некую формальную бутафорию, а подлинный монизм останется в прошлом? Или в мировоззрении и различных формах познания сохраняется потенциал понимания и объяснения единства мира? Возможный ответ на эти вопросы можно получить, исследуя один из вариантов монистического объяснения мира на основе принципа материального единства мира.

Он определяет монистическое объяснение мира в материалистической философии, выступает основой интеграции взглядов, убеждений, ценностных ориентаций в материалистическом мировоззрении.

В советской философской литературе, где разрабатывался комплекс идей марксистско-ленинской философии, принцип материального единства мира исследовался в аспектах, определяемых различием уровней абстрагирования категории «материя» и ее всеобщих атрибутов.

Относительно понимания материи как объективной реальности существуют также трактовки соотношения материи как субстанции с ее атрибутами, в рамках диалектического материализма сформировались различные точки зрения, определявшиеся доминированием либо гносеологической трактовки материи, либо онтологической. В.Б. Кучевский, анализируя эти различия, в частности, отмечает: «различение понятий материи и объективной реальности... производится путем разведения их по разным "ведомствам". Первое оказывается понятием

онтологическим, второе – гносеологическим» [1, с. 152]. При вычленении проблематики материального единства мира существенным основанием градации этого принципа является учет именно различных уровней абстрагирования категории «материя» в гносеологическом аспекте.

Трактовка материи как субстанции, т. е. объективной, всеобщей, абсолютной основы сущего, делала акцент на исследовании субстанционального материального единства мира. В работах В.В. Орлова [2], С.Т. Мелюхина [3], В.Б. Кучевского [1] и других авторов понимание материи как абсолютной субстанции бытия мирового целого определяло признание абсолютности единства мира.

Более конкретная трактовка материи в качестве субстрата детерминировала исследование субстратного единства мира как общности состава изучаемых наукой видов материи, материальных систем. В работах Б.М. Кедрова [4], И.Я. Лойфмана [5] этот аспект исследования обусловил объективное основание взаимосвязи наук. М.З. Изотов констатирует, что в «отношении научного знания принцип материального единства мира действует как принцип единства научного знания» [6, с. 43].

Аспект атрибутивного единства мира связан с исследованием всеобщего характера единого образа атрибутов материи, т. е. пространства, времени, движения и развития, отражения, а также их взаимосвязи, что представлено в трудах М.М. Руткевича [7], А.М. Мостепаненко [8], Д.В. Пивоварова [9] и других авторов.

Аспект единства мирового закономерного процесса развития связан с исследованием генетического и структурного единства видов материи, форм движения материи. Особо значимы в этом данном направлении работы В.В. Орлова [10].

Аспект функционального единства мира предполагает изучение всеобщей связи и причинной обусловленности материальных систем.

По существу на основе исследования материального единства мира в научной материалистической философии этот принцип стал универсальной категориальной формой, предопределяющей интерпретацию и объяснение любых открываемых наукой многообразных,

разнородных явлений, процессов, причинных, функциональных и иных связей.

Когда речь идет о науке, то в первую очередь имеются в виду естественные науки. Известное положение Энгельса о том, что «единство мира доказывается не парой фокуснических фраз, а длинным и трудным развитием философии и естествознания» [11, с. 39], подразумевает взаимодействие материалистической философии и естественных наук и зависимость содержательного объяснения того или иного аспекта материального единства мира от теоретических положений данной области знания. Вместе с тем обратное регулятивное воздействие принципа материального единства мира на развитие и функционирование естественных наук характеризует процесс взаимодействия научной материалистической философии с естественнонаучным познанием.

Принцип материального единства мира определяет монистическое объяснение мира, единство мира как закономерного процесса развития материи, что дает возможность утверждать, что разум человека адекватно отражает сущность мира в формах рационального познания, а сущность самого человека открывается познанию в качестве высшего продукта единого закономерного процесса развития.

Все названные гносеологические признаки, казалось бы, позволяют сказать, что принцип материального единства мира – это одно из проходящих проявлений классической научной рациональности. Гносеологический оптимизм (т. е. уверенность в том, что на основе принципа материального единства мира познанию открывается сама сущность мира), свойственный научной материалистической философии, создает впечатление, что возможно формирование теории всего, а это тоже одна из идей эпохи господства классической научной рациональности.

Однако относить принцип материального единства мира лишь к оставшимся в прошлом проявлениям классической научной рациональности было бы упрощением. Это действительно значимый для науки принцип. Однако он, отражая в своем содержании ход развития

естествознания, трансформируется в условиях многообразия представленных в науке методологических позиций, плюрализма картин мира и их процессуального характера.

Конечно, и в современных условиях возможна гносеологическая позиция, основанная на том, что никакие новые открытия естествознания не могут поколебать понимание материи как объективной реальности, которая в интенции материалистического мышления выступает единой субстанцией сущего. Однако акцент на этой позиции косвенно устраняет материалистическую философию из контекста развития естественнонаучного знания и может вести к игнорированию реальных проблем, обсуждаемых учеными. С вершины горы объективной реальности философ может игнорировать то, что происходит в методологических ущельях и на равнинах предметных областей современного естествознания. Тем более что в современных условиях, в отличие от эпохи классического рационализма, никто не может осуществлять в рамках личного философского разума интеграцию основного содержания естественных наук. Поэтому в познавательном регулятивном воздействии принцип материального единства мира как субстратного, атрибутивного, функционального единства включен в динамику научного познания, но включен иначе в сравнении с эпохой классического рационализма.

Принцип материального единства мира как предмет изучения в рамках диалектико-материалистической методологии является объективно существующим в научном познании процессом экстраполяции знаний о конкретных связях, закономерностях локальных явлений на всю предметную область каждой науки о природе. Интегрировать же естественнонаучные знания в рамках личного философствования и в меру возможностей исследователя «подгонять» те или иные фрагменты этого знания под принцип материального единства мира – это задача, не имеющая в XXI веке смысла, задача не выполнимая в силу быстрой дифференциации и специализации научного познания.

Оно развивается в мире многообразно растущего плюрализма. Обладая своей фундаментальной спецификой и самодостаточностью, оно вместе с тем многообразно соприкасается с плюрализмом мировоззрений, идеологий, религий, процессом информационного взрыва. Само научное познание становится все более многообразным и в предметном, и в методологическом смысле. При этом никуда не исчезла и классическая научная рациональность. Поэтому при обсуждении места и значения принципа материального единства мира в этом мире плюрализма возможно выделение многих тематических планов. Но среди них, если подразумевать существенные функции материалистической философии, достаточно определенное значение имеют методологический и мировоззренческий тематические планы. Соотнести плюрализм методологий и плюрализм мировоззрений с содержанием принципа материального единства мира – значит выразить особенности этого принципа в современном гносеологическом и культурном контекстах.

Первый тематический план, связанный с плюрализмом методологий естественнонаучного познания, важен для понимания функционирования принципа материального единства мира в том отношении, что естественные науки дают исходные знания для обобщений и экстраполяции в аспектах субстратного, функционального единства материального мира.

Одна из специфических особенностей неклассической научной рациональности заключается в том, что знания об объективной реальности включают в себя методологические установки, на основе которых они были получены. Поэтому интеграция научных знаний в аспекте материального единства мира предполагает учет методологий, лежащих в основе их получения. А поскольку неклассическая наука характеризуется плюрализмом методологий, то, если в естественнонаучном познании обнаруживается нечто, противоречащее какому-то аспекту принципа материального единства мира, тогда интерпретировать это нечто означает погрузиться в контекст специальной терминологии, методов, расчетов и т. д.

Так одной из идей, высказываемых представителями современного естествознания, является идея о росте причинно не связанных между собой областей Вселенной. Для обозначения их границ было введено понятие «радиус горизонта частиц во Вселенной». Радиус горизонта частиц равен произведению скорости света на время, прошедшее с момента взрыва из сингулярного состояния. Вот место из коллективной монографии ученых астрономического института Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова: «... размер горизонта частиц ограничивает размер причинно-связанных областей. Действительно, две пространственные точки, разделенные расстоянием больше размера горизонта, никогда не взаимодействовали в прошлом. Поскольку самое быстрое взаимодействие (обмен лучами света) еще не произошло, то и любое другое взаимодействие исключено. Поэтому никакое событие, происшедшее в одной точке не может иметь в качестве своей причины событие, произошедшее в другой точке. В случае, когда размер горизонта частиц стремится к постоянной величине, Вселенная разбивается на причинно-несвязанные области, эволюция в которых протекает независимо» [12, с. 400].

Если образуются области Вселенной, не имеющие никаких причинно-следственных связей, эволюционирующие автономно, то это противоречит принципу материального единства мира в субстратном и функциональном аспектах. Также описанный процесс противоречит идее единого закономерного мирового процесса развития.

В.В. Орлов, крупнейший теоретик научной материалистической философии, полагал возможным осуществлять со стороны научной философии помощь конкретным наукам в решении проблем на стыке философии и науки. Но в связи с этим возникает вопрос о том, как в условиях взрывной дифференциации научного познания может внедряться философия в предметные области частных наук? Приведенная выше идея астрономов о росте причинно не связанных между собой областей Вселенной предполагает исследования, интерпретации, согласования

с принципом материального единства мира. Такого рода идеи формируются и в других естественных науках.

В связи с этим в качестве аналогии можно упомянуть, что В.В. Зеньковский предлагал для ассимиляции научных идей православием создать православную физику, православную биологию и т. д. Этот утопический замысел отстраненно показывает недостижимость проникновения в частные предметные области естественных наук внешних всеобщих схем мысли.

Может это грубая аналогия, но она оттеняет актуальную проблему научной материалистической философии: как сохранить связь принципа материального единства мира, как и других философских принципов, с современной проблематикой конкретно-научных исследований. Не только сохранить связь, но и исследовать регулятивное воздействие философских принципов на конкретные науки.

Однако данный принцип, сформированный в ходе развития естественнонаучного познания, конечно, функционирует как в рефлексивной, так и в нерефлексивной форме в качестве основы экстраполяции изученных закономерностей из конкретной сферы исследований на всю предметную область, изучаемую соответствующей наукой.

Обнаружение причинно не связанных областей Вселенной подрывает основанную на принципе материального единства мира идею о мире как едином закономерном процессе. Также и развитие идей о разнородности материи (имеется в виду понятие темной материи), ставит вопрос о субстратном единстве мира.

Возможным вариантом интерпретации современного естественнонаучного материала с позиций принципа материального единства мира является избирательный подбор тех фактов, гипотез, теорий, которые подтверждают его истинность и регулятивную действенность. Такая избирательность может быть оправдана тем, что в условиях быстро растущей дифференциации научного познания, экстенсивного роста плюрализма методологий, процесс интеграции знаний по необходимости оказывается

избирательным. Кроме того, такой вариант интерпретации соответствует природе философского познания. Оно основывается не на фактах, как это имеет место в науке, а на философских принципах. Поэтому если факты противоречат какой-то философской позиции, то, как говорил известный философ: «тем хуже для фактов».

Другой возможный вариант интерпретации современного естественнонаучного материала с позиций принципа материального единства мира заключается в творческом преобразовании тех знаний, которые в своем содержании проблематизируют этот принцип. Так, в случае констатации роста причинно не связанных областей ускоренно расширяющейся Вселенной возможно выдвижение гипотезы о причинно-следственных связях на субфизическом уровне материи.

Отмечая позитивное значение принципа материального единства мира для научного познания, для концептуального оформления научной материалистической философии, следует сказать и о его гносеологической ограниченности. Но это уже новый тематический план рассмотрения данного принципа, связанный с плюрализмом философских концепций и плюрализмом мировоззрений в современном мире.

В самом общем плане гносеологическая ограниченность принципа материального единства мира вытекает из его связи с преобразующей и научной познавательной деятельностью. Эта связь обуславливает предметность знания, являющегося продуктом субъект-объектного взаимодействия, что ведет познание только к онтическому содержанию мира. При этом внепредметный, универсальный смысл, если использовать идею онтологической дифференциации, игнорируется.

Гносеологическая ограниченность принципа материального единства мира заключается в том, что ориентация познания на этот принцип приводит к исключению рецептивно-пассивного аспекта отношения человека к миру и игнорированию соответствующих форм интеграции знаний.

Кроме того, рассматриваемый принцип ориентирует основанное на нем познание на то,

что объективно есть и что вновь появляется, но оставляет вне сферы познания исчезновение, разрушение, смерть. Речь не идет о том, что возможна нигитология. Вообще игнорируется категория ничто. «Категория ничто отсутствует в системе категорий диалектического материализма как несовместимая с его учением о неуничтожимости материи» [13, с. 424].

Эти критические стрелы, как и другие подобные оценки, направлены в адрес принципа материального единства мира с иных философских позиций, которые чужды и несоизмеримы с научной материалистической философией. Область философского плюрализма трудно-обозрима. Но можно отметить, что несоизмеримость универсальных объяснений мира в философии содержит потенциал бесконечного плюрализма. И это потенциал внутреннего отрицания философией себя как особой формы познания мира.

Как уже было сказано, принцип материального единства мира лежит в основе материалистического мировоззрения. И в связи с этим мир плюрализма мировоззрений включает и материалистическое мировоззрение. В СССР формирование материалистического мировоззрения было краеугольным камнем идеологической и воспитательной работы. В постсоветской России большая часть граждан называют себя верующими и только 2 % относят себя к убежденным атеистам [14, с. 182]. А если учесть, что атеизм может быть основан не только на материалистическом мировоззрении, то можно констатировать элитарный характер материалистического мировоззрения, основанного на принципе материального единства мира.

В качестве критериев сравнения различных мировоззрений можно выделить, во-первых, значение для усвоения современных научных знаний, во-вторых, значение для объединения людей. А для определенности сравнения из многообразия мировоззрений, учитывая обозначенную выше оппозицию «верующие–атеисты», сравнить два монистических типа мировоззрения: основанное на принципе теизма и основанное на принципе материального единства мира.

В аспекте значения этих мировоззрений для усвоения научных знаний, очевидно, что теистическое мировоззрение, отягощенное религиозной картиной мира, явно не способствует усвоению научных знаний, а материалистическое, наоборот, открывает возможность их системно интегрировать. Кроме того, принцип теизма в аспекте рациональной обоснованности крайне слаб. Он уязвим для рациональной научной критики.

Что касается критерия возможности объединения людей на платформе единого мировоззрения, то принцип теизма глубоко противоречив. Противоречие в том, что та или иная культурная форма теизма объединяет локальные общности людей вплоть до наций и межнациональных объединений, но в глобальном масштабе он разъединяет общности людей. Это касается и неантропоморфной версии исламского монотеизма и тем более – антропоморфных версий христианского монотеизма. Антропоморфизм принципа теизма ведет к увеличению числа субъективно-произвольных интерпретаций содержания мировоззрения, поэтому и история, и современность характеризуются процессом разделения общностей людей на основе религиозных воззрений.

Несовместимый с принципом теизма принцип материального единства мира лишает первый всякого онтологического смысла. Учитывая рост значения научных знаний, технологий, особенно информационных технологий, можно предположить абстрактно-теоретически значительное преимущество материалистического мировоззрения в сравнении с теистическим не только в плане усвоения научных знаний, но и в плане объединения людей. Особо нужно отметить, что научное знание более защищено от субъективно-произвольных интерпретаций в сравнении с религиозным знанием. Кроме того, потенциально материалистическое мировоззрение обладает возможностями большей ассимиляции различных ценностных позиций, что, конечно, можно подробно обосновать, но в рамках отдельной статьи.

Но почему эти преимущества материалистического мировоззрения предоставляют лишь абстрактно-теоретические возможности, но не обеспечивают действительного доминирования среди плюрализма мировоззрений? В самом общем плане можно констатировать социальную и культурно-историческую обусловленность плюрализма мировоззрений, где материалистическое мировоззрение, ориентирующееся на научное познание как свое основание, возникло

совсем недавно по меркам истории. Так сложилось, что материализм как философия и материализм как мировоззрение были вовлечены в политические и идеологические процессы.

Итак, в современном мире плюрализма научного знания и мировоззрений принцип материального единства мира сохраняет свое позитивное значение, есть перспективы роста его регулятивного значения и гносеологического потенциала.

Список литературы

1. Кучевский В.Б. Анализ категории «материя». М.: Наука, 1983. 255 с.
2. Орлов В.В. Материя, развитие, человек. Пермь: ПГУ, 1974. 397 с.
3. Мелюхин С.Т. Материя в ее единстве, бесконечности и развитии. М.: Мысль, 1966. 384 с.
4. Кедров Б.М. Предмет и взаимосвязь естественных наук. 2-е изд. М.: Наука, 1967. 436 с.
5. Лойфман И.Я. Принцип физики и философские категории: материалы спецкурса. Свердловск: Урал. рабочий, 1973. 136 с.
6. Изотов М.З. Единство научной картины мира: интеграция естественно-научной и социальной картин мира // Проблема соотношения естеств. и соц. в общ-ве и человеке. 2021. № 12. С. 38–52.
7. Руткевич М.Н. Диалектический материализм: курс лекций для филос. фак. М.: Мысль, 1973. 527 с.
8. Мостепаненко А.М. Пространство и время в макро-, мега- и микромире. М.: Политиздат, 1974. 240 с.
9. Пивоваров Д.В. Онтология: материя и ее атрибуты. М.: Юрайт, 2020. 191 с.
10. Энгельс Ф. Анти-Дюринг: переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. М.: Политиздат, 1988. 482 с.
11. Астрономия: век XXI / ред.-сост. В.Г. Сурдин. 3-е изд. Фрязино: «Век 2», 2015. 608 с.
12. Доброхотов А.Л. Ничто // Филос. энцикл. слов. 2-е изд. М.: Совет. энцикл., 1989. С. 424.
13. Писманик М.Г. Религия в культуре и в гражданском единении: моногр. Пермь: Перм. гос. ин-т культуры. 2019. 444 с.
14. Выблый Ю., Сивцов И. Космология и астрофизика сегодня: темная энергия и темная материя // Наука и инновации. 2018. № 8(186). С. 29–34.

References

1. Kuchevskiy V.B. *Analiz kategorii "materia"* [Analysis of the Category of Matter]. Moscow, 1983, 255 p.
2. Orlov V.V. *Materia, razvitie, chelovek* [Matter, Development, Human]. Perm, 1974. 397 p.
3. Melyukhin S.T. *Materia v ee edinstve, beskonechnosti i razvitii* [Matter in Its Unity, Infinity and Development]. Moscow, 1966. 384 p.
4. Kedrov B.M. *Predmet i vzaimosvyaz' estestvennykh nauk* [The Subject and Relationship of Natural Sciences]. Moscow, 1967. 436 p.
5. Loyfman I.Ya. *Printsip fiziki i filosofskie kategorii* [The Principle of Physics and Philosophical Categories]. Sverdlovsk, 1973. 136 p.
6. Izotov M.Z. *Edinstvo nauchnoy kartiny mira: integratsiya estestvenno-nauchnoy i sotsial'noy kartin mira* [The Unity of the Scientific Picture of the World: The Integration of Natural-Scientific and Social Pictures of the World]. *Problema sootnosheniya estestvennogo i sotsial'nogo v obshchestve i cheloveke*, 2021, no. 12, pp. 38–52.
7. Rutkevich M.N. *Dialekticheskiy materializm* [Dialectical Materialism]. Moscow, 1973. 527 p.
8. Mostepanenko A.M. *Prostranstvo i vremya v makro-, mega- i mikromire* [Space and Time in the Macro-, Mega- and Microworld]. Moscow, 1974. 240 p.

9. Pivovarov D.V. *Ontologiya: materiya i ee atributy* [Ontology: Matter and Its Attributes]. Moscow, 2020. 191 p.
10. Engels F. *Anti-Dyuring: perevorot v nauke, proizvedennyi gospodinom Evgeniem Dyuringom* [Anti-Dühring: Herr Eugen Dühring's Revolution in Science]. Moscow, 1988. 482 p.
11. Surdin V.G. *Astronomiya: vek XXI* [Astronomy: 21st Century]. Fryazino, 2015. 608 p.
12. Dobrokhotov A.L. Nichto [Nothing]. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopaedic Dictionary of Philosophy]. Moscow, 1989, p. 424.
13. Pismanik M.G. *Religiya v kul'ture i v grazhdanskom edinenii* [Religion in Culture and in Civil Unity]. Perm, 2019. 444 p.
14. Vyblyy Yu., Sivtsov I. Kosmologiya i astrofizika segodnya: temnaya energiya i temnaya materiya [Cosmology and Astrophysics Today: Dark Energy and Dark Matter]. *Nauka i innovatsii*, 2018, no. 8, pp. 29–34.

DOI: 10.37482/2687-1505-V210

Sergey V. Porosenkov

Perm State National Research University;
ul. Bukireva 15, Perm, 614068, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2331-8276> e-mail: svp53@mail.ru

THE PRINCIPLE OF MATERIAL UNITY OF THE WORLD IN THE WORLD OF PLURALISM

This paper dwells on the principle of material unity of the world in the aspects of substantial, substrate, attributive, and functional unity of the world and in the aspect of unity of the world's natural process. A substantial connection of this principle with the development of science, primarily, natural sciences, is determined. A historical nature of philosophical interpretations of the principle of material unity of the world is identified and a comparison is drawn between the monistic expression of this principle based on classical scientific rationality and its interpretations based on non-classical scientific rationality. A conclusion is made about the impact of methodological pluralism of modern scientific cognition on various substantive aspects of the principle of material unity of the world. Points of contradiction are identified between the modern scientific methodologies and the philosophical content of the principle under study. In terms of the ideological significance of the principle of material unity of the world, the author points out complete exclusion of the ontological meaning of any religious views and ideas by the regulatory action of this principle. In the modern picture of worldview pluralism (dominated by religious and religious-like beliefs, value orientations and views) a worldview based on the principle of material unity of the world is elitist and is very poorly represented. In scientists' worldview, orientation towards this principle explicitly (reflexively) or implicitly performs the function of an epistemological basis for extrapolating knowledge obtained in local areas of research to the entire subject area of the relevant sciences. Therefore, at least within the scientific community, the principle of material unity of the world retains its monistic significance, both in methodological and ideological terms.

Keywords: matter, material unity of the world, classical rationality, non-classical rationality, methodological pluralism, worldview pluralism.

Поступила 24.05.2022
Принята 10.10.2022
Опубликована 09.12.2022

Received 24 May 2022
Accepted 10 October 2022
Published 9 December 2022

For citation: Porosenkov S.V. The Principle of Material Unity of the World in the World of Pluralism. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 6, pp. 66–73. DOI: 10.37482/2687-1505-V210

УДК 130.3+122/129

DOI: 10.37482/2687-1505-V229

*МАРТИН Эллен, PhD, научный сотрудник
Лондонского университета (Лондон, Великобритания). Автор 14 научных публикаций**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9489-9931>

ИДЕЯ СВЕРХЧЕЛОВЕКА В ФИЛОСОФИИ Ф. НИЦШЕ: НОВЫЕ ЦЕННОСТИ ЗА ГРАНЬЮ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ

На фоне современного философского дискурса о постгуманизме и тенденции отказа от идеи субъекта в западноевропейской философии тема сверхчеловека в трудах Ф. Ницше представляется неотъемлемой частью дискуссий об антропологической предельности и трансформации человеческой природы. В статье рассмотрены основные взгляды немецкого мыслителя на необходимость переоценки моральных ценностей при девальвации христианской религии в Европе. Автор анализирует вопрос о воле к власти. Для Ницше воля к власти – это внутренняя энергия, необходимое условие становления новых ценностей. Это сущность жизни. Через идею сверхчеловека он акцентирует внимание на проблеме культурного декаданса в Европе конца XIX века. Описаны воззрения В. Кауфманна, который назвал Ницше «философом-хирургом», указавшим на проблему моральной деградации европейского общества. Анализируется проблема нигилизма. В философии Ницше данная мировоззренческая позиция связана с отрицанием тех ценностей, которые он считал мертвыми, а также попыткой создания новых ценностных ориентиров. На основе анализа образа Заратустры делается вывод, что экспликация образа сверхчеловека отражает ницшеанский аксиологический идеал, который зиждется на новом понимании человека, основанном на ценностных ориентациях, базирующихся на эгоцентризме, нигилизме и утверждении идеи воли к власти как единственного условия внутреннего становления. Показано, что причина саморазрушения сверхчеловека коренится в его глубоком убеждении, согласно которому мир может существовать без Бога. Подчеркивается опасность идеализации образа сверхчеловека. Движение к нему – это победа над человеческими добродетелями, когда через преодоление границ добра и зла субъект становится способным творить собственные ценностные ориентиры, лишённые онтологической устремлённости.

Ключевые слова: *Ф. Ницше, нигилизм, сверхчеловек, воля к власти, ценности, христианские ценности, самость, субъективность, мораль.*

*Адрес: Senate House, Malet St, London, WC1E 7HU, United Kingdom; e-mail: Ellenmrtn@googlemail.com

Для цитирования: Мартин Э. Идея сверхчеловека в философии Ф. Ницше: новые ценности за гранью человечности // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 6. С. 74–82. DOI: 10.37482/2687-1505-V229

В истории европейской культуры идея человека интерпретировалась по-разному, главным образом в зависимости от места религии в жизни социума, восприятия морали и науки. Общество пошло по пути знания, а не веры. В секуляризованной Европе рационализм и материалистическое мировоззрение затмевают сферу духовности. Человек приобретает научные знания, но теряет способность к самопознанию. Господство рационализма открыло путь к утверждению сциентистского понимания человека. Христианская религия как источник духовных ценностей перестала быть правдоподобной. В такой атмосфере духовного упадка Ницше выступает с идеей переоценки ценностей. Образ сверхчеловека, описанный им в мифическом произведении «Так говорил Заратустра», во многом является отражением его собственной душевной неуравновешенности и психологических переживаний. В идее сверхчеловека немецкий мыслитель выразил свою внутреннюю идейную борьбу с окружающим миром, который казался ему застойным, рутинным, где он видел лишь слабых и безвольных людей.

В российской и европейской литературе существует мнение о влиянии творчества Ф.М. Достоевского на философию Ницше. Несомненно, что религиозно-метафизическая проблема занимает центральное место в творчестве обоих. «Тварь ли я дрожащая или право имею?» [1, с. 427]. Эти слова главного героя романа «Преступление и наказание» Родиона Раскольникова отражают метафизический бунт, когда отчаявшийся человек претендует на право творить свою правду, на свободу, основанную на собственной системе ценностей, не имеющих ничего общего с христианством. Достоевский в своих аксиологических построениях, опирающихся на православие, не допускал и мысли о том, человек может стать источником ценностей. Ницше, напротив, считает высшей добродетелью волю к власти, предлагая аксиологический антипод христианству. Если в основе бытия не Бог, а ничто, то неизбежно возникает проблема экзистенциального абсурда, стираются грани добра и зла.

Ницше ввел в обиход идею преодоления человека. Но побороть себя последний может двумя путями: либо при естественном отборе, либо посредством воспитания. Отбор происходит в биоценозе. Воспитание – в галлюцинозе (Ф.И. Гиренок), т. е. через учреждение мира ценностей. Галлюциноз – это внутренняя жизнь, когда «заканчивается действие природы и начинается работа сознания. Мысль есть чувство, рождаемое в нас под влиянием галлюциноза сознания. Никакой мысли самой по себе не существует» [2, с. 87]. Ницше переоценил роль отбора в биоценозе. Немецкий философ хотел скрестить «Сократа» и «Александра Македонского», творчество и волю в одном человеке.

В европейской философии существует мнение, что образ сверхчеловека представляет собой новую антропологическую модель. Например, немецкий философ С. Согнер находит «значительное сходство между постчеловеком и сверхчеловеком» [3, с. 29]. На наш взгляд, такая точка зрения необоснованна. Если человек – это органика, то постчеловек – это то, что должно быть реализовано не в органике, а в технике. Но техническое нельзя считать «солью земли», как определял сверхчеловека Ницше.

В его понимании сверхчеловек – это не новая антропологическая модель, а скорее аксиологический тип. Заратустра поставил под сомнение основания тех ценностей, на которые он ориентировался в своей жизни. Что такое ценность? Это то, причина существования чего находится не в них самих, а в человеке. Чтобы получить ценность, он наделяет существованием кажимости: то, чего нет, но что для него существует как ценность.

Без видимых внешних причин что-то внутреннее подвигло Заратустру оставить мир. Он был обыкновенным человеком, верил в Бога, но в нем произошло нечто такое, что его самость потребовала обращения к самому себе. Он удалился от людей и жил в течение 10 лет в уединении. Заратустра как бы оказался в ситуации метафизической дезориентации, когда в нем возникла потребность самопознания. Познать себя можно только в одиночестве.

Насытившись собственной субъективностью, он в какой-то момент понял, что открыл истину, а именно, что человеку необходимо преодолеть себя. «Я учу вас о сверхчеловеке. Человек есть нечто, что должно превзойти. Что сделали бы вы, чтобы превзойти его?» [4, с. 5]. Вопрос Заратустры – это приглашение подумать о том, как люди живут и что можно сделать, чтобы изменить эту жизнь.

Заратустра – это не стремление к совершенству: физиологическому или духовному. Ницше выступал против подавления личности, легализуя путь к персоналистской метафизике. Он отвергал любую форму фиксированной истины и морали. Сверхчеловек – это высший принцип развития человека. Он презирает слабость и сострадание, предпочитая этому силу и власть. Воля к власти – это сущность жизни. У Ницше она имеет многогранное значение: это выход из хаоса, внутренняя энергия, двигающая эволюцию, но это еще и внутреннее творчество. Именно это привлекло Н.А. Бердяева в философии Ницше, хотя концепция сверхчеловека была абсолютно неприемлема для религиозного мировоззрения русского философа. Антирелигиозность сверхчеловека он объяснял поисками божественного в эпоху безбожия. «Устремленность Ницше к божественной высоте выразилась в воле к преодолению человека. И он проповедует сверхчеловека, который есть для него псевдоним божественного. <...> Но он приходит к отрицанию человека. Ницше изменяет человеку. <...> В сверхчеловеке исчезает и божественное, и человеческое» [5, с. 370–371]. Ницше возмущало лицемерие, когда христианство стало носить лишь номинальный характер, а христианская мораль утратила свою ценность в восприятии людей.

Опыт одиночества. Самость как источник создания ценностей

Заратустра удалился, чтобы побыть в одиночестве. Острая потребность в одиночестве возникает либо под натиском реалий, когда происходит кардинальная переоценка ценностей, неизменно связанная с духовным перерождением, либо в момент жестокого разочарования

действительностью. В обществе субъективность подавлена искусственными правилами социума или инстинктом толпы. В толпе или в обществе себя познать невозможно. Социум заставляет человека соответствовать правилам других, а соответствовать другим – значит подчиняться. Подчинение требует смирения. В одиночестве нет необходимости подчиняться и нет внешних причин для смирения. Одиночество – это свобода субъективности. Однако свобода обманчива. Априори абсолютной свободы не бывает. Одиночество симулирует свободу для самоаффлектирующей субъективности. В отсутствии Бога она становится неконтролируемой. Это ведет к саморазрушению. Святые, удалившиеся от мира, не были одиноки, потому что они удалились, чтобы быть с Богом. Одиночество без Бога привело Заратустру не к познанию себя, своих страстей, а к раскрепощению самости, когда он галлюцинирует. Что это значит? «Галлюцинация – это способ, которым субъективность дает о себе знать. Субъективность нельзя удержать в ловушке субъект-объектной дуальности. Она бессубъектна и безобъектна» [6, с. 53].

Раскрепощенная самость – это самоаффлектирующая самость взрослых, когда они свободны от давления социума. Антагонизм общества, о котором говорил Кант, подавляет ее, держит под контролем. Это одно из условий становления социальной личности. До момента своего ухода от людей Заратустра связывал все ценности с существованием Бога, по-видимому, не сомневаясь в их истинности. В длительной депривации эти ценности стали для него бессмысленными. Длительное одиночество Заратустры изменяет его восприятие внешнего мира. Он создает свои ценности.

Некого любить, некому помогать, не надо молиться. Есть лишь только он, Заратустра. Ценное в нем – это стремление к воле. Необходимо преодолеть все то человеческое, что (по Ницше) препятствует развитию жизненных сил и энергии, приводит к стагнации. Прежние ценности (христианские) только сдерживают волю, не дают развиться важным качествам, а люди этого не понимают. Они продолжают держаться за то,

что уже не работает. Заратустру слушают, но не понимают, потому что говорит его самость, которая не имеет ничего общего с внешним миром. Он изъясил себя из мира. Животные живут внешним миром. Человек – внутренним. Внутренний мир Заратустры стал настолько далек от человеческого, что он пришел к выводу: человечество находится в процессе становления. Речи Заратустры наполнены желанием зажечь в людях чувство собственного достоинства. Он говорит с чувством, его слушают, но не слышат. Его не понимают, потому что все, что он говорит сводится к отрицанию тех устоев, на которых зиждется сущее. Заратустра изъясил себя из этого сущего.

По мнению К. Юнга, Ницше стал патологическим случаем интровертной интуиции, что привело его к полному распаду личности [7]. «Ницше со всею сознательностью и ответственностью сокрушал старые скрижали, но все же он чувствовал нужду в возрожденном Заратустре, как бы второй собственной личности, alter ego, с которым он часто отождествляет себя... Ницше не был атеистом, но его Бог умер. Результатом был внутренний раскол, и Ницше должен был назвать это другое “Я”. [8, с. 103].

Заратустра пришел учить людей освободиться от всего «ненужного» и вернуться к природе. Но человек не принадлежит природе. Вернуть его к природе невозможно, потому что он субъективен. Субъективность и природа несовместимы.

В. Кауфманн и М. Хайдеггер

о сверхчеловеке. Критический анализ

В. Кауфманн известен не только как философ-экзистенциалист, но и как исследователь и переводчик Ф. Ницше (с немецкого языка на английский). Таким образом, идея сверхчеловека в философии Ницше в реконструкции Кауфманна заслуживает внимания. Он объясняет, что Ницше использовал термин *übermensch* как попытку противостоять устоявшимся моральным и социальным правилам: «Для Ницше *übermensch* представляется символом отказа от какого бы ты ни было соответствия единой форме: противоположность посредственности и застоя» [9, с. 309].

Кауфманн называет Ницше «философом-хирургом», который увидел подорванность традиционной морали. «Традиционная мораль кажется ему неизбежно умирающей <...> Здоровье нашей цивилизации казалось ему серьезно подорванным» [9, с. 109].

Кауфманн подчеркивает, что центральной в философии Ницше является тема ценности, включая «ценности искусства, жизненные ценности, исторические ценности, самосовершенство» [10, с. 51]. Согласно Кауфманну, переоценка ценностей по Ницше – это формула для самоанализа человечества. Его суть заключается в противостоянии «лживости тысячелетий». «Сколько лживости скрывается под современным видом морали» [9, с. 111]. Противостоять этой «лживости» – значит осознать нигилизм, который скрывается за казалась бы оптимистическими ценностями. Это особенно относится к различию между реальным миром и видимым. Кауфманн считал, что волю к власти не следует рассматривать как онтологическое понятие. У Ницше воля к власти имеет, прежде всего, психологическое значение. В этом отношении мнение Кауфманна следует признать правомерным, ведь в «Так говорил Заратустра» Ницше представил образ живого человека с его страстями и желаниями, а не просто теоретические рассуждения. По мнению Кауфманна, Ницше предложил новую картину человека, которая была необходима, чтобы противопоставить ее «правильному, но смертоносному учению Дарвина о сущностной непрерывности человека и животного» [10, с. 51]. Кауфманн признает, что Ницше, будучи настроенным базировать свои взгляды на эмпирическом фундаменте, «не прибегая к догмам и интуиции», однако не смог этого сделать [10, с. 51]. Из философии Ницше не явствует, что он задумал создать новый образ человека, построенный на эмпирических данных. Ценности не строятся на научных данных.

М. Хайдеггер предлагает онтологическую трактовку идеи сверхчеловека. Его интерпретация тесно связана с концепцией бытия. В основе его понимания два аспекта: воля к власти и вечное возвращение. С одной стороны, это

существо, стремящееся к власти, с другой стороны, это проявление вечного возвращения. Это двойственная интерпретация сверхчеловека сформулирована Хайдеггером следующим образом: «...Сущность человечества, которое среди других существ ведет себя к такому существу, которое, как таковое является волей к власти и в целом является вечным возвращением самого себя, называется сверхчеловеком» [11, с. 216]. Образ сверхчеловека – это отражение критики морали, социальных отношений, религии и тех ценностных ориентиров, которые философ считал низкими, сковывающими человека. Он должен отдаться земной жизни и реализовать себя здесь и сейчас.

Ницше о мертвой вере в Европе

Хайдеггер рассматривает смысл высказывания Ницше о «смерти Бога» онтологически. «Термины “Бог” и “Христианский Бог” используются Ницше для обозначения сверхчувственного мира вообще. Бог – это название царства идей и идеалов» [12, с. 61]. Философ убежден, что Ницше провозглашает конец сверхчувственного мира. Хайдеггер пишет: «Бог означает сверхчувственное царство вообще, которое как “истинный” и вечный потусторонний мир провозглашает себя в противопоставление всему земному» [12, с. 203]. Однако у Ницше Бог – это мир чувственно-сверхчувственный. Как отмечает Ф.И. Гиренок, «...дело не в противопоставлении мира чувственного и сверхчувственного, метафизического и физического, дело в том, что Бог есть нечто чувственно-сверхчувственное, и Ницше говорит об этом прямо» [13]. Ницше говорит о вере. Европа продолжает внешне быть христианской, но потеряла веру. Бог не может умереть. Умерла вера. Однако, несмотря на это, люди продолжают держаться за те христианские ценности, которые потеряли для них значение. Воля к власти как императивная составляющая сверхчеловека – это дерзкая претензия на обладание основами духовного, сверхчувственного мира, что абсолютно невозможно. Ницше считает, что главной отправной точкой ценностного переустройства человека является он сам, а не Бог.

Соотношение хаоса и самости.

Познание себя

По Ницше человек – это хаос. Из того, что философ пишет в книге «Шопенгауэр как воспитатель», явствует, что он понимал, что в человеке заложено что-то, чего он сам не осознает, но это в нем есть. Это невозможно познать пока человек не окажется один на один со своей самостью, чтобы проникнуть в себя. Ницше пишет: «...Как мы можем найти себя и как человек может познать себя? Он вещь темная и завуалированная; если заяц имеет семь шкур, то человек может иметь семьдесят семь и все равно не может сказать: “Это действительно ты и ничего больше не сползет”» [14, с. 2]. Ницше также понимал, что изъятие себя из сущего с целью заглянуть в себя – опасное занятие: «К тому же это опасная и болезненная миссия – проникнуть в себя и совершить вынужденный спуск в шахту своего существа ближайшим путем. Это может легко вызвать повреждение, которое не сможет вылечить ни одни врач» [14, с. 2]. Воля приносит порядок и смысл в этот хаос. Порядок – это одно из условий достижения цели. Ницше выступает против низведения моральных ценностей до внешнего, механического делания.

Нигилизм Ницше

В корне нигилизма Ницше – не только отрицание, но и попытка создания основ ценностных ориентиров. «Создавать новые ценности – этого не может еще лев, но создать себе свободу для нового созидания – это может сила льва» [4, с. 17]. Для того чтобы создать новые ценности, необходимо разрушить существующие. Самое важное качество – воля к власти – противоречит христианской морали. Такие христианские добродетели, как сострадание и помощь нуждающемуся, не способствуют развитию сильной личности, в основе которой лежит стремление к власти. Сострадание делает человека слабым и безвольным. Идея сверхчеловека возникла не только в результате внутренних духовных поисков. Образ сверхчеловека – это, прежде всего, отражение крайне негативного отношения Ницше к культурному декадансу XIX века, который он понимал как

умственное вырождение людей. Следствием такого негативного мировоззрения является то, что в основе концепции сверхчеловека лежит нигилизм. Сверхчеловек Ницше – это субъект радикального отрицания слабого человечества, нигилистический в своей основе. Д. Беляев считает, что сверхчеловека «можно определить по преимуществу лишь нигилистически, как субъекта радикальной переоценки всех ценностей» [15, с. 69]. Нигилизм – этот императив, которым руководствуется Заратустра, отрицающий ценности, потому что они ориентированы на человеческие добродетели, а это проявление слабости. Христианское мировоззрение неприемлемо для Ницше, потому что оно делает человека слабым и не дает ему возможность преодолеть человечность, которая для немецкого мыслителя представляется ничтожной. Осознание собственной греховности и добродетель смирения не совместимы со стремлением к власти.

Деструктивизм Ницше

Деконструкция христианских моральных ценностей является диспозиционной точкой, с которой должны создаваться новые ценностные ориентации.

В культурно-философском дискурсе Ницше вменяется ответственность за попытку тотальной девальвации христианской морали и продвижение релятивистских интерпретаций таких понятий, как добро и зло. Подобное восприятие оправдано. Однако было бы упрощением предположить, что сверхчеловек – это отказ от морали вообще: «Ницше имел смелость объявить своим современникам во всеуслышание, что не естественнаучный, политический и экономический аспекты жизни, а моральные идеи, не ученые или реформаторы, а “аргонавты идеала” – учителя и изобретатели нравственных ценностей – имеют самое большое влияние на жизнь всего человечества, что культура и история направляются и будут направляться этическими учениями» [16]. Немецкий философ отчетливо дал понять, что главными векторами в жизни людей являются не наука и эмпирическое познание, а сфера идеального как источ-

ник морали. Фраза Заратустры о смерти Бога означает девальвацию христианской морали в Европе. Сфера трансцендентного приобретает имманентный характер, теряя свою сакральность в социальном мировосприятии. Если нет Бога, то больше нет высшей инстанции, не перед кем отчитываться. Человек сам становится творцом. Аксиологические ценности складываются на основе такого качества, как воля к власти. Разочарованный Ницше видит два состояния, в которых может пребывать человек, – это «недочеловек» и «сверхчеловек». Согласно ему переоценка ценностей происходит с точки зрения земного мира без обращения к миру духовному. По Ницше иное бытие обесмысливает мир реальный. Вся жизнь сосредоточена здесь, на Земле, поэтому духовные ценности не только бессмысленны, но и вредны: «Я заклинаю вас, братья мои, оставайтесь верны земле и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах! Они отравители, все равно, знают ли они это или нет» [4, с. 6]. Сущность человека заключается в его воле. Человек находится еще в процессе эволюции: «Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью» [4, с. 7]. Человеческое существование в мире традиционных ценностей, где есть грань между добром и злом – это ничто, потому что она парализует волю. Воля к власти – это высшее качество. Мир без Бога – это мир, где иные пространственные и временные критерии.

Символ последнего человека.

Критика Ницше культурного кризиса западного социума

В технологическом прогрессе конца XIX века Ницше видел социокультурный кризис. Наука и техника стремительно заменяли христианские ценности, ничего не предлагая взамен. Такая ситуация, по Ницше, имела два важных аспекта. С одной стороны, культурный упадок, вызванный техническим прогрессом, ускоряет избавление от иллюзий о том, что существующие ценности работают. Это открывает путь для создания новых ценностей. С другой стороны, культурный упадок ускоряет прогресс уравнивания

культурных традиций и гомогенизации опыта [17, с. 194]. Это уравнение и гомогенизация опыта в конечном итоге приведут к тому, что Ницше назвал «последним человеком». Символ последнего человека – это слепое желание избрести счастье идеального мира, независимо от последствий его достижения. У Заратустры последний человек – это тот, у кого нет творческой любви, творческого желания достичь чего-либо большего, чем он сам. Вопрос «что такое звезда?» символизирует того, кто достигает полного удовлетворения простыми удовольствиями и комфортом.

В образе последнего человека явно прослеживается критика Ницше западной цивилизации с ее глубокой антиномичностью ценностных установок, когда общество оказалось в ситуации ценностной дезориентации. Согласно исследованиям психологов, ребенок, отлученный от общения с людьми, не развивается как личность. Подобным образом человек, отлученный от Бога и не имеющий опыта Богообщения, не может достигнуть минимального уровня духовного развития. Ницше не был религиозным философом, но он предчувствовал, что духовность и опыт общения с Богом заменяются культурным перенасыщением, когда никакие моральные ценности, идущие от христианства, не будут не только восприниматься, но и будут отражаться противоположными ценностями.

Выводы

С идеей сверхчеловека Ницше вводит в философский дискурс тематику, направленную на поиск новых аксиологических ориентаций формирования личности. Образ сверхчеловека отражает кризис духовной традиции европейской культуры. Это попытка выхода субъекта в пространство иного бытия, находящееся вне пределов духовного сопричастия с Богом.

Почему Ницше отрицает христианские ценности? Потому что в большинстве своем люди в душе своей не живут по христианским законам, ибо вера свелась к внешнему выражению, но люди продолжают держаться за эти ценности. Сверхчеловек – это попытка решения проблемы культурного упадка.

Ницше позиционирует сверхчеловека как воплощение «воли к власти». Через динамику воли к власти, согласно Ницше, происходит движение к сверхчеловеку, преодоление себя, когда стираются внутренние преграды и человек становится способным перейти границы добра и зла, нормы и патологии, когда человек творит собственные ценностные ориентации, несовместимые с добродетелями, основанными на христианстве и традиционных морально-этических принципах. Ценностные ориентации сверхчеловека полностью лишены онтологической устремленности.

Фатальная ошибка Заратустры заключается в его претензии быть источником основания морали и духовно-нравственных ценностей. Но они не являются продуктом социального или индивидуального творчества человека. Источник духовно-нравственных ценностей имеет трансцендентную природу. Как справедливо отметил Ф.И. Гиренок: «Закат Заратустры состоит... в том, что он поверил в возможность существования человека без Бога» [18, с. 231].

В философии Ницше сверхчеловек – это не постчеловек, прежде всего, в силу того, что сверхчеловек изначально отрицает существование человека, а трансформация предполагается за счет внутренней энергии, а не технологических манипуляций. Человеку дана свобода выбора в пределах его судьбы. В основе сверхчеловека – вера в богоподобную силу человека. В основе постчеловека – вера в технологическое бессмертие. Возросший интерес к ницшеанству и особенно к идее сверхчеловека в конце XX и в XXI веке, на наш взгляд, связан, прежде всего, с дегуманизацией субъекта, отказом от идеи человека в пользу нечеловеческого. В эпоху гуманизма начала XX века идея сверхчеловека казалась особенно привлекательной идеологам фашизма. На фоне возрастающего влияния постгуманизма как философской концепции и современного мировоззрения идеализация образа сверхчеловека чревата серьезными рисками возрастания и усиления идеологии нечеловеческой силы.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 7. Преступление и наказание: рукопис. ред. Л.: Наука, 1973. 416 с.
2. Гиренок Ф.И. О галлюцинозе сознания // Рос. гуманитар. журн. 2021. Т. 10, № 2. С. 85–90. DOI: [10.15643/libartus-2021.2.2](https://doi.org/10.15643/libartus-2021.2.2)
3. Sorgner S.L. Nietzsche, the Overhuman, and Transhumanism // J. Evol. Technol. 2009. Vol. 20, № 1. P. 29–42.
4. Nietzsche F.W. Thus Spoke Zarathustra. A Book for Everyone and Nobody. N.Y.: Cambridge University Press, 2006. 607 p.
5. Бердяев Н.А. Диалектика божественного и человеческого. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2005. 622 с.
6. Гиренок Ф.И. Подступы к философии человека // Науч. тр. Моск. гуманит. ун-та. 2018. № 2. С. 52–62. DOI: [10.17805/trudy.2018.2.5](https://doi.org/10.17805/trudy.2018.2.5)
7. Jung C.G. Jung's Seminar on Nietzsche's Zarathustra. Princeton: Princeton University Press, 1997. 352 p.
8. Jung C.G. Psychology and Religion. Based on the Terry Lectures Delivered at Yale University. New Haven: Yale University Press, 1966. 131 p.
9. Kaufmann W. Nietzsche: Philosopher, Psychologist, Antichrist. Princeton: Princeton University Press, 1974. 532 p.
10. Kaufmann W. The Portable Nietzsche. London: Penguin, 1988. 694 p.
11. Heidegger M. The Word of Nietzsche: "God Is Dead" // The Question Concerning Technology, and Other Essays. N.Y.: Garland Publishing, Inc., 1977. P. 53–112.
12. Heidegger M. Nietzsche. Vol. 3: The Will to Power as Knowledge and as Metaphysics. N.Y.: Harper&Row Publishers, 1979. 301 p.
13. Гиренок Ф. Ницше и нигилизм // Лит. Газ. 2014. 29 окт. (№ 42(6484)). URL: <https://lgz.ru/article/-42-6484-29-10-2014/nitsshe-i-nigilizm/> (дата обращения: 07.05.2022).
14. Nietzsche F.W. Schopenhauer as Educator. London: Dodo Press, 2008. 201 p.
15. Беляев Д. Философско-поэтическая экспликация Übermensch Ф. Ницше: к вопросу о реконструкции понимания // Филос. антропология. 2015. Т. 1, № 2. С. 69–84.
16. Синеокая Ю.В. Восприятие идей Ницше в России: основные этапы, тенденции, значение. URL: <https://nietzsche.ru/around/russia/ideas/> (дата обращения: 21.02.2022).
17. Rosen S. The Ancients and the Moderns – Rethinking Modernity. South Bend: St. Augustine's Press, 2002. 248 p.
18. Гиренок Ф.И. Восприятие философии Ницше: изменилось ли оно? // Философия хозяйства. 2015. Т. 1, № 97. С. 225–235.

References

1. Dostoevsky F.M. *Polnoe sobranie sochineniy. T. 7. Prestuplenie i nakazanie: rukopisnye redatsii* [Complete Works. Vol. 7. Crime and Punishment: Manuscript Editions]. Leningrad, 1973. 416 p.
2. Girenok F.I. On the Hallucinoses of Consciousness. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal*, 2021, vol. 10, no. 2, pp. 85–90 (in Russ.). DOI: [10.15643/libartus-2021.2.2](https://doi.org/10.15643/libartus-2021.2.2)
3. Sorgner S.L. Nietzsche, the Overhuman, and Transhumanism. *J. Evol. Technol.*, 2009, vol. 20, no. 1, pp. 29–42.
4. Nietzsche F.W. *Thus Spoke Zarathustra. A Book for Everyone and Nobody*. New York, 2006. 607 p.
5. Berdyayev N.A. *Dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo* [The Dialectics of the Divine and the Human]. Moscow, 2005. 622 p.
6. Girenok F.I. Podstupyy k filosofii cheloveka [Approaches to the Philosophy of Man]. *Nauchnye trudy Moskovskogo gumanitarnogo universiteta*, 2018, no. 2, pp. 52–62. DOI: [10.17805/trudy.2018.2.5](https://doi.org/10.17805/trudy.2018.2.5)
7. Jung C.G. *Jung's Seminar on Nietzsche's Zarathustra*. Princeton, 1997. 352 p.
8. Jung C.G. *Psychology and Religion. Based on the Terry Lectures Delivered at Yale University*. New Haven, 1966. 131 p.
9. Kaufmann W. *Nietzsche: Philosopher, Psychologist, Antichrist*. Princeton, 1974. 532 p.
10. Kaufmann W. *The Portable Nietzsche*. London 1988. 694 p.
11. Heidegger M. The Word of Nietzsche: "God Is Dead". Heidegger M. *The Question Concerning Technology, and Other Essays*. New York, 1977, pp. 53–112.

12. Heidegger M. *Nietzsche. Vol. 3: The Will to Power as Knowledge and as Metaphysics*. New York, 1979. 301 p.
13. Girenok F. Nitsshe i nigilizm [Nietzsche and Nihilism]. *Literaturnaya Gazeta*, 29 October 2014 (no. 42). Available at: <https://lgz.ru/article/-42-6484-29-10-2014/nitsshe-i-nigilizm/> (accessed: 7 May 2022).
14. Nietzsche F.W. *Schopenhauer as Educator*. London, 2008. 201 p.
15. Belyaev D. Filosofsko-poeticheskaya eksplikatsiya Ü bermensch F. Nitsshe: k voprosu o rekonstruktsii ponimaniya [Philosophic-Poetic Explication of Nietzsche's Ü bermensch: Approaching the Problem of Comprehension Reconstruction]. *Filosofskaya antropologiya*, 2015, vol. 1, no. 2, pp. 69–84.
16. Sineokaya Yu.V. *Vospriyatie idey Nitsshe v Rossii: osnovnye etapy, tendentsii, znachenie* [Perception of Nietzsche's Ideas in Russia: Key Stages, Trends and Significance]. Available at: <https://nietzsche.ru/around/russia/ideas/> (accessed: 21 February 2022).
17. Rosen S. *The Ancients and the Moderns – Rethinking Modernity*. South Bend, 2002. 248 p.
18. Girenok F.I. Vospriyatie filosofii Nitsshe: izmenilos' li ono? [Perception of Nietzsche's Philosophy: Has It Changed?]. *Filosofiya khozyaystva*, 2015, vol. 1, no. 97, pp. 225–235.

DOI: 10.37482/2687-1505-V229

Ellen Martin

University of London;

Senate House, Malet St, London, WC1E 7HU, United Kingdom;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9489-9931> e-mail: Ellenmrtn@googlemail.com

THE IDEA OF THE OVERMAN IN F. NIETZSCHE'S PHILOSOPHY: NEW VALUES BEYOND HUMANITY

In the light of the contemporary post-humanist discourse and tendency towards rejecting the idea of the subject in Western European philosophy, Nietzsche's concept of the *Ü bermensch* (overman) appears to be an integral part of discussions on the anthropological limit and the transformation of human nature. This article considers Nietzsche's main views on the need to reassess moral values during the devaluation of the Christian religion in Europe. The author analyses the concept of the will to power, which for Nietzsche is an internal energy, a necessary condition for the formation of new values. This is the essence of life. Through his idea of the overman, Nietzsche highlights the problem of cultural decadence in late 19th-century Europe. In addition, the paper describes the views of W. Kaufmann, who called Nietzsche a philosopher-surgeon because he stressed the problem of moral degradation of European society. In Nietzsche's philosophy, this ideological position is associated with the rejection of those values that he considered dead, as well as with an attempt to create new value orientations. The analysis of the image of Zarathustra allows us to conclude that the explication of the image of the overman reflects Nietzsche's axiological ideal, which is based on a new understanding of human, established on the value orientations based on egocentrism, nihilism and the idea of the will to power as the only condition for becoming. The author demonstrates that the underlying reason for the overman's self-destruction is his belief that the world can exist without God. Idealizing the image of the overman is dangerous, as becoming an overman means overcoming human virtues, when, by crossing the boundaries of good and evil, the subject becomes able to create his/her own value orientations, which are incompatible with human virtues.

Keywords: F. Nietzsche, nihilism, overman, will to power, values, christian values, self, subjectivity, morality.

Поступила 03.07.2022

Принята 20.10.2022

Опубликована 09.12.2022

Received 3 July 2022

Accepted 20 October 2022

Published 9 December 2022

For citation: Martin E. The Idea of the Overman in F. Nietzsche's Philosophy: New Values Beyond Humanity. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 6, pp. 74–82. DOI: 10.37482/2687-1505-V229

УДК 130.2+141.32+1(091)

DOI: 10.37482/2687-1505-V219

ЖЕЛЕЗНЯК Владимир Николаевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета. Автор 102 научных публикаций, в т. ч. пяти монографий, трех учебных изданий*

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1961-6406>

ПОЛИТОВ Андрей Викторович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и права Пермского национального исследовательского политехнического университета. Автор 40 научных публикаций, в т. ч. одной монографии, двух учебных изданий**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4175-9040>

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРЕ И ГЕРОЕ В ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ М.М. БАХТИНА РАННЕГО ПЕРИОДА

Статья представляет собой онтолого-экзистенциальную интерпретацию ранних работ М.М. Бахтина («Искусство и ответственность», «К философии поступка», «Автор и герой в эстетической деятельности»), содержащих глубокую в философско-антропологическом и новаторскую в историко-философском планах диалектику автора и героя. Исследование исходит из предположения, что М.М. Бахтин невельско-витебского периода стремился к экзистенциальному и этическому углублению эстетики словесного творчества, утверждая (в онтологической плоскости) бытие героя и, соответственно, бытийный статус автора и художественного произведения. С «автором» (субъективно-вовлеченной позицией) можно поспорить, с бытием (объективно-внеположенной позицией) – нельзя; бытийствующий (подлинный) автор присутствует в произведении в виде трансгredientных (внеаходимых, внеположенных) сознанию героя событийных свершений. Если жизнь героя раскрывается как последовательное поступление, то действительный автор сокрыт в судьбе героя (собственно есть его судьба) и должен нести ответственность за него. Чтобы охватить свою жизнь в целостном событии, индивиду необходимо «исчезнуть» как психологическому субъекту в практической процедуре онтологического обращения сознания и соотносить себя с моментами, трансгredientными его личности. Сумму таких моментов и можно назвать человеческой судьбой. Чтобы быть полноценным, действительным автором для героя, «субъект» должен стать автором для самого себя (независимо от того, собирается ли он стать художником или нет); в результате возникает объективная бытийная и экзистенциальная ситуация, в которой герой и автор претерпевают онтологическо-эстетическое обращение (нейтрализацию дурной субъективности).

Ключевые слова: М.М. Бахтин, антропология, человек, внеаходимость, бытийное обращение, философская эстетика, автор, герой.

*Адрес: 614990 г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29, e-mail: shlezo2@gmail.com

**Адрес: 614990 г. Пермь, Комсомольский проспект, д. 29, e-mail: erikhczeren@yandex.ru

Для цитирования: Железняк В.Н., Политов А.В. К вопросу об авторе и герое в философской антропологии М.М. Бахтина раннего периода // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 6. С. 83–93. DOI: 10.37482/2687-1505-V219

**Введение. К значению
ранних антропологических идей
М.М. Бахтина**

Труды М.М. Бахтина начала 20-х годов XX столетия («К философии поступка» [1], «Автор и герой в эстетической деятельности» [2])¹, которые ряд исследователей (М. Холквист, К. Кларк [4, с. 37–39]) склонны рассматривать в рамках фактически единого, но так и не завершенного текста или по крайней мере группы текстов, объединенных одной общей темой, которую можно обозначить как «Архитектоника ответственности», следует полагать уникальным явлением в философии XX века. Не только потому, что эти работы знаменуют появление выдающегося мыслителя и конгениальны, скажем, онтологическим штудиям М. Хайдеггера 1920–1930-х годов или пафосу первого «восьмикнижия» А.Ф. Лосева, но, прежде всего, в силу манифестированного в них принципа подлинности жизни и труда ученого – не абстрактного и в результате обезличенного «деятеля науки», но живого, действительного и конкретного человека, которым может быть только сам думающий, пишущий и говорящий об этом автор – сам М.М. Бахтин².

В свете этого философско-антропологическое значение диалектики автора и героя, являющейся одним из центральных мотивов ранних философских работ М.М. Бахтина, как представляется, нуждается в существенной экзистенциально-онтологической реинтерпретации,

тем более что еще известный историк отечественной философии Н.К. Бонеецкая определила мыслителя как одного из первых русских экзистенциалистов [6, с. 182–417; 7, с. 544–580]. Непосредственно обратившись к ранним текстам М.М. Бахтина, можно заметить уникальный, особенно присущий им эффект: все сказанное автором – человеком из «плоти и крови», по знаменитому выражению философа, – не носит характер отвлеченного абстрактного теоретизирования. Это не общая искусствоведческая пропедевтика или что-нибудь подобное, но практическая реализация прожитых и продуманных им теоретических подходов.

Если в романе автор-писатель может и не говорить о самом себе, хотя и не может полностью исключить себя из круга (или жизненного мира) своих героев, то автор теоретико-философского труда прямо себя в нем манифестирует; М.М. Бахтин в данном случае и герой, и автор; жизнь, видение и понимание жизни артикулированы в его творчестве. Эстетика художественного творчества выбрана М.М. Бахтиным в качестве почвы для его философской антропологии³, поскольку жизнь и искусство, бытие и творчество – автор и герой – оказываются «целокупно» связанными⁴; вне этой связи нет ответственности, нет «поступления», но зато обнаруживается «ложное алиби в бытии». В этом теоретическая и методологическая установка раннего М.М. Бахтина, из которой мы намерены исходить.

¹Согласно авторитетному бахтиноведу С.Г. Бочарову, сам М.М. Бахтин сформулировал значение данных работ следующим образом: «Это моя философская антропология» [3, с. 351].

²Особенность М.М. Бахтина как ученого – сочетание человеческой скромности и ответственности философа. Поэтому в цикле «Архитектоника ответственности» нет деклараций от первого лица, но есть практическое, в каждом положении и слове, выражение автора и его философии. Приведем одну из крайне немногочисленных автохарактеристик М.М. Бахтина (из бесед с В.Д. Дувакиным): «Я философ. Я мыслитель. ... в Петрограде <...> философское [отделение] одно не давало <...> профессии. <...> Я считаю, что правильно. Ведь кто такой, в конце концов, философ? ...» [5, с. 42].

³Изначальные мотивы и эволюция философской антропологии М.М. Бахтина, помимо указанных исследователей, были рассмотрены также В.Л. Махлиным [8, с. 15–63], Н.И. Николаевым [9, с. 32–34], Г.С. Морсоном, К. Эмерсон [10, с. 72–97], К. Хиршкопом [11, с. 57–60], А.А. Сычевым [12, с. 121–129], В.А. Коневым, В.Н. Ивановой [13, с. 35–49] и др.

⁴Что отмечено М.М. Бахтиным в первой его известной заметке – «Искусство и ответственность» [14].

Исходная теоретическая проблема

Ключом к пониманию наследия невеличского периода является анализ описания (фактически лабораторно-экспериментального порядка) процедур вневидимости – как они были реализованы М.М. Бахтиным «в себе и на себе». Вытекающее отсюда центральное положение настоящего исследования можно свести к следующему: существуют определенные антропологические (происходящие из природы человеческих способностей), экзистенциально-феноменологические и теоретико-познавательные предпосылки, делающие возможным появление самой позиции автора. Этими способностями в той либо иной степени обладает каждый человек; экзистенциальная возможность стать автором собственного бытия присуща каждому человеку как его антропологически заданное «шасси».

Художник создает автономное бытие; но возможно ли это, если он, сознавая или нет, не обрел бытие в себе самом? Тайна творчества (бытийного и художественного) состоит в том, что человек в состоянии занять позицию судьбы-демиурга по отношению к себе самому. Для этого он «сам», его «я», «личность» должны исчезнуть – все это воплощается, выражается, овнешняется, овеществляется и даже объективируется в веществе жизни, в материи и форме мира; автор исчезает в сериях пластических выражений и интонаций, становится фактически реализованным в своем наличном бытии. Наследие М.М. Бахтина – арена практических или даже экспериментальных процедур, а не только теоретических изысканий. Не культивируя онто-эстетических способностей, трудно разобраться в философских основаниях эстетики мыслителя.

Обыкновенно человек замкнут в оболочке своего я. И хотя далеко не всех это обстоятельство погружает в глубокое подполье, где сознание превращается в болезнь (вспомним героев Ф.М. Достоевского), проблема выхода за пределы своего я (жестко централизованного трансгрессивным Его или управляемого подсознанием) остается важнейшим философским вопросом, веса которому придает то обстоятельство,

что вопрос этот относится более к практической сфере, нежели к теоретическим построениям. Человек может попытаться (так сказать, в экспериментальном порядке) выйти не к феноменологической данности и заданности объекта, но к вещам и людям самим по себе, как таковым – каковы они вне меня, без меня и до меня. Ведь чтобы «увидеть» сущее, необходимо элиминировать себя из мира (стать медианным). Можно заменить себя другим; это правомерно, исходя из социальной природы человека и морально-религиозной практики; но могу ли я стать другим по отношению к себе? Проблема в том, чтобы теоретически и практически найти путь к бытию. Не является ли единственным средством для этого то, что М.М. Бахтин называл «эстетическим отношением» (а мы – онто-эстетическим обращением)?

Общая идея онто-эстетического обращения

Ключевой философский концепт, извлекаемый из диалектики автора и героя ранней антропологии М.М. Бахтина, можно определить как онто-эстетическое обращение – процедуру (медиальную практику), включающую в себя стадии: 1) совершается «взгляд со стороны», где воображение, восприятие теряют связь с субъектной активностью (перестают быть актами полагания со стороны субъективного я); 2) осуществляется внутренняя и внешняя деятельность «под категорией дружности» – «я сам» отношусь к своей жизни (ее эпизодам и историям) как сюжетам моего «романа»; 3) «я-сам» выношу себя за пределы этих «историй» и оказываюсь за границами, обрамляющими, завершающими и, как любил говорить М.М. Бахтин, милующими события моего жизненного «романа»; 4) выход к чистой фактичности и простой данности жизненного бытия; противоречия субъектно-объектной оппозиции не исчезают (ибо это невозможно), но форма их трансформируется под действием фундаментальной установки вневидимости; 5) жизненное время разворачивается в модусе прошедшего-ставшего; тирания воспоминаний, несбыточных фантазий и утопических планов не исчезает, но становится нейтральной (как бы не моей, а моего героя, который в сюже-

те моей жизни таков, каков он есть); 6) история моей жизни (как в целом, так и каждого ее эпизода) оплотняется и уплотняется («сочиняется»), обретая статус наличного бытия; 7) «animus», «ratio», «дух» не исчезают в нейтральной, нерелефированной повседневности, но сполна воплощаются и выражаются в моем наличном бытии.

Для нас важны возможность бытийного обращения человеческой субъективности и роль эстетического отношения в ней. Существенным моментом такого обращения является не акт эстетического (художественного) созерцания, а то, что антропологически и экзистенциально делает его возможным. Я и другие движемся в разных плоскостях, но дело в том, чтобы эти плоскости совместить реально, бытийно – не абстрактно-научно; мы в состоянии увидеть самих себя в качестве героев своей жизни; и только в этом случае мы становимся и ее авторами [2, с. 85].

Трансгредентность и интонирование

Автор устраняет себя из единого с героем «события жизни» (даже в том случае, когда автор и герой совпадают) [1, с. 64]; структурно подобное фундаментальное бытийное «эпохе» (вне художественной или какой-либо другой установки) представляет следующее: 1) позиция безучастного зрителя (в познавательном, этическом и каком угодно отношении); 2) «поле жизни героя», которое в случае такого обобщения превращается в поле наличного бытия индивида, практикующего позицию вневходимости; 3) появление нового «плана бытия» – существование меня, превращенного в героя моего собственного романа; фабула моей жизни превращается в заверченный сюжет благодаря автору, который – тоже я, но занявший позицию трансгредентности по отношению к доселе открытому событию моей жизни [1, с. 64]. Исходное соотношение автора и героя таково: имеется некое текучее событие, которое – от начала и до конца – объемлется и завершается творческим сознанием автора [1, с. 59]. Автор интонирует каждую подробность своего героя. Но почему выбран этот странный музыкаль-

ный термин? Интонировать – значит пластически выражать (в звуковой или, строго говоря, в какой угодно материи). Автор не «рассказывает» историю героя, он интонирует его жизнь – осмысленное движение во времени. Когда мы «ценностно реагируем», мы также интонируем окружающие нас явления. Интонирование, однако, предполагает реакцию на целое, уже нами законченное явление, по отношению к которому мы являемся его автором и его судьбой. Интонирование – это выражение и воплощение в беге моментов времени идеи целого. Можем ли мы интонировать такое целое в самих себе?

Автор есть формирующая энергия – не в «психологическом сознании», но творческая энергия, опредмеченная в произведении [1, с. 61]. При этом обнаруживается ритм образа героя, его интонационная структура и наполняющие ее смысловые моменты. Есть разница в том, что разыгрывается в моем сознании и что может быть описано мной в порядке вульгарной рефлексии или гуссерлианской дескрипции. Дело в исходящей от меня энергии синтеза всех разрозненных моментов моей жизни, в ритме и интонационной структуре этого синтеза, – во мне как герое моего собственного жизненного романа. Мое «событие бытия» в данном случае радикально (динамично и драматично) модифицируется: из иллюзорного автора («актера») я превращаюсь в пассивного героя, в то время как другая сторона моего наличного бытия исчезает во вневходимых элементах, расположенных на границе события моей жизни (прежде всего, временной границе). Важно подчеркнуть уникальность вневходимости как феноменолого-онтологической процедуры [1, с. 65], ведь «наше сознание никогда не скажет самому себе завершающего слова» [2, с. 98]. Попытки занять позицию вневходимости чаще всего заканчиваются обратным падением в себя самого; и лишь «эстетическая самообъективация автора-человека в героя» делает такой возврат невозможным.

Выход к другому – к подлинному себе

Не надо спорить или соглашаться с героем – необходимо выйти «из нудительной затаенно-

сти в прекрасную данность бытия героя» [2, с. 100], ведь речь идет не о познавательной, этической или даже традиционно эстетической позиции, но об онтологической трансформации [1, с. 66; 2, с. 69–70]. Человек не просто занимает (в нашем случае) позицию вневходимости по отношению к своей собственной жизни, тем самым романизируя ее, а заодно и ее разнобразное социальное наполнение, но перестает с ней спорить, теоретизировать по ее поводу, оценивать, – он дает ей возможность существовать без него⁵. От простой данности своего существования человек переходит к состояниям героя и автора; теперь он вправе сочинить свою жизнь, как поэму, потому что, будучи трансгрессионной самому себе интонацией, становится собственной судьбой. Здесь можно было бы добавить: и таков художник! Однако ситуация вневходимости, по всей видимости, присуща человеческой природе как таковой.

В своей жизни и своих мечтах я никак не выражен внешне; если же я возьмусь рассказывать свои истории или мечты, то превращаюсь в героя моих рассказов. В художественном творчестве событие или история выражаются в одном пластически-живописном образе [2, с. 72]. Если я – герой моего рассказа о себе самом, то пластически или интонационно выражен и воплощен в нем. Это означает, что человек способен не только к рефлексии разного рода, но и к выходу за пределы себя как субъективного я – к интонационно-пластическому выражению себя вовне, в им сочиненном и причиненном бытии. Главное – момент внешней выраженности [2, с. 119]. Интеллектуальное постижение или психологическая рефлексия – это идеальная «внутренняя» сфера; интонационно-пластическое выражение вовне принадлежит к новой реальности, в которой мое бытие закончено и обрело целостность. Только такое эстетическое обращение и выражение меня самого позволяет мне увидеть себя за пределами моей «психологии», моих знаний, убеждений... – в самой действи-

тельности. Эстетическое выходит за пределы чисто художественных проявлений и обретает широкие антропологические и экзистенциальные смыслы.

Первый критерий подлинно эстетического отношения – именно такое завершение одним существом другого в его жизненной судьбе или завершение судьбы другой вещи, растения, животного – вплоть до мироздания в целом [1, с. 59]. Разумеется, такое завершение – как будто ты демиург или сама судьба – можно реализовать только в «конкретно-воззрительном», смысловом образе (в эйдосе). Принципиальность эстетического отношения состоит в том, что мы интонируем предмет тотально, в его законченной идее. При этом для нашего замысла имеет особое значение, что борьба художника за образ героя есть борьба его с самим собой [1, с. 59]. И для художника и для философа, размышляющего о природе его творчества, это борьба за собственную целостность, за возможность завершить себя во времени, выйти за пределы себя, увидеть себя со стороны собственных границ. Дело не в том, чтобы я слился с другим в некоем сентиментальном братстве; дело в напряжении моей «вневходимости и неслиянности» с этим другим. Будучи трансгрессионным относительно внутреннего его другого, я являюсь таковым и относительно себя самого [2, с. 110–115].

А таким я должен быть вне контуров субъективной или какой-либо иной частной (внебытийной) активности. Позиция принципиальной вневходимости (относительно любого человека или любой вещи) позволяет наделять другого или другое формой (сформировать его извне, изваять и закончить в жизненных границах). Так появляется категория воплощения (ср. с выражением у А.Ф. Лосева [16, с. 184–186]). Дело не в том, чтобы нечто вложить в человека, а в том, чтобы его внутреннее содержание («я», «дух») было выражено, воплощено вовне. И мое собственное «я» (самосознание, cogito, атман...)

⁵«В пустоте оставляю себя самого, / Равнодушно смотрю на себя – на него. / Здравствуй, здравствуй, моя ледяная броня, / Здравствуй, хлеб без меня и вино без меня» (А.А. Тарковский) [15].

я могу и должен воплотить во внешних границах себя, как будто я герой для себя самого, придать себе форму, продуктивно завершить и закончить себя, как будто я другой самому себе. Мы размыкаем и замыкаем свои собственные границы: «Эта встреча двух движений на поверхности человека и оплотняет ценностные границы его, высекает огонь эстетической ценности» [2, с. 166].

Чрезвычайно интересно употребление здесь мыслителем выражения «оплотняет... границы», в результате чего возникает собственно эстетическая ценность⁶. По-немецки *dichten* одновременно означает сочинять (например, стихотворение) и уплотнять, сгущать, герметично заделывать (что мастерски обыгрывалось М. Хайдеггером⁷). Но что, казалось бы, общего между поэзией и уплотнением? Сочинить (*dichten*) вещь – значит собрать ее вместе, окружить границей, закончить, завершить и в себе и для другого. Эстетически данная вещь – плотная, пластически оформленная и проинтонированная в своих границах. Художник сочиняет мир (но не «выдумывает» его, как считает обыватель) и представляет нам сотканное мироздание в его самобытии, собственном жизненном обстоянии, – являясь трансгredientным автором; впрочем, русские слова «сочинять», «учинять», «вчинять» тоже указывают на действие, нечто вносящее и прибавляющее.

Ритм и время (темпоральность)

Диалектика автора и героя событийна, поскольку имеет место на границе явленности бытия; она не просто разворачивается во времени, но собственно есть временное становление/

свершение («событие бытия», которому уделено столь важное место в «Философии поступка» [1, с. 11–41]). Как происходит открытие временности в антропологии М.М. Бахтина раннего периода? Здесь следует обратить внимание на оригинальную его концепцию «дух–душа–тело» [2, с. 122]. Дух – рефлексия я, выражающаяся в актах мышления и в любых актах, им полагаемых. Дух – чистая, невоплощенная активность. Эстетическое обращение требует воплощения духа и чистого картезианского я. Воплощение может осуществляться только в другом. Моя рефлексия может породить только «дурную и разрозненную субъективность».

Все дело в том, что я – человек, осознающий себя в качестве некоторого субъекта, – может занимать позицию вневходимости по отношению к бытию, и тогда событие (в том числе и с участием «другого») предстанет «в новом плане мира» [2, с. 178]. Воплощение духа в душе, души в теле, души другого в теле и мире другого имеет в своем наличном бытии иную темпоральную размерность, нежели чистая рефлексия духа; мы сталкиваемся с временной категорией ритма.

Эстетически и онтологически обращенное бытие реализуется «не в хронологическом и не в математическом времени» [2, с. 183], альтернативой которым выступает время другого: только став другим, я обрету полное явление в бытии. Если я переживаю себя «в категории другого», то мой дух, генерирующий смысл, онтологически обращается, удаляя себя из плотной конкретности моей внутренней жизни, в мою/не мою конкретно сущую душу.

⁶М.М. Бахтин также говорил и о «самоуплотненном самоутверждении бытия» относительно индивида (или даже бытия вообще), а не отношения «я – другой». Собственно, здесь два термина: оплотнение и уплотнение. Оплотнение – воплощение, обретение плоти в границах эйдетического выражения. Это нормальное, здоровое уплотнение смысла. Но есть и «дурная уплотненность», когда субъективный смысл застревает в своей невоплощенной самости [2, с. 109].

⁷«Die Mitteilung der existenzialen Möglichkeiten der Befindlichkeit, das heißt das Erschließen von Existenz, kann eigenes Ziel der „dichtenden, Rede werden» («Сообщение экзистенциальных возможностей нахождения в бытии, т. е. открытие экзистенции, может стать собственной целью “сочиняющей” речи») [17, с. 162]. В переводе В.В. Библикина: «Сообщение экзистенциальных возможностей расположения, т. е. размыкание экзистенции, может стать своей целью “поэтической” речи» [18, с. 162]. Ср. также: «Поэт переживает свою поэтическую профессию как призвание к слову – источнику бытия» [19, с. 159].

Ритм – это не инициированная мною последовательность действий, синхронизированная посредством часов и календаря, а переживания действий, «прекрасной данности мира», в которых полностью растворены цели, смыслы, планы, надежды, опасения, неопределенность будущего и т. п.

Если время экзистенции задается из будущего (как экзистирование у М. Хайдеггера [20, с. 323–333]), то время уже свершенного (автор в роли судьбы трансгredientен происходящему) задается прошлым. Эстетическое (онтологическое) обращение означает смену временных полюсов – зеркальную перестановку модусов времени. Я живу не из будущего, но в уже свершившемся настоящем. Для моего традиционного я-субъекта это означает потерю субъективности и погружение в своеобразный экстазис, ибо я выхожу за пределы себя самого: «Ритмом я могу быть только одержим, в ритме я, как в наркозе, не сознаю себя» [2, с. 191].

Ритм связан с темпоральным аспектом завершения целого. «Милование», «милюющее оправдание» чего-либо («другого», себя, вещи, мира, бытия) означает, что судьба этих «героев» уже решена, сбылась [2, с. 134]. Если я сам – герой моего реального жизненного романа, то уже сбылась и моя судьба, спрятанная в трансгredientном смысле моей жизни, и я живу не во «времени» часов и календаря, но в живых интонациях ритма моего наличного бытия. Проясняется взаимодействие модусов времени в структуре эстетического созерцания [2, с. 81]. Будущее разлагает зрительный образ предмета, данный в настоящем; из этого нельзя сделать вывод о том, будто автор не действует из будущего героя – в качестве его судьбы и энтелехии.

Дело заключено в том, что М.М. Бахтин находит антропологические и экзистенциальные условия, делающие возможной эстетическую позицию: если человек в состоянии выйти из жесткой сцепки причин и следствий, пронизывающей процесс любой деятельности, равно как и из жестко ориентированного на прагматическое изменение предмета сознания, то ему доступен не разъятый на отдельные свойства и

стадии операционального воздействия, но целостный, самодостаточный в своем свободном обстоянии предмет; человек в состоянии выйти к бытию предмета, вещи (не «объекта», заданного субъективно). И эта способность делает возможным эстетическое созерцание.

В результате в акте эстетического созерцания мы выходим за пределы трехмодусной структуры времени («презентатистской» схемы времени). Настоящее вещи или лица приобретает в некотором смысле абсолютный характер – в нем отражается отблеск вечности. Станным образом эстетическая позиция по своей парадигме отсылает к «этернализму» современной нам физики. Достоинство автора очень высоко; он творит не просто из будущего – он представляет настоящее настоящее. Художественно воспринятая и пластически-живописно выраженная «ткань окружающего бытия» «принципиально трансгredientна» сознанию действующего (равно как и познающего, оценивающего, планирующего) субъекта [2, с. 82].

Все упирается в феномен вневходимости, например, другого. Но я и сам могу быть вневходим относительно себя самого. И в моем бытии (*die Umwelt*) есть трансгredientные по отношению к моей субъективности горизонты. И это есть мое атрибутивное человеческое свойство, независимо от того, собираюсь ли я стать художником или нет. Трансгredientность меня-другого по отношению ко мне как субъекту и делает возможным выход к настоящему настоящему – а не к «настоящему» как только формальному моменту между будущим и прошлым.

Заключение

Сформулируем общий смысл экзистенциально-эстетического обращения, в котором раскрывается диалектика автора и героя М.М. Бахтина. Автор занимает приоритетную в онтологическом отношении позицию – относительно наличного материала жизни и наполняющих ее событий. Он может «сгустить» жизнь, завершив событие, превратив его в эпизод своего собственного романа, завершить жизнь другого человека, превратив его в героя своего произведения. Но такое эстетическое «сгущение»

имеет место при одном-единственном условии – *внеаходимости* автора по отношению к стихии жизни. Я, безусловно, могу выступать автором моего собственного жизненного романа. Я в этом случае – герой этого романа, но я же являюсь и его автором. Им меня делает наличная культурно-историческая ситуация, благодаря которой моя жизнь предстает как некоторое событие в мире. В этом случае мое «я» перестает быть внутренним сознанием и получает внешнее, пластическое выражение. «Мое» сознание перестает быть «моим» и, более того, перестает быть простой психической эмпирической данностью. Оно становится объективным смыслом бытийной ситуации.

В онто-эстетическом праксисе происходит совпадение автора и героя; я предстал перед самим собой в качестве героя моей собственной жизненной драмы. Я живу теперь принципиально иначе, нежели до сих пор. Описанные М.М. Бахтиным практики и соответствующий опыт выходят за границы собственно эстетической теории, равно как и научной рефлексии вообще. Это – фундаментальный человеческий опыт, позволяющий обрести себя не в субъективной рефлексии дневниковых записей, не в психологических наблюдениях, не в научных или моральных штудиях, но в реальной жизни, за пределами каких-либо субъективных проекций и абстрактных определений. Художник, вопреки распространенному мнению, отнюдь не тонет в потоке своего сознания. Он видит и созерцает не вещь, но ее бытие.

Выход к бытию – важнейшая проблема для всего корпуса философских наук и философ-

ских практик XX столетия. Среди многочисленных теоретических концепций и практических рецептов выделяется то, что можно было бы назвать эстетизированной онтологией. Вопрос о достижимости эстетического сведения всего разнообразия жизненных отношений в одном герое нашего жизненного романа М.М. Бахтин решает не просто «по-философски», но в предельном онтологическом выражении: «Надбытийственная активность автора – необходимое условие эстетического оформления наличного бытия» [2, с. 203]. Схватить нечто в его бытийной самостийности – активно утвердить свою внеаходимость по отношению к нему (а не, наоборот, погрузиться в него). Именно во мне (не в другом) «радуется моя дружба» [2, с. 204]. Я могу (и должен) «объективировать себя самого и свою жизнь художественно», достичь бытийного эффекта, а не психологической истерии. Автор моей жизни – «это не я средствами другого, а это сам ценный другой во мне» [2, с. 218].

Позиция внеаходимости может достигаться разными средствами в разных ситуациях. Но универсальным значением обладает граница наличного бытия, где поджидает нас смерть и обитает наша судьба. Достижение этого уровня онтологического обращения возможно только изнутри эстетического отношения. Мы обладаем антропологически заданной способностью выходить за пределы самих себя; онтологическое обращение человеческой субъективности, безусловно и полностью, возможно через эстетический акт – единственное действие, способное проникать во все без исключения отношения человека к миру.

Список литературы

1. Бахтин М.М. <К философии поступка> // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Рус. слов.: Яз. славян. культур, 2003. С. 7–68.
2. Бахтин М.М. <Автор и герой в эстетической деятельности> // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Рус. слов.: Яз. славян. культур, 2003. С. 69–263.
3. Гоготшивили Л.А., Аверинцев С.С. Комментарии // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Рус. слов.: Яз. слав. культур, 2003. С. 351–492.
4. Холквист М., Кларк К. Архитектоника ответственности // М.М. Бахтин: pro et contra. Т. 2. СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. С. 37–71.

5. Беседы В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным. М.: Прогресс, 1996. 342 с.
6. *Бонецкая Н.К.* Бахтин глазами метафизика. М.; СПб.: Центр гуманист. инициатив, 2016. 552 с.
7. *Бонецкая Н.К.* Русский экзистенциализм. СПб.: Алетейя, 2021. 666 с.
8. *Махлин В.Л.* Второе сознание: подступы к гуманитарной эпистемологии. М.: Знак, 2009. 626 с.
9. *Николаев Н.И.* М.М. Бахтин в 1910-е и 1920-е годы: единство пути // Идеи Михаила Бахтина и вызовы XXI столетия: от диалогического воображения к полифоническому мышлению: материалы XVII Междунар. Бахтинской конф., г. Саранск, 5–10 июля 2021 г. / отв. ред. Н.И. Воронина; ред.-сост.: С.А. Дубровская, И.В. Ключева, А.А. Сычев. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2021. С. 32–34.
10. *Морсон Г.С., Эмерсон К.* Михаил Бахтин. Создание прозаики: Фрагмент // М.М. Бахтин: pro et contra. Т. 2. СПб.: Изд-во РХГИ, 2002. С. 72–97.
11. *Hirschkop K.* Mythmaking: Why Bakhtin Went Back to the Future in the 1930s // Идеи Михаила Бахтина и вызовы XXI столетия: от диалогического воображения к полифоническому мышлению: материалы XVII Междунар. Бахтинской конф., г. Саранск, 5–10 июля 2021 г. / отв. ред. Н.И. Воронина; ред.-сост.: С.А. Дубровская, И.В. Ключева, А.А. Сычев. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2021. С. 57–61.
12. *Сычев А.А.* Этика норм и философия поступка // Гуманит. вед. ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2019. № 2(30). С. 121–129. DOI: [10.22405/2304-4772-2019-1-2-121-129](https://doi.org/10.22405/2304-4772-2019-1-2-121-129)
13. *Конев В.А., Иванова В.Н.* Событие: философия *sub specie eventi* // Филос. журн. 2021. Т. 14, № 3. С. 35–49. DOI: [10.21146/2072-0726-2021-14-3-35-49](https://doi.org/10.21146/2072-0726-2021-14-3-35-49)
14. *Бахтин М.М.* Искусство и ответственность // *Бахтин М.М.* Собр. соч. Т. 1. Философская эстетика 1920-х годов. М.: Рус. слов.: Яз. славян. культур, 2003. С. 5–6.
15. *Тарковский А.А.* Я прощаюсь со всем... // *Тарковский А.А.* Благословенный свет. СПб.: Северо-Запад, 1993. С. 145.
16. *Лосев А.Ф.* Проблема художественного стиля. Киев: Collegium, 1994. 288 с.
17. *Heidegger M.* Sein und Zeit. Tübingen: M. Niemeyer, 1967. 437 p.
18. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М.: Ad Marginem, 1997. 451 с.
19. *Heidegger M.* Gesamtausgabe. Band 12. Unterwegs zur Sprache. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1985. 262 p.
20. *Хайдеггер М.* Разъяснения к поэзии Гельдерлина. СПб.: Акад. проект, 2003. 320 с.

References

1. Bakhtin M.M. K filosofii postupka [Toward a Philosophy of the Act]. Bakhtin M.M. *Sobranie sochineniy. T. 1. Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Collected Works. Vol. 1. Philosophical Aesthetics of the 1920s]. Moscow, 2003, pp. 7–68.
2. Bakhtin M.M. Avtor i geroy v esteticheskoy deyatel'nosti [Author and Hero in Aesthetic Activity]. Bakhtin M.M. *Sobranie sochineniy. T. 1. Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Collected Works. Vol. 1. Philosophical Aesthetics of the 1920s]. Moscow, 2003, pp. 69–263.
3. Gogotishvili L.A., Averintsev S.S. Kommentarii [Commentaries]. Bakhtin M.M. *Sobranie sochineniy. T. 1. Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Collected Works. Vol. 1. Philosophical Aesthetics of the 1920s]. Moscow, 2003, pp. 351–492.
4. Holquist M., Clark K. Arkhitektonika otvetstvennosti [The Architectonics of Answerability]. *M.M. Bakhtin: pro et contra*. Vol. 2. St. Petersburg, 2002, pp. 37–71.
5. *Besedy V.D. Duvakina s M.M. Bakhtinym* [V.D. Duvakin's Conversations with M.M. Bakhtin]. Moscow, 1996. 342 p.
6. Bonetskaya N.K. *Bakhtin glazami metafizika* [Bakhtin Through the Eyes of a Metaphysician]. Moscow, 2016. 552 p.
7. Bonetskaya N.K. *Russkiy ekzistentsializm* [Russian Existentialism]. St. Petersburg, 2021. 666 p.
8. Makhlin V.L. *Vtoroe soznanie: podstupy k gumanitarnoy epistemologii* [Second Consciousness: Approaches to Humanitarian Epistemology]. Moscow, 2009. 626 p.
9. Nikolaev N.I. M.M. Bakhtin v 1910-e i 1920-e gody: edinstvo puti [M.M. Bakhtin in the 1910s and 1920s: A Single Path]. Voronina N.I. (ed.). *Idei Mikhaila Bakhtina i vyzovy XXI stoletiya: ot dialogicheskogo voobrazheniya k*

polifonicheskomu myshleniyu [Ideas of Mikhail Bakhtin and Challenges of the 21st Century: From Dialogic Imagination to Polyphonic Thinking]. Saransk, 2021, pp. 32–34.

10. Morson G.S., Emerson C. Mikhail Bakhtin. Sozдание prozaiki: Fragment [Mikhail Bakhtin: Creation of a Prosaics: A Fragment]. *M.M. Bakhtin: pro et contra*. Vol. 2. St. Petersburg, 2002, pp. 72–97.

11. Hirschkop K. Mythmaking: Why Bakhtin Went Back to the Future in the 1930s. Voronina N.I. (ed.). *Idei Mikhaila Bakhtina i vyzovy XXI stoletiya: ot dialogicheskogo voobrazheniya k polifonicheskomu myshleniyu* [Ideas of Mikhail Bakhtin and Challenges of the 21st Century: From Dialogic Imagination to Polyphonic Thinking]. Saransk, 2021, pp. 57–61.

12. Sychev A.A. Etika norm i filosofiya postupka [Ethics of Norms and Philosophy of Act]. *Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L.N. Tolstogo*, 2019, no. 2, pp. 121–129. DOI: [10.22405/2304-4772-2019-1-2-121-129](https://doi.org/10.22405/2304-4772-2019-1-2-121-129)

13. Konev V.A., Ivanova V.N. Event: Philosophy *sub specie eventi*. *Filosofskiy zhurnal*, 2021, vol. 14, no. 3, pp. 35–49 (in Russ.). DOI: [10.21146/2072-0726-2021-14-3-35-49](https://doi.org/10.21146/2072-0726-2021-14-3-35-49)

14. Bakhtin M.M. Iskusstvo i otvetstvennost' [Art and Answerability]. Bakhtin M.M. *Sobranie sochineniy. T. 1. Filosofskaya estetika 1920-kh godov* [Collected Works. Vol. 1. Philosophical Aesthetics of the 1920s]. Moscow, 2003, pp. 5–6.

15. Tarkovsky A.A. Ya proshchayus' so vsem... [I'm Saying Goodbye to Everything...]. Tarkovsky A.A. *Blagoslovennyy svet* [The Blessed Light]. St. Petersburg, 1993, p. 145.

16. Losev A.F. *Problema khudozhestvennogo stilya* [The Problem of Artistic Style]. Kiev, 1994. 288 p.

17. Heidegger M. *Sein und Zeit*. Tübingen, 1967. 437 p.

18. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Moscow, 1997. 451 p.

19. Heidegger M. *Gesamtausgabe. Vol. 12. Unterwegs zur Sprache*. Frankfurt am Main, 1985. 262 p.

20. Heidegger M. *Erläuterungen zu Hölderlins Dichtung*. Frankfurt am Main, 1951 (Russ. ed.: Khaydegger M. *Raz'yasneniya k poezii Gel'derlina*. St. Petersburg, 2003. 320 p.).

DOI: 10.37482/2687-1505-V219

Vladimir N. Zheleznyak

Perm National Research Polytechnic University;

Komsomol'skiy prospekt 29, Perm, 614990, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1961-6406> e-mail: shlezo2@gmail.com

Andrey V. Politov

Perm National Research Polytechnic University;

Komsomol'skiy prospekt 29, Perm, 614990, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4175-9040> e-mail: erikhczeren@yandex.ru

ON THE QUESTION OF AUTHOR AND HERO IN M.M. BAKHTIN'S PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY OF THE EARLY PERIOD

This article is an ontological and existential interpretation of Mikhail Bakhtin's early works (*Art and Answerability; Toward a Philosophy of the Act; Author and Hero in Aesthetic Activity*), containing a deep philosophical-anthropological and innovative, in historical and philosophical terms, dialectic of author and hero. The study suggests that during his years in Nevel and Vitebsk Bakhtin strove for an ontological and ethical deepening of the aesthetics of verbal creativity, asserting (on the ontological

For citation: Zheleznyak V.N., Politov A.V. On the Question of Author and Hero in M.M. Bakhtin's Philosophical Anthropology of the Early Period. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 6, pp. 83–93. DOI: 10.37482/2687-1505-V219

plane) the being of the hero and, accordingly, the ontological status of the author and the literary work. Unlike with being (an objectively outside position), it is possible to argue with the "author" (a subjectively involved position); the existing (genuine) author is present in the literary work in the form of events that are transgredient (out-of-reach) to the hero's consciousness. While a hero's life unfolds as a sequence of actions, the real author is hidden in the hero's fate (in fact, his own fate) and must be responsible for him. In order to embrace his life in a holistic event, an individual needs to "disappear" as a psychological subject in the practical procedure of ontological conversion of consciousness and relate himself to the moments of his life that are transgredient to his personality. The sum of such moments can be called human destiny. In order to be a full-fledged, real author for the hero, the "subject" must become an author for himself (regardless of whether he is going to become an artist or not). As a result, an objective ontological and existential situation arises, in which the hero and the author undergo an ontological and aesthetic conversion (neutralization of bad subjectivity).

Keywords: *M.M. Bakhtin, anthropology, human, outsideness, ontological conversion, philosophical aesthetics, author, hero.*

Поступила 30.04.2022

Принята 20.10.2022

Опубликована 12.12.2022

Received 30 April 2022

Accepted 20 October 2022

Published 12 December 2022

УДК 008+130.2

DOI: 10.37482/2687-1505-V226

*КАСИМОВ Руслан Харисович, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук и технологий Тюменского индустриального университета. Автор 46 научных публикаций**
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8632-3860>

НАЦИЯ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ: КЛАССИЧЕСКИЕ ДИСТИНКЦИИ

Теория нации и теория цивилизации привлекают все большее внимание в политических науках, философии, социологии. Однако категории нации и цивилизации обычно рассматриваются независимо. Такая практика во многом сложилась благодаря тому, что два этих теоретических подхода развивались без связи друг с другом. Ключевые мыслители теории нации, как правило, либо игнорируют категорию цивилизации, либо уделяют ей лишь формальное внимание. Корифеи цивилизационистики не могли обойти вопрос различия нации и цивилизации. Только оттолкнувшись от категории нации, получившей нормативный статус в социальных дисциплинах еще в XIX веке, можно было выстроить концепт цивилизации. В статье рассматривается проблема различения указанных категорий в работах признанных классиков цивилизационистики: О. Шпенглера, А. Тойнби и С. Хантингтона. Обнаружено, что, несмотря на то, что дистинкция встречается у всех указанных авторов, лишь в работах А. Тойнби и С. Хантингтона «нация» и «цивилизация» представлены как соизмеримости. А. Тойнби различает нацию и цивилизацию как часть и целое, признавая субъектность последней. С. Хантингтон предлагает гибридную дистинкцию, сохраняющую качества классической цивилизационной теории и привносящую элементы конструктивизма. Последний выступает основой неклассических теорий цивилизации, примером которых является концепт Й. Терборна. Неклассический подход позволяет проводить не только количественное, но и качественное различие наций и цивилизаций: если государства-нации возникают в результате разрыва с прошлым и выстраиваются в русле модерна, то цивилизации оказываются продолжением и реставрацией традиции.

Ключевые слова: *нация, цивилизация, национальное государство, государство-цивилизация, цивилизационистика, О. Шпенглер, А. Тойнби, С. Хантингтон.*

Рассмотрение политических явлений через призму так называемого «цивилизационного подхода» давно стало привычным в среде отечественной философии, политологии и историографии. Однако цивилизационистика

до сих пор несвободна от многих неясностей и противоречий, препятствующих эффективному использованию ее концептуального инструментария в практике анализа и конструирования социокультурных процессов. К таким

*Адрес: 625000, г. Тюмень, ул. Володарского, д. 38; e-mail: rkhkasimov@mail.ru

Для цитирования: Касимов Р.Х. Нация и цивилизация: классические дистинкции // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 6. С. 94–101. DOI: 10.37482/2687-1505-V226

неопределенным местам относится различение категорий нации и цивилизации.

Одной из причин подобной неопределенности является тот факт, что в современной социально-философской мысли господствует представление о «мифичности» идеи цивилизации. «В своей современной форме, дискурс о государстве-цивилизации больше затемняет, чем проясняет», – пишет А. Ачарья [1, с. 153]. С другой стороны, многими политологами, историками и философами концепт цивилизации продолжает восприниматься как перспективная форма политических образований. К. Кокер в книге с говорящим названием «Подъем государства-цивилизации» утверждает, что «фактически мы живем в мире, где цивилизация быстро становится общеупотребительным мерилom (currency) мировой политики» [2, с. 12]. В некоторых случаях говорится даже об «атаке государства-цивилизации» на современный мир [3]. Идея связи государства-нации и государства-цивилизации прослеживается не только в европейской и американской мысли, но и в незападных политико-философских концепциях. К примеру, один из основателей Коммунистической партии Китая Ли Дачжао разрабатывал стратегию перехода от национализма к «третьей цивилизации» «всеобщей любви» [4, с. 26], что является одним из оснований цивилизационного дискурса в современном Китае.

В отечественном социоисторическом дискурсе понятие цивилизации, наоборот, часто репрезентируется как объективная реальность. Но при этом различия категорий нации и цивилизации отнюдь не очевидны. К примеру, в статье В.В. Чурина «Этнос, нация, цивилизация как категории социальной философии» дается определение цивилизации по Хантингтону, но не указывается связь между нацией и цивилизацией [5, с. 23–24]. В работе Т.В. Сичкарь и К.А. Кирсанова, по нашему мнению, довольно произвольно нация и цивилизация трактуются как «репродукционная» и «футурологическая»

функции социальных систем [6]. Понимание цивилизации как «наднациональной общности», изложенное в работе И.А. Зевелева «Будущее России: нация или цивилизация?», не снимает вопроса дистинкции этих категорий [7, с. 106–109]. В статье А.В. Посадского, где Россия рассматривается как «нация и цивилизация», различие последних неявно [8].

Таким образом, связь нации и цивилизации в отечественной мысли либо представляется авторам самоочевидной, либо эти понятия рассматриваются как тождественные, либо разводятся на произвольной основе. При этом следует отметить, что вышеназванные авторы большей частью придерживаются органицистской и эссенциалистской трактовки понятия «цивилизация». Причиной ложной «самоочевидности» понятий нации и цивилизации во многом является «классическая» цивилизационная доктрина. Современные негативные и позитивные концепты цивилизации опираются на работы «классической» цивилизационистики. Исторический анализ дистинкций в трудах основателей цивилизационной теории позволит выявить элементы того концептуального базиса, на котором происходит дискурсивное противостояние теории нации и теории цивилизации сегодня.

Целью данной работы является экспликация и рассмотрение эволюции данной оппозиции в работах О. Шпенглера, А. Тойнби и С. Хантингтона. Выбор персоналий обусловлен, во-первых, определенной преемственностью и противостоянием этих авторов, создающих единое концептуальное поле¹. Во-вторых, западные теоретики цивилизации так или иначе, в силу значимости теории нации на Западе, освещали в своих трудах рассматриваемую дистинкцию.

Несмотря на очевидную связь и даже в определенном смысле преемственность категорий нации и цивилизации, граница между ними не всегда ясно ощутима и в трудах корифеев цивилизационной теории. В работе О. Шпенглера «Закат Западного мира» (1918–1922) присут-

¹Из классических цивилизационистов в этом кругу отсутствует П. Сорокин из-за несопоставимости его концепта цивилизации концепту нации.

ствуют категории нации и цивилизации, однако оба этих понятия трактуются достаточно своеобразно. В книге приводится классификация народов, существующих «до, внутри и после культуры». «Пранароды» (Ürvölker) предшествуют «культурным народам» (Kulturvölker). Народы, «пережившие» свою культуру, названы «феллахскими» (Fellahenvölker). «Пранароды» являются лишь материалом для построения «культурных народов», «сплавившая население в слои» и не играя роли в истории. «Феллахские народы» – реликты «мертвых культур». Внимание О. Шпенглера привлекают «культурные народы», т. к. «пранароды» и «феллахи» не более чем пролог и эпилог истории. «Культурные народы» названы «нациями» (Nationen): «народ, по стилю принадлежащий одной культуре, я называю нацией и уже одним этим словом отличаю от образований, имеющих место до и после» [9, с. 627–628].

Он подчеркивает, что «в основе нации лежит идея», определяющая «глубинную связь с судьбой, временем и историей». Нации – действующие персонажи драмы мировой истории. Их нельзя назвать субъектами истории, так как они являются не творцами, но продуктами своих культур. «Великие события истории... не народами совершены были, но скорее породили на свет их самих». В свою очередь, народ конституируется не через язык, происхождение или территорию, но через «единство души» [9, с. 622].

Нациями являются, по О. Шпенглеру, «градостроящие народы». Возникая «в замках», городах они достигают «полной высоты мирознания и предназначения», а затем угасают в «мировых столицах». Поэтому «образ города» имеет «национальный характер». Философ утверждает, что «расовая деревня» – обиталище «пранародов» – не обладает «национальным характером». «Мировая столица» (по-видимому, местоположение «феллахов») им уже не обладает [9, с. 629].

Эта картина изоморфна стадиям развития «культур», понимаемых как «организмы» [9, с. 133], которые проходят свои «возрастные ступени» [9, с. 136]. «Юность и детство» «культур»

сменяются «зрелостью» – стадией «высшей культуры» (hohe Kultur). Последняя стадия – «неотвратимый конец культуры», «демонстрация отмерших форм» – носит название «цивилизации». «Цивилизация – это неизбежная судьба культуры» [9, с. 45]. Рассуждения о природе наций можно встретить не только в «Закате...», но и в работе «Годы решений» (1933). Здесь нация понимается как «давно существующий» «культурный народ», представляя собой форму «идеи» и существуя как «живое тело» [10, с. 75–78]. Нации и «высшие культуры» здесь также представлены как проявления «народного духа». Через десятилетие после написания своего magnum opus О. Шпенглер сохраняет идеалистическое понимание этого термина.

Несмотря на то, что в тексте «Заката...» неочевидна эта мысль, можно прийти к следующему заключению: «пранароды» представляются О. Шпенглеру продуктом «юных культур», «нации» выражают «высшие культуры», тогда как «феллахские народы» формируются в недрах «цивилизаций». Различные стадии «культур» соответствуют различным стадиям становления «народов».

Отсюда можно утверждать, что, несмотря на наличие и определение категорий «нация» и «цивилизация» в теоретических построениях О. Шпенглера, их трактовка выходит за пределы современного теоретического поля. Во-первых, «нация» обладает позитивной коннотацией, тогда как «цивилизация» – негативной. Во-вторых, в рамках теории нельзя сопоставить понятия нации и цивилизации, так как они находятся в различных логических сериях, т.е. рассматриваемые категории *несравнимы* в границах шпенглеровской методологии. Более того, при сравнении понятий нации и «высшей культуры», трактуемых автором в русле идеализма и органицизма, проблематично отличить их, т. к. каждое из них объясняется как производное или форма таких интуитивных концептов, как «идея», «душа» и «судьба».

Также следует отметить, что практическое применение теоретического наследия О. Шпенглера затруднительно из-за апофеничности

презумпций автора «Заката Западного мира». Практически отделить «пранарод» от «нации», «цивилизацию» от «высшей культуры» можно только на основании их роли в «мировой истории», что подразумевает позицию «абсолютно наблюдателя».

А. Тойнби в монументальном труде «Исследование истории» (1934–1961) дает другую дистинкцию указанных категорий. «Цивилизация» и «нация» дифференцируются на логическом основании целого и части, универсального и партикулярного. В отличие от О. Шпенглера, он считает нужным определить разницу указанных понятий в самом начале своей работы – в первой главе «Введения», в параграфе «Единица исторического исследования».

А. Тойнби отмечает, что «развитие в последние несколько столетий (а в особенности в последних нескольких поколениях) претендующего на самодостаточность национального государства заставило историков выбирать именно нации в качестве обычных полей исторического исследования». Победивший дискурс, представляющий нации субъектами мировой истории, приводит его к мысли о ревизии этого устоявшегося тезиса: «Ни одна нация или же национальное государство Европы не может продемонстрировать историю, которую можно было бы объяснить из нее самой» [11, с. 42]. В качестве аргумента приведено утверждение одного из ранних мыслителей, обратившихся к теории нации, – лорда Дж. Дальберг-Актона: «Всеобщая история естественным образом зависит от действия тех сил, которые не являются национальными, но происходят от более общих причин» [11, с. 44]. А. Тойнби отрицает субъектность наций и национальных государств в истории. Они лишь элемент «умопостижимого поля истории»: «Чтобы понять части, мы должны сначала сосредоточить наше внимание на целом, поскольку это целое есть поле исследования» [11, с. 48]. Этим целым и выступают «общества» (societies) – «умопостижимой единицей исторического исследования является не национальное государство и, с другой стороны, не человечество в целом, а некая группа людей,

которую мы назвали обществом» [11, с. 56]. Подобные «общества» А. Тойнби также называет «цивилизациями».

Британский историк сравнивает не только нации и цивилизации, но и цивилизации с «примитивными обществами». Последние понимаются как предшествующая ступень по отношению к нациям. «Примитивные общества» более многочисленны, чем национальные государства, но при этом они «недолговечны, ограничены относительно узким географическим пространством и охватывают относительно небольшое число людей» [11, с. 88]. Таким образом, «примитивные общества», нации и цивилизации отличаются лишь количественно – территорией, населением, временем существования. Иерархия этих категорий также количественна: «левиафанов»-цивилизаций единицы, наций – десятки, «примитивных обществ» – сотни.

Данный критерий также уязвим для критики. Возникают многие вопросы, на которые ответы лишь подразумеваются. Каких размеров должен достигать объект «поля истории», чтобы попасть в разряд «цивилизации»? Какой должна быть длительность существования исторического объекта, чтобы подпадать под критерий «цивилизации»? Можно ли рассматривать моноэтничные единицы, не состоящие из «наций», как «цивилизации» (к примеру, приведенное автором «общество» майя)? Также очевидно, что если «цивилизации» рассматриваются как исторические образования, то нации и «примитивные общества» – внеисторически и механически.

Последним известным трудом в области цивилизационистики принято считать «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» (1996) С. Хантингтона. После падения коммунистического мира, согласно его концепции, стали важны не экономические, политические и идеологические различия, а культурные. Актуализируется вопрос: «Кто мы?». Нации и цивилизации являются ответами на этот вопрос. И первая, и вторая «культурные группы» – это формы идентичности. Нация –

форма «узкой» идентичности, цивилизация – «широкой». Несмотря на то, что «основными игроками на поле мировой политики остаются национальные государства», важны становятся не они, а их «группировки», т. е. цивилизации [12, с. 15].

С. Хантингтон продолжает традицию количественного разделения нации и цивилизации А. Тойнби. В согласии с положениями историка цивилизации рассматриваются как «наивысшие культурные целостности», «наивысшие культурные общности людей и самый широкий уровень культурной идентификации, помимо того, что отличает человека от других биологических видов» [12, с. 48–49]. Также американский мыслитель проводит идею о том, что цивилизации являются главными субъектами мировой истории [12, с. 44].

Но между этими подходами есть и значимое различие. Если у А. Тойнби нации и цивилизации представлены как объективные образования, то С. Хантингтон, признавая объективность языка, истории, религии и социальных институтов, подчеркивает и их субъективный, «воображенный» момент – нации и цивилизации есть формы идентичности [12, с. 49]. Концепты цивилизаций – это «карты», «модели» реальности, призванные систематизировать ее, устанавливать причинные связи, предсказывать будущее, отделять важное от неважного, указывать цели [12, с. 27]. Полицивилизационный подход позволяет утверждать реальность интеграционных процессов, сохранить деление мира на Запад и не-Запад, признать важную роль национальных государств на политической сцене (уточняя факт того, что их взаимодействие определяется цивилизационными факторами), указать на анархию и межгосударственные конфликты, объяснение которым проистекает из гетерогенности цивилизаций [12, с. 37–38].

С. Хантингтон признает, что у цивилизаций не могут существовать четко определенные границы, «начало и конец»: «Люди идентифицируют себя по-разному». С другой стороны, цивилизации не обладают неизменной «природой»,

изменяясь во времени. Огромное влияние оказывает их взаимодействие. Несмотря на то, что цивилизации представляют собой «единства», тем не менее они не замкнутые общества – «бильярдные шары» [12, с. 49]. Идея цивилизации значительно релятивизируется.

Различия, проводимые в категориях нации и цивилизации О. Шпенглером и А. Тойнби, следует признать «классическими». Нации и цивилизации рассматриваются здесь как объективные феномены. О. Шпенглер признает даже их «органический» характер. Границы этих культурных образований либо наглядны (нации), либо их следует «обнаружить» (цивилизации). В обоих случаях в качестве метода используется интуитивный метод – эксплицитно у О. Шпенглера и имплицитно у А. Тойнби. Нации и цивилизации – продукты истории, а не «исторического воображения», как в постклассической парадигме. Такое понимание противоположно современному представлению, которое выражено в определении Э. Геллнера: «Нации делает человек. Нации – продукт человеческих убеждений, пристрастий и склонностей (convictions, loyalties and solidarities)» [13, с. 7].

Концепт цивилизации С. Хантингтона является переходным от классического к постклассическому. Принимая объективность одних элементов (языка, религии и т. д.), он признает, что нация и цивилизация представляют собой форму «идентичности», что подразумевает возможность «изобретения» и «воображенности» этих категорий.

В качестве примера постклассического подхода к дистинкции нации и цивилизации можно привести концепт Й. Терборна. Шведский социолог утверждает, что и государство-нация, и государство-цивилизация являются «политическими изобретениями» и «инструментами политической риторики». Государства-нации можно, тогда как история государств-цивилизаций уходит в древность. Размер также имеет значение – цивилизацией может быть Россия, но не Швеция. Политическая риторика подразумевает, что государства-цивилизации «больше и глубже», чем культура отдельного государства.

Й. Терборн признает, что границы цивилизаций более размыты, чем границы наций, что приводит к неясностям.

Но количественные отличия не являются решающими. Нации и цивилизации отличаются их отношением к «действию» (agency). Если нации – это активные субъекты политики, взаимодействующие и сталкивающиеся, то цивилизации «не действуют». Они лишь порождают политические субъекты. Цивилизации – это «сообщество ценностей, мировоззрений и практик». Также отмечается отношение этих категорий ко времени. Если история наций заполнена событиями, то линия цивилизаций описывается классиками как вневременная.

Соединение последних двух факторов приводит к новой дистинкции. Если государства-нации прерывают традицию в момент провозглашения суверенитета, ориентируясь на будущее, что знаменует наступление «политического модерна», то государства-цивилизации ориентируются на традиции и «возвращением к прошлому», имея тенденцию разрыва с модерном. Если расцвет государств-наций был восстанием против существующих элит, то государства-цивилизации, наоборот, являются инструментом укрепления их власти [14, с. 233–235].

Таким образом, можно сделать вывод, что дистинкция понятий нации и цивилизации претерпевает определенную *эволюцию* в трудах классиков цивилизационистики XX века. Во всех работах присутствуют обе категории, но каждый автор выстраивает разные отношения между ними. О. Шпенглер представляет в своем творчестве *неявную* дистинкцию. Понятия нации и цивилизации – различные порядки, несравнимые логически, а лишь сопоставимые. Причиной здесь является традиционная для немецкой философии аксиологическая дихотомия культуры и цивилизации.

А. Тойнби, критикуя шпенглеровские методы, традиционно для англо-американской цивилизационистики абстрагируется от ценностных

коннотаций. В «Исследовании истории» выдвинута *явная* дистинкция понятий нация и цивилизация, обладающая *количественным* характером – как часть и целое, «малое» и «большое». С одной стороны, нации – это части цивилизаций, с другой, они понимаются как предыдущие стадии развития цивилизаций. Упрощая, можно сказать, что последние представляются как «макронации» – нации приобретающие черты глобального исторического субъекта.

Явная количественная дистинкция сохраняется и в работах С. Хантингтона. Но он прокладывает мост между классическим подходом с его холизмом, эссенциализмом и провиденциализмом и современными философскими теориями, рассматривающими социальные системы через призму конструктивизма, «текстуализма», в терминах «воображение» и «изобретение». Идея нации в «Столкновении цивилизаций» сформулирована в этом ключе. Таким образом, С. Хантингтон проводит различие категорий нации и цивилизации не только количественно, но и отчасти качественно. *Явная качественная* дистинкция становится господствующей только в неклассической цивилизационистике – различия понятий нации и цивилизации приобретают здесь отчетливое содержательное наполнение. Примером служит указанная выше концепция Й. Терборна. Рассмотрение этой проблемы в русле неклассических цивилизационных теорий должно выполняться отдельно.

Эволюция дистинкции категорий нации и цивилизации косвенно демонстрирует возможность будущей методологической конвергенции теории нации и теории цивилизации. Конструктивистские методы исследования нации применимы и для исследований феномена цивилизации, которые традиционно выполняются в органицистском ключе. Развитие идеи цивилизации в этом направлении представляется перспективным не только для западной, но и для отечественной мысли.

Список литературы

1. Acharya A. The Myth of the “Civilization State”: Rising Powers and the Cultural Challenge to World Order // *Ethics Int. Aff.* 2020. Vol. 34, № 2. P. 139–156. DOI: [10.1017/S0892679420000192](https://doi.org/10.1017/S0892679420000192)
2. Coker C. *The Rise of the Civilizational State*. Cambridge: Polity Press, 2019. 224 p.
3. Maçães B. The Attack of the Civilization-State // *Noema*. 2020. June 15. URL: <https://www.noemamag.com/the-attack-of-the-civilization-state/> (дата обращения: 07.10.2022).
4. Duan L. From Nation-State to “New Civilization”: Li Dazhao in the May Fourth Period // *Contemp. Chin. Thought*. 2019. Vol. 50, № 1-2. P. 26–38. DOI: [10.1080/10971467.2019.1755003](https://doi.org/10.1080/10971467.2019.1755003)
5. Чуринов В.В. Этнос, нация, цивилизация как категории социальной философии // *Вестн. МГПУ. Сер.: Философские науки*. 2011. Т. 2, № 4. С. 18–25.
6. Сичкарь Т.В., Кирсанов К.А. Подходы к пониманию нации, народа, этноса и цивилизации // *Мировые цивилизации*. 2018. Т. 3, № 1. URL: <https://wcj.world/PDF/06IAMZ118.pdf> (дата обращения: 02.10.2022).
7. Зевелёв И.А. Будущее России: нация или цивилизация? // *Россия в глобальной политике*. 2019. Т. 17, № 6. С. 176–193.
8. Посадский А.В. Русский вопрос: Россия как нация и цивилизация в условиях идеологических вызовов современности // *Метапарадигма. Альманах: богословие, философия, естествознание*. 2016. № 9. С. 89–141.
9. Шпенглер О. *Закат Западного мира: очерки морфологии мировой истории*. М.: Альфа-книга, 2017. 1085 с.
10. Шпенглер О. *Годы решений* // Шпенглер О. *Политические произведения* / пер. с нем. В.В. Афанасьев. М.: Канон+, Реабилитация, 2009. С. 45–221.
11. Тойнби А.Дж. *Исследование истории: возникновение, рост и распад цивилизаций*. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. 670, [2] с.
12. Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2007. 571, [5] с.
13. Gellner E. *Nations and Nationalism*. Oxford: Basil Blackwell Publisher Ltd., 1983. 150 p.
14. Therborn G. States, Nations, and Civilizations // *Fudan J. Humanit. Soc. Sci.* 2021. Vol. 14, № 2. P. 225–242. DOI: [10.1007/s40647-020-00307-1](https://doi.org/10.1007/s40647-020-00307-1)

References

1. Acharya A. The Myth of the “Civilization State”: Rising Powers and the Cultural Challenge to World Order. *Ethics Int. Aff.*, 2020, vol. 34, no. 2, pp. 139–156. DOI: [10.1017/S0892679420000192](https://doi.org/10.1017/S0892679420000192)
2. Coker C. *The Rise of the Civilizational State*. Cambridge, 2019. 224 p.
3. Maçães B. The Attack of the Civilization-State. *Noema*, 15 June 2020. Available at: <https://www.noemamag.com/the-attack-of-the-civilization-state/> (accessed: 7 October 2022).
4. Duan L. From Nation-State to “New Civilization”: Li Dazhao in the May Fourth Period. *Contemp. Chin. Thought*, 2019, vol. 50, no. 1-2, pp. 26–38. DOI: [10.1080/10971467.2019.1755003](https://doi.org/10.1080/10971467.2019.1755003)
5. Churin V.V. Etnos, natsiya, tsivilizatsiya kak kategorii sotsial'noy filosofii [Ethnic Group, Nation, Civilization as a Category of Social Philosophy]. *Vestnik MGPU. Ser.: Filosofskie nauki*, 2011, vol. 2, no. 4, pp. 18–25.
6. Sichkar' T.V., Kirsanov K.A. Podkhody k ponimaniyu natsii, naroda, etnosa i tsivilizatsii [Approaches to Understanding the Nation, People, Ethnos and Civilization]. *Mirovye tsivilizatsii*, 2018, vol. 3, no. 1. Available at: <https://wcj.world/PDF/06IAMZ118.pdf> (accessed: 2 October 2022).
7. Zevelev I.A. Budushchee Rossii: natsiya ili tsivilizatsiya? [Russia's Future: Nation or Civilization?]. *Rossiya v global'noy politike*, 2019, vol. 17, no. 6, pp. 176–193.
8. Posadskiy A.V. Russkiy vopros: Rossiya kak natsiya i tsivilizatsiya v usloviyakh ideologicheskikh vyzovov sovremennosti [The Russian Question: Russia as a Nation and Civilization in the Conditions of Modern Ideological Challenges]. *Metaparadigma. Al'manakh: bogoslovie, filosofiya, estestvoznaniye*, 2016, no. 9, pp. 89–141.
9. Spengler O. *Der Untergang des Abendlandes: Umrisse einer Morphologie der Weltgeschichte*. Munich, 1950 (Russ. ed.: Shpengler O. *Zakat Zapadnogo mira: ocherki morfologii mirovoy istorii*. Moscow, 2017. 1085 p.).
10. Spengler O. *Gody resheniy* [The Hour of Decision]. Spengler O. *Politicheskie proizvedeniya* [Works on Politics]. Moscow, 2009, pp. 45–221.

11. Toynbee A.J. *A Study of History*. Oxford University Press, 1946 (Russ. ed.: Toynbi A.Dzh. *Issledovanie istorii: vzniknovenie, rost i raspad tsivilizatsiy*. Moscow, 2009. 670 p.).
12. Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, 1996 (Russ. ed.: Khantington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy*. Moscow, 2007. 571 p.).
13. Gellner E. *Nations and Nationalism*. Oxford, 1983. 150 p.
14. Therborn G. States, Nations, and Civilizations. *Fudan J. Humanit. Soc. Sci.*, 2021, vol. 14, no. 2, pp. 225–242. DOI: [10.1007/s40647-020-00307-1](https://doi.org/10.1007/s40647-020-00307-1)

DOI: 10.37482/2687-1505-V226

Ruslan Kh. Kasimov

Industrial University of Tyumen;

ul. Volodarskogo 38, Tyumen, 625000, Russian Federation;

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8632-3860> e-mail: rhkasimov@mail.ru

NATION AND CIVILIZATION: THE CLASSICAL DISTINCTIONS

The theory of nation and the theory of civilization attract considerable attention in the field of political and social sciences as well as in philosophy. However, the categories of nation and civilization are usually regarded separately, due to the fact that these two approaches have developed independently. Key thinkers of the theory of nation, as a rule, either ignore the category of civilization or give it only formal attention. The leading figures of the theory of civilization, on the contrary, could not but consider the distinction between nation and civilization. It should be noted that the concept of civilization could only be constructed proceeding from the category of nation, which had acquired a normative status in the social disciplines as early as in the 19th century. This article dwells on the distinction between nation and civilization in the works of the classical theorists of civilization, namely, O. Spengler, A. Toynbee and S. Huntington. In spite of the fact that all of the above authors make this differentiation, it is only in the works of Toynbee and Huntington that nation and civilization are presented as commensurable. Toynbee distinguishes nation and civilization as a part and as a whole, recognizing the subjectivity of civilization. Huntington proposes a hybrid differentiation that both preserves the qualities of the classical theory of civilization and includes elements of constructivism. The latter forms the basis for non-classical theories of civilization, such as G. Therborn's concept. The non-classical approach allows us to draw not only a quantitative, but also a qualitative distinction between nations and civilizations: while nation-states arise as a result of a break with the past and develop within the framework of modernity, civilizations continue and restore the tradition.

Keywords: *nation, civilization, nation-state, civilization-state, theory of civilization, O. Spengler, A. Toynbee, S. Huntington.*

Поступила 13.10.2022
Принята 10.12.2022
Опубликована 16.12.2022

Received 13 October 2022
Accepted 10 December 2022
Published 16 December 2022

For citation: Kasimov R.Kh. Nation and Civilization: The Classical Distinctions. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 6, pp. 94–101. DOI: 10.37482/2687-1505-V226

УДК 1(091)

DOI: 10.37482/2687-1505-V227

*ЛЕБЕДЬ Екатерина Сергеевна, аспирант
кафедры философии и права Сургутского государственного университета. Автор 3 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4241-8395>

ПРОБЛЕМА ТЕХНИКИ И ТЕХНОЛОГИЗАЦИИ СОВРЕМЕННЫХ ПРОЦЕССОВ СКВОЗЬ ПРИЗМУ МЕТОДОЛОГИИ МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА

В статье на основании философского метода Мартина Хайдеггера (1889–1976) сделана попытка показать, каким образом возможно преодоление дистанции, отделяющей мир философии от мира высокотехнологичных разработок. Цель исследования – экстраполировать образ мышления Хайдеггера на современные процессы технологизации и цифровизации, представить способы использования на практике «хайдеггерианской» философии сегодня. Таким образом, необходимо сделать шаг назад и пересмотреть попытки Хайдеггера по разработке нового способа вопрошания и мышления. Актуальность статьи обусловлена все большим развитием технологизации и цифровизации всех сфер человеческой жизни, в том числе образования, культуры и философии. Для выявления слабых сторон и недостатков концепции цифровизации ей противопоставляется хайдеггерианская критика политехнического мышления вообще и его «цифровой» составляющей в частности. Показано, как возможно преодоление разрыва между техникой и подлинным бытием человека. Рассмотрено, как на протяжении развития философской мысли Хайдеггера формируются его анализ и отношение к технике, начиная с анализа Dasein (человеческого существования как бытия) в раннем периоде и заканчивая смещением фокуса на язык, поэзию и язык поэтов в позднем. В философии Хайдеггера такой поэзией стала поэзия Ф. Гёльдерлина (1770–1843). Рассмотрена концепция махинативности как обоснования технологичности процессов жизни человека. Представлены основные признаки махинативности, такие как: превращение социальной сферы в огромный механизм-«машину», управляемый технологией; цифровизация как приравнивание индивидов; признание всемогущества технологий, реализованных как «программы действий». В эпоху махинативности человек еще не может признать себя машиной, он считает себя живым существом, проявляющим собственные переживания. В заключении делается вывод, что философия должна сыграть ведущую роль в определении, критической оценке новой картины мира человека в глобальном масштабе.

Ключевые слова: философия техники, бытие человека, М. Хайдеггер, история философии, цифровизация, махинативность, технологичность.

*Адрес: 628412, г. Сургут, просп. Ленина, д. 1; e-mail: kkovaleva2@yandex.ru

Для цитирования: Лебедь Е.С. Проблема техники и технологизации современных процессов сквозь призму методологии Мартина Хайдеггера // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 6. С. 102–108. DOI: 10.37482/2687-1505-V227

Введение

В настоящее время в философском дискурсе активно обсуждается вопрос технологизации, а также цифровизации не только науки и образования, но и всех процессов современной культуры. Именно цифровизация позволит России обеспечить глобальную конкурентоспособность и национальную безопасность. Вопросы, касающиеся цифровой трансформации, закреплены также и на государственном уровне [1]. Один из национальных проектов на 2019–2024 год, в соответствии с которым планируется развивать страну, называется «Цифровая экономика Российской Федерации»¹. Поэтому важно сейчас рассмотреть вопрос влияния техники с точки зрения истории философии и позиции Мартина Хайдеггера (1889–1976) как наиболее современно-го и перспективного мыслителя.

Конечно, мнения именно о цифровизации в его философии нет, но есть четко выраженная позиция относительно техники и технического прогресса. Как указывает А.В. Михайловский в интервью Н.А. Пилявскому: «...Хайдеггер – это мыслитель будущего. ...Хайдеггер – это тот, кто открывает перспективы и показывает возможность “другого начала”, “другого мышления”. Он пишет не для современности, не для современных академических философов, а для “людей будущего»» [2, с. 362]. Также важные для нашего исследования вопросы философии техники М. Хайдеггера рассмотрены в работах Х. Дрейфуса, В. Хесле, А. Луккнера, М. Циммермана [3–6]. Таким образом, мы попытаемся применить взгляд М. Хайдеггера для решения современных проблем всеобщей технологизации и цифровизации.

Важно оговорить, что творчество философа принято делить на ранний и поздний периоды. К ранним работам относят «Бытие и время» (1927), «Основные проблемы феноменологии» (1927) и «Введение в метафизику» (1935). Поздние же работы датируются послевоенным

временем. Это – «Письмо о гуманизме» (1946), «Вопрос о технике» (1953) и др.² В статье мы рассматриваем оба периода.

В философии М. Хайдеггера содержится развернутая и последовательная попытка отстаивания антисциентистских, антипозитивистских представлений о научно-техническом прогрессе. Сама по себе наука, согласно Хайдеггеру, является технической. Для нас важно понять, какие выводы могут сделать исходя из такой трактовки науки философы, ставящие под сомнение техническую науку в том виде, в каком она практикуется в настоящее время. Как сегодня возможно объяснить происхождение, условия, возможности и границы применения техники? Могут ли сегодня использовать достижения философского метода современные ученые, которые сталкиваются с различными результатами технического прогресса? Как человек может сохранить свободу от всеобщей технологизации? Чтобы получить ответы на эти вопросы, необходимо перейти к проблеме метода в философии Хайдеггера.

Проблема метода в философии Мартина Хайдеггера

Первые попытки разрешить проблему метода были предприняты уже в «Бытии и времени» (1927) [8], где Хайдеггер объясняет, что философский (феноменологический) метод исследования влечет за собой анализ Dasein (человеческого существования как бытия) и «разрушение» истории философии, которые позволяют вернуться и восстановить наши первичный опыт и интерпретацию бытия.

Аналогичный взгляд представлен в книге «Основные проблемы феноменологии». Целью философа была попытка научить студентов практиковать феноменологию, стать практикующими философами, присоединиться к практике мышления. Основное внимание уделялось методам философского исследования. По Хайдеггеру, «...феноменология представляет собой заголо-

¹«Цифровая экономика Российской Федерации» утверждена протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 года, № 7.

²Более подробно см. [7].

вок для метода научной философии вообще» [9, с. 3].

Из ранних работ философа мы можем сделать вывод, что допустимо рассматривать технoнауку как практику, разворачивающуюся в конкретном, значимом контексте. Как отмечает современный исследователь Х. Цварт: «Мы должны не только читать о науке, но и посещать ученых в их лабораториях, чтобы рассмотреть среду, в которой практикуется технoнаука, и то, как ученые рассматривают и обращаются к вещам. Ученых нужно понимать, изучая их исследовательскую практику как бы изнутри: представляя, с чем они имеют дело, в какой степени они сами захвачены и сливаются с этими вещами» (*перевод мой – Е.Л.*) [10, с. 390].

В более поздних работах отношение Хайдеггера к методу меняется. Он говорит, что мы должны внимательно прислушиваться и обращать внимание на язык. Для того чтобы ощутить его голос и стать чувствительными к тому, как он к нам обращается, мы должны сделать акцент на генеалогии слов, которые мы используем, чтобы различить и восстановить их первичное значение, стершееся со временем. С этим тесно связано еще одно важное изменение образа мышления Хайдеггера, а именно обращение к истокам западной философии. Он пытается вспомнить и переосмыслить рассвет ранней греческой мысли, перечитать высказывания древнегреческих мыслителей таким образом, чтобы их язык снова стал слышимым, снова приблизился к нам.

Далее Хайдеггер предлагает обратить внимание на поэзию, на язык поэтов, не каких-либо поэтов, а «смелых», которые осмеливаются подвергать себя воздействию языка. Задача поэта – не выдумывать что-то от себя, не воспевать собственные субъективные переживания, а прояснять и уплотнять смысл бытия. Такой поэзией для Хайдеггера стала поэзия Иоганна Христиана Фридриха Гёльдерлина [11]. То, что скрыто в расчетливой рациональности, может быть восстановлено в поэзии. Сама наука попала под влияние технологий, но, похоже, не осознает собственного затруднительного по-

ложения. Поэтическое искусство может подготовить почву для нового начала, даже породив новый метод – радикально новый способ философского вопрошания.

Но могут ли такие методы служить отправными точками для достижения соглашения с технoнаукой? Они могут лишь наметить путь, ориентация которого кажется довольно далекой от экспериментальных практик, фактически проводящихся в лабораториях современных исследователей. Поздний Хайдеггер способствует близости между поэтами и философами, но пропасть между наукой и философией расширяется. Способ, которым мыслящая поэзия и поэтическое мышление позволяют миру появляться (позволяют вещам предстать перед нами), кажется, сопоставляется с тем, как технoнаука уничтожает свои объекты, с тем, как техническая мощь сводит вещи к простой «объективности».

Поздний Хайдеггер кажется пессимистичным в отношении возможности подлинной конфронтации науки и философии не потому, что они стоят слишком далеко друг от друга, а потому, что они настолько решительно связаны с самого начала, что обе, похоже, неспособны по собственной инициативе подготовить почву для подобного разговора. Более того, нет никакого пути, ведущего от науки к размышлению. Следовательно, единственный путь – начать с философского вопроса о способе существования, созданного, изученного и уничтоженного технoнаукой. Это трудно, но не невозможно – утверждает Хайдеггер.

«Махинативность» М. Хайдеггера

В своей философии М. Хайдеггер разрабатывает вопрос о Бытии, который основывается на «здесь» человеческого присутствия в мире. В вопросе техники он занимается ее критикой и показывает, насколько тесно та связана с природой человеческого существования и мышления. Философ использует слово «махинативность» (*Machenschaft*). Развернутая характеристика этого понятия рассматривается в работе «Постижение смысла» (*Besinnung*) [12].

В статье переводчика поздних работ М. Хайдеггера А.В. Перцева и Е.С. Ковалевой отмечаются главные признаки махинативности. Это, во-первых, «превращение не только промышленного производства, но и социальной сферы в огромный механизм-“машину”, управляемый посредством инженерии – промышленной и социальной – посредством технологий. Во-вторых, цифровизация есть приравнение одного стандартного индивида к другому; отклонения укладываются в пределы статистической погрешности, которыми можно пренебречь. Современное понимание “машины”: это компьютер, куда может быть занесено все, превратившись в “большие данные”. Инженерное, точнее “политехническое”, мышление может быть определено как признание всемогущества технологий, которые могут быть выражены с помощью статистики и математических формул и реализованы как “программы действий”» [13, с. 52–53].

«Махинативность требует под множеством масок разнообразных насилий заранее полностью обозримой рассчитываемости того, насколько подлежащее подчинению сущее обладает устройством, которым можно располагать и воспользоваться; из этого существенного, но в то же время завуалированного требования проистекает современная техника... Поскольку человек и в эпоху махинативности, обретшей полномочия к ее неограниченному насилию, понимает себя как животное (живое существо), для него самого (равным образом как для “мы”, так и для “я”) остается еще только “пере-живание-выживание” (“Er-lebnis”) как единственный способ вести себя и держать себя, который обеспечивает ему видимость самоутверждения по отношению к сущему в окружении махинативности»³ [12, с. 17]. Иными словами, во времена махинативности человек, еще не готовый признать себя машиной, но понимающий себя как живое существо, пытается само-

утверждаться, проявляя свои «переживания» по поводу «выживания», к которым сводится вся культурная жизнь.

Также в исследованиях А.В. Михайловского о философии техники Хайдеггера отмечается: «Хайдеггер последовательно интерпретирует технику как “Machenschaft” (“распоряжение сущим”) в контексте внутренней полемики с “Рабочим”. Внутри “бытийно-исторического” мышления техническая современность оказывается эпохой совершенного нигилизма, основные черты которой – тотальное опредмечивание всего сущего и планетарное господство солдата–рабочего» [14, с. 389]. И далее он приходит к выводу о двояком отношении философа к технике: «Хайдеггер находился перед ясной альтернативой: либо “подлинная”, “творческая” техника, следующая природе и отвечающая здесь-бытию народа, или “тотальная мобилизация” – техника, которая забывает о своей сущности как “ноу-хау”, превращается в безоглядное производство и в качестве таковой обретает планетарное измерение» [14, с. 391].

Собирание всех явлений как природы, так промышленности, образования и культуры воедино, к так называемым Big Data, может оказаться последней ступенью, на которой дематериализуется все, прекращая существовать – действовать, поскольку всякое неподконтрольное действие перестает быть терпимым контролерами⁴. «Тотальность-всеобщность есть последнее божество-идол опустошения-выдалбливания всего и всяческого сущего и превращения его просто в последующее звено, служащее только средством для обеспечения упорядочивания, которое упорядочивает порядок» [2, с. 167].

Заключение

Глобальная технологизация и цифровизация всего происходящего приведут к победе слоя лиц, обладающих превосходящей «волей к власти», т. е. волей к наведению порядка просто ради удовлетворения своих внутренних по-

³Здесь и далее перевод немецкого текста доктора философских наук, профессора А.В. Перцева.

⁴Подробнее о махинативности см. [12].

требностей: «Новоевропейская техника – это не что иное, как “воля к власти”, доведение до логического конца господства субъекта над природой, которая стала для него чем-то чуждым, непонятным, даже страшным» [15, с. 368].

Таким образом, мы сегодня оказались в мире, оторванном от подлинного человеческого существования. Вопрос техники и цифровизации, их угрозы – это глубинный вопрос технологии, махинативности, «делаемости» и, что важно, технологии управления. «Сейчас мы являемся свидетелями того, как информационные, политические и медицинские технологии постепенно сближаются... Срастаясь друг с другом, эти технологии получают все больше власти и контроля над человеком» [2, с. 369].

Какова же роль философии в данном вопросе? Мы считаем, что ее роль не должна быть

определена как собирание Big Data (это функция информатики или кибернетики). Вслед за М. Хайдеггером философы и философия сегодня должны оценить, как эти процессы (такие как технологизация, цифровизация, глобализация и пр.) перестраивают нашу картину мира, мобилизуют человечество в глобальном масштабе. Здесь также необходима коллаборация с социологией, антропологией и этнографией. Тем не менее для Хайдеггера философия никогда не будет означать изучение «повседневных практик» с социологической, антропологической или этнографической точки зрения. Скорее философия для него означает подвержение сомнению основополагающих онтологических убеждений, способов существования техники посредством конфронтационного диалога («Auseinandersetzung»).

Список литературы

1. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 года № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Михайловский А.В., Пилявский Н.А. Мартин Хайдеггер и будущее: почему у техники не техническая сущность и зачем нужна поэзия в XXI веке? // М. Хайдеггер и русская философская мысль: коллектив. моногр. / отв. ред. Ю.М. Романенко. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. С. 356–378.
3. Дрейфус Х. Хайдеггер о взаимосвязи нигилизма, искусства, техники и политики // Мартин Хайдеггер: сб. ст. / сост. Д.Ю. Дорофеев. СПб.: РХГИ, 2004. С. 508–541.
4. Хесле В. Философия техники М. Хайдеггера // Философия Мартина Хайдеггера и современность. М.: Наука, 1991. С. 138–153.
5. Luckner A. Heidegger und das Denken der Technik. Bielefeld: Transcript, 2008. 150 s.
6. Zimmerman M.E. Heidegger's Confrontation with Modernity: Technology, Politics, and Art. Bloomington: Indiana University Press, 1990. 336 p.
7. Перцев А.В., Циплакова Ю.В. Хайдеггер I и Хайдеггер II: о микропарадигмах в историко-философской науке // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 12. С. 162–169. DOI: [10.30853/mms200569](https://doi.org/10.30853/mms200569)
8. Хайдеггер М. Бытие и время. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
9. Хайдеггер М. Основные проблемы феноменологии. СПб.: Высш. религиоз.-филос. шк., 2001. 446 с.
10. Zwart H. Coming to Terms with Technoscience: The Heideggerian Way // Hum. Stud. 2020. Vol. 43, № 3. P. 385–408. DOI: [10.1007/s10746-020-09554-3](https://doi.org/10.1007/s10746-020-09554-3)
11. Гвардини Р. Гельдерлин. Картина мира и боговдохновенность / пер. с нем. А.В. Перцева, С.П. Пургина. СПб.: Наука, 2015. 490 с.
12. Heidegger M. Gesamtausgabe. Band 66: Besinnung (1938–1939). Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1997. 437 s.

13. Перцев А.В., Ковалева Е.С. История философии как наука и диагностика современности (от махинативности до панк-кинизма) // *Философия сегодня: ценности, перспективы, смыслы: сб. материалов конф.* Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. С. 33–58.

14. Михайловский А.В. Ранняя мысль М. Хайдеггера о технике: между критикой культуры и героическим реализмом // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер.: Философия. Психология. Педагогика.* 2016. Т. 16, № 4. С. 387–393. DOI: [10.18500/1819-7671-2016-16-4-387-393](https://doi.org/10.18500/1819-7671-2016-16-4-387-393)

15. Перцев А.В., Ковалева Е.С. «Духовная ситуация времени» как историко-философский диагноз эпохи // *Интеллект. Инновации. Инвестиции.* 2021. № 3. С. 117–129. DOI: [10.25198/2077-7175-2021-3-117](https://doi.org/10.25198/2077-7175-2021-3-117)

References

1. Decree of the President of the Russian Federation No. 474 Dated 21 July 2020 “On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030”. Accessed from Consultant Plus Law Assistance System (in Russ.).

2. Mikhaylovskiy A.V., Pilyavskiy N.A. Martin Khaydegger i budushchee: pochemu u tekhniki ne tekhnicheskaya sushchnost' i zachem nuzhna poeziya v XXI veke? [Martin Heidegger and the Future: Why Does Technology Have No Technical Essence and Why We Need Poetry in the 21st Century?]. Romanenko Yu.M. (ed.). *M. Khaydegger i russkaya filosofskaya mysl'* [Martin Heidegger and Russian Philosophical Thought]. St. Petersburg, 2021, pp. 356–378.

3. Dreyfus H. Khaydegger o vzaimosvyazi nigelizma, iskusstva, tekhniki i politiki [Heidegger on the Connection Between Nihilism, Art, Technology, and Politics]. Dorofeev D.Yu. (comp.). *Martin Heidegger.* St. Petersburg, 2004, pp. 508–541.

4. Khesle V. Filosofiya tekhniki M. Khaydeggera [M. Heidegger's Philosophy of Technology]. *Filosofiya Martina Khaydeggera i sovremennost'* [Martin Heidegger's Philosophy and Modernity]. Moscow, 1991, pp. 138–153.

5. Luckner A. *Heidegger und das Denken der Technik.* Bielefeld, 2008. 150 p.

6. Zimmerman M.E. *Heidegger's Confrontation with Modernity: Technology, Politics, and Art.* Bloomington, 1990. 336 p.

7. Pertsev A.V., Tsiplakova Yu.V. Khaydegger I i Khaydegger II: o mikroparadigmakh v istoriko-filosofskoy nauke [Heidegger I and Heidegger II: On Micro-Paradigms in Historical and Philosophical Science]. *Manuskript*, 2020, vol. 13, no. 12, pp. 162–169. DOI: [10.30853/mns200569](https://doi.org/10.30853/mns200569)

8. Heidegger M. *Bytie i vremya* [Being and Time]. Kharkiv, 2003. 503 p.

9. Heidegger M. *Osnovnye problemy fenomenologii* [Key Problems of Phenomenology]. St. Petersburg, 2001. 446 p.

10. Zwart H. Coming to Terms with Technoscience: The Heideggerian Way. *Hum. Stud.*, 2020, vol. 43, no. 3, pp. 385–408. DOI: [10.1007/s10746-020-09554-3](https://doi.org/10.1007/s10746-020-09554-3)

11. Gardini R. *Hölderlin: Weltbild und Frömmigkeit.* Leipzig, 1939. 564 p. (Russ. ed.: Gvardini R. *Gel'derlin. Kartina mira i bogovdokhnovlennost'*. St. Petersburg, 2015. 490 p.).

12. Heidegger M. *Gesamtausgabe. Vol. 66: Besinnung (1938–1939).* Frankfurt am Main, 1997. 437 p.

13. Pertsev A.V., Kovaleva E.S. Istoriya filosofii kak nauka i diagnostika sovremennosti (ot makhinativnosti do pank-kinizma) [History of Philosophy as a Science and as a Diagnostics of Modernity (from Machination to Punk-Cynicism)]. *Filosofiya segodnya: tsennosti, perspektivy, smysly* [Philosophy Today: Values, Prospects, Meanings]. Yekaterinburg, 2021, pp. 33–58.

14. Mikhaylovskiy A.V. Heidegger's Early Theory of Technology: Between Cultural Criticism and Heroic Realism. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*, 2016, vol. 16, no. 4, pp. 387–393 (in Russ.). DOI: [10.18500/1819-7671-2016-16-4-387-393](https://doi.org/10.18500/1819-7671-2016-16-4-387-393)

15. Pertsev A.V., Kovaleva E.S. “Spiritual Situation of Time” as a Historical and Philosophical Diagnosis of the Era. *Intellect. Innov. Invest.*, 2021, vol. 3, pp. 117–129 (in Russ.). DOI: [10.25198/2077-7175-2021-3-117](https://doi.org/10.25198/2077-7175-2021-3-117)

DOI: 10.37482/2687-1505-V227

Ekaterina S. Lebed'

Surgut State University;
prosp. Lenina 1, Surgut, 628412, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4241-8395> e-mail: kkovaleva2@yandex.ru

THE PROBLEM OF TECHNOLOGY AND TECHNOLOGIZATION OF MODERN PROCESSES THROUGH THE PRISM OF MARTIN HEIDEGGER'S METHODOLOGY

In this article, on the basis of the philosophical method of Martin Heidegger (1889–1976), an attempt is made to show how the distance separating the world of philosophy from the world of high technology can be overcome. The purpose of the study is to extrapolate Heidegger's way of thinking onto the modern processes of technologization and digitalization as well as to demonstrate how Heideggerian philosophy can be used in practice today. Thus, we need to take a step back and reconsider Heidegger's attempts to develop a new way of questioning and thinking. This article is relevant due to the increasing technologization and digitalization of all spheres of human life, including education, culture and philosophy. To identify the weaknesses and shortcomings of the concept of digitalization, it is contrasted with the Heideggerian critique of technological thinking in general and its digital component in particular. The paper demonstrates the way to bridge the gap between technology and the true being of humans. Further, the article considers the evolution of Heidegger's analysis and attitude to technology during the development of his philosophical thought: from analysing Dasein (human existence as being) in the early period to shifting the focus to language, poetry and language of poets in the later period. In Heidegger's philosophy, such poetry is the poetry of Friedrich Hölderlin (1770–1843). The concept of *Machenschaft* (machination) as a justification of the manufacturability of the processes of human life is considered. The main signs of machination are presented: transformation of the social sphere into a huge mechanism – “machine” – controlled by technology; digitalization as an equalization of individuals; recognition of the omnipotence of technologies implemented as “programmes of action”. In the era of machination, a person cannot yet recognize himself as a machine and considers himself a living being with his own experiences. It is concluded that philosophy should take on a leading role in determining and critically evaluating the new human worldview on a global scale.

Keywords: *philosophy of technology, human existence, M. Heidegger, history of philosophy, digitalization, machination, manufacturability.*

Поступила 26.05.2022
Принята 10.11.2022
Опубликована 16.12.2022

Received 26 May 2022
Accepted 10 November 2022
Published 16 December 2022

For citation: Lebed' E.S. The Problem of Technology and Technologization of Modern Processes Through the Prism of Martin Heidegger's Methodology. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 6, pp. 102–108. DOI: 10.37482/2687-1505-V227

УДК 114+130.3(470.1/.2)

DOI: 10.37482/2687-1505-V228

*УСОВ Алексей Александрович, младший научный сотрудник научного центра традиционной культуры и музейных практик Федерального исследовательского центра комплексного изучения Арктики имени академика Н.П. Лаверова Уральского отделения Российской академии наук (г. Архангельск)
Автор 13 научных публикаций**

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0466-0124>

ТРИАДА «ПРИРОДА – ЧЕЛОВЕК – КУЛЬТУРА» В КОНСТРУИРОВАНИИ ГЕОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА РУССКОГО СЕВЕРА¹

В статье представлены результаты многолетних исследований геокультурного пространства Русского Севера, его образно-символического каркаса. Рассмотрены концептуально-методологические основания изучения принципов конструирования геокультурного пространства, а также отечественные и зарубежные теории культурного ландшафта. Предложена авторская теоретическая модель «природа – человек – культура», раскрывающая проблему преодоления диалектического противоречия в постижении севернорусского пространства в аспекте адаптации и духовного Преображения. Раскрываются этнокультурные смыслы пространства (ландшафта) Русского Севера в контексте триады «природа – человек – культура». Формирование символического пространства происходит в процессе освоения северных территорий и их «присвоения», выраженного в актах осмысления (как самого северного мира, так и места человека в нем) и продвижения. Автор приходит к выводу о том, что освоение пространства Севера – это критически напряженный процесс, где оба полюса человеческого бытия, духовный и физический, максимально проявлены. Исходя из двойственной природы человека, освоение пространства Севера реализуется на двух уровнях: материальном (физическом) и духовном. Результатом подобного освоения становится культурный ландшафт – элемент геокультурного пространства, в котором человек выступает одновременно субъектом и мерой его потенциального развития. Практическая значимость работы заключается в решении проблемы актуализации культурных севернорусских ландшафтов как базисной составляющей региональной и русской национальной культуры; формировании социокультурных констант, определяющих пространствен-

*Адрес: 163069, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 23; e-mail: usov@fciarctic.ru

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-20502, <https://rscf.ru/project/22-28-20502/>

Для цитирования: Усов А.А. Триада «природа – человек – культура» в конструировании геокультурного пространства Русского Севера // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 6. С. 109–118. DOI: 10.37482/2687-1505-V228

ные координаты социально-экономического развития Севера. Научная значимость и актуальность работы обусловлены необходимостью реконструкции геокультурных и геоисторических образов Русского Севера и Русской Арктики как символического ресурса развития Северного макрорегиона.

Ключевые слова: *Русский Север, Русская Арктика, Поморье, конструирование пространства, геокультурное пространство, культурный ландшафт, триадология.*

Одной из актуальных, фундаментальных и прикладных тем геокультурных исследований Русского Севера и Русской Арктики является изучение культурно-семиотических механизмов конструирования пространства, укорененных в традиционной культуре локальных и этнических сообществ высоких широт, с целью адаптации наследия к условиям и задачам современного пространственного развития территорий Северного макрорегиона. В связи с этим значимым представляется обращение к изучению троичного принципа – ключевого концепта построения и триадологического осмысления процессов и результатов освоения иноприродного и инородного геопространства Севера и превращения его в «свое», «родное» геокультурное пространство Дома. Актуальность и методологическая продуктивность данного подхода в философских, религиоведческих и культурологических исследованиях изложены и обоснованы в монографии Е.П. Борзовой, посвященной раскрытию роли триалектики миропонимания, триединства, триады и троичности в контексте изучения философии, истории культуры, а также глобальных аспектов развивающейся мировой действительности [1].

Тернарные и дуальные модели организации пространства традиционной культуры финно-пермских и славянорусских аборигенов и колонистов Севера впервые были исследованы в трудах Н.М. Терехихина, которые посвящены структурно-семиотическому анализу строительного мифа и ритуала [2] и построению целостной геопанорамы сакральной географии Русского Севера [3].

В статье наряду с геокультурным пространством рассматриваются «соседние» концепты культурного ландшафта и символического

пространства. Последнее может быть описано через триаду «природа – человек – культура». При этом человек как организующее начало занимает в ней центральное (среднее) положение. Природное пространство Русского Севера также описывается через данную триаду как текст, который в результате процесса символического «цитирования», воплощающегося в осмыслении и преобразовании, и предстает в качестве фактора формирования этнического характера и менталитета населения как Севера в целом, так и Поморья в частности. Русский Север и Русская Арктика в категориях климата, ландшафта, растительности, пейзажной эстетики (включающей категории Меры и Красоты) формировали у поморов их менталитет и особый «промысловый» социокультурный комплекс, основывали и выстраивали природный каркас их геокультурного пространства.

Значимое место в концептуально-методологических разработках проблем геокультуры Арктики занимает концепция «культурного ландшафта». В российской культурной или гуманитарной географии можно выделить следующие ключевые подходы: информационно-аксиологический (Ю.А. Веденин, М.Е. Кулешова [4], Р.Ф. Туровский [5]), этнокультурный или этнолого-географический (В.Н. Калущков [6]), феноменологический (ландшафтная герменевтика культуры) (В.Л. Каганский [7]), ландшафтный (Б.Б. Родоман [8]). Развернутый аналитический обзор современных зарубежных концепций культурного ландшафта был осуществлен в работах известного российского географа В.Н. Стрелецкого [9; 10].

Особый интерес в контексте настоящего исследования представляет семиотическая концепция культурного ландшафта, разработанная

исследовательницей семиотики пространства и времени О.А. Лавреновой. Согласно ее идеям, культурные ландшафты представляют собой информационно-территориальные кластеры: систему кодов культуры, выраженных в знаках, символах и физически-воплощенных артефактах, которые связаны с конкретными территориями; такая система может быть интерпретирована как текст в его широком культурологическом значении [9]. Совокупность культурных ландшафтов образует геокультурное пространство – это «информационно-семантическая форма существования культур в пространстве, обладающая глобальной целостностью, имеющая эйдетику, идеациональную, символическую составляющую» [11, с. 13].

Мы считаем оправданным обращение к конкретной территории Русского Севера, обособление ее от геокультурного пространства всего Арктического региона, т. к. последний «имеет геокультурный и образно-географический потенциал, позволяющий говорить о множестве геокультур. Геокультурный потенциал измеряется мощностью, силой проецируемых во вне специализированных географических или геокультурных образов, которые сосуществуют, переплетаются, взаимодействуют в различных геокультурных пространствах» [12, с. 10]. Как отмечает франко-канадский исследователь имажинальной географии циркумполярного мира Д. Шартье, в любой работе, посвященной Северу и Арктике, необходимо учитывать культурные и гуманитарные аспекты, которые были недооценены в западной традиции, в противном случае понимание и переосмысление системы знаков, которой и является исследуемое им изображение Севера, будут лишены своего культурного своеобразия и сведутся к общим местам [13].

С одной стороны, культурные основания пространства Севера базируются на природной составляющей (в соответствии с концепцией представителя поморской семиотической школы В.Н. Матонина: природа – «текст», культура – его «цитирование» [14]). С другой, эти культурные основания могут быть сопоставлены в

логике интерпретации этносемиотики народов Севера, где соотношение национального менталитета и природной среды, в которой существует этнос, имеет специфическую взаимозависимость.

Значимый вклад в изучение и интерпретацию проблемы неразрывной связи Человека и Природы в экстремальных условиях Севера и Арктики вносят труды известного российско-американского ученого И.И. Крупника, раскрывшего целостную геопанораму «арктической этноэкологии» [15–16]. Ее основу составляют исследования в области жизнеобеспечения, природопользования и экологического поведения – главных сферах взаимоотношений традиционных обществ с окружающей их средой, которые поддаются эмпирическому анализу (архаические и традиционные общества Русского Севера и Русской Арктики, аборигенные этносы Аляски, Канады, Гренландии и др. [17]). Таким образом, сфера духовных отношений человека с природой (ритуальных, эстетических, нравственных) остается вне рамок этноэкологии и должна быть проанализирована с позиций этносемиотики.

Структура символического пространства в контексте традиционной культуры (например, севернорусских территорий) имеет устойчивую трехчастную иерархическую композицию. Она последовательно воссоздается на каждом таксономическом уровне: от тернарной мифопоэтической модели мироустройства (верхний, средний, подземный миры) до конструкции традиционного жилища. При этом трехчастность структуры дома повторяется как в рамках архитектурно-планировочного устройства (крыша с подволокой, жилое помещение, подклет с фундаментом – основные элементы устройства здания) [18], так и в процессе его возведения, где отдельным этапам (укладка первого венца, укладка матицы, устройство крыши) придается символический, ритуально-мифологический смысл начала – середины – конца [19–21]. Таким образом, природные и рукотворные объекты интерпретируются как модели, в которых «явлено уплотнение онтологической карты всего бытия»

[22, с. 72]. Микрокосм становится сопричастен и соразмерен макрокосму.

Для исследования структуры геокультурного пространства Русского Севера мы обращаемся к модели социокультурного пространства севернорусской деревни, воплощающей инвариант северного культурного ландшафта, которая была разработана В.Н. Матониным: «В широком смысле “сельский мир” – это социокультурное пространство, в котором осуществляется актуализированный коммуникативный процесс, в котором участвуют природа (ландшафт), человек (образ Божий) и общество (община). Структура социокультурного пространства включает в себя духовное (культуное), душевное (культурное) и телесное (экзистенциальное) измерения» [23, с. 31].

Модель В.Н. Матонина может быть спроецирована на геокультурное пространство Русского Севера, которое по своей «форме» соотносится с «сельским миром». Предложенная структура «природа – человек – культура» становится здесь сообразна триаде «ландшафт – человек – общество», но не равна ей. Прочтение последней как «ландшафт – Образ Божий – община» приобретает в геокультурном пространстве иные коннотации: «материал – творец – творение». Подобная интерпретация возможна благодаря применению методологического подхода В.Н. Матонина, в соответствии с которым природа есть «текст», тогда как культура – это его «цитирование». В данном контексте особенно важно еще раз подчеркнуть, что мы говорим не о последовательной замене отдельных элементов триад при их созвучии (например, указании на синонимичность «общины» и «культуры»), но лишь утверждаем тезис соразмерности структуры пространств в рамках одной культуры и, в более широком смысле, одной Традиции (метафизики Севера).

Указанный подход созвучен с космофией Г.Д. Гачева. В его трудах единое устройство бытия национальных образов мира раскрывается через категорию «космо-психо-логоса»: единства национальной природы, склада психики и мышления народа. В космофии Природа (об-

раз Матери) – это исполненный смыслов текст, в то время как народ (метафорический супруг Природы) разгадывает ее зов, осваивает и преобразует (присваивает), создавая культуру. В свою очередь, между природой и культурой не устанавливаются иерархические отношения, они продолжают сосуществовать в тождественности и дополнительности [24, с. 11].

В основе триады «природа – человек – культура» лежит идея преодоления казалось бы обособленных и несводимых друг к другу географического пространства и культуры через категории человека-мыслителя и человека-творца, актуализирующих процессы как активного преобразования материи, так и интенсивного семиозиса. В данном контексте можно выделить несколько положений, определяющих место человека в вопросе соотношения пространства как природной среды (включающей конкретные для локальной территории ландшафт, природно-климатические условия и ресурсную базу) и культуры (как изъятых, преобразованных в артефакты или осмысленных, т. е. «проецированных» и таким образом присвоенных человеком образцов «текста» природы).

Прежде всего, это интенциональный (намеренный, целеположенный) характер преобразования пространства Природы в пространство Культуры. Освоенное пространство, трансформированное в культурный ландшафт, всегда обусловлено двойственностью причин, побудивших человека преобразовать Природу. Основанием этого является его собственная двойственная, двухполюсная сущность. Как отмечает философ-традиционалист А.Г. Дугин, концепция человека может быть рассмотрена с точки зрения двух антропологических моделей: «минимального гуманизма» и «максимального гуманизма» [22, с. 30–31]. Согласно первой, человек – это актуальная, неизменная и самостождественная константа. Он обречен на онтологическое изгнание в одну из точек Бытия, неважно в центр или на периферию. Такая модель полностью лишена динамики, противоречий, развития, а значит, ограничена во внутренних и внешних потенциях. Модель «максимального

гуманизма», напротив, описывает человека как «поле борьбы двух начал»; как процесс, обусловленный противостоящими друг другу функциями: «биоавтомата» (зверомашины) и «светового начала» (богочеловека). В этой диалектике «сектор человеческого не выделяется в некую отдельную герметически замкнутую область, но представляет собой поле свободного обмена, насыщенной циркуляции божественных, человеческих, животных, вегетативных и минеральных энергий» [22, с. 73].

Модель «максимального гуманизма» помогает наглядно охарактеризовать антропологическое измерение Севера – место борьбы полюсов человеческого бытия на сакральном и мирском уровнях – в качестве пространства крайней предельности, обладающего ярко выраженным метапровокативным статусом. Данный тезис, выдвинутый В.Н. Матониным, в исходном значении характеризует социокультурное пространство северных сообществ как место борьбы или неустойчивого баланса противостоящих сил, где явления, выдвинутые на предельные рубежи бытования, являют себя в наиболее яркой и эксплицитной форме [14]. Однако в контексте настоящей работы понятие «метапровокативный статус» обладает, прежде всего, эвристическим потенциалом для раскрытия экстремальности организации пространственных отношений в процессе освоения северных территорий.

Пространство Севера и Арктики цитируется и присваивается на двух полюсах человеческого существования в модели «максимального гуманизма». В призме зверочеловеческого начала человек осваивает Север в процессе приспособления к условиям окружающей среды. Ключевыми для него становятся выживание, стремление удовлетворить самые базовые физиологические (органические) потребности, а также обеспечение безопасности. Низкие температуры, осадки, переменчивый рельеф, сложность ведения хозяйства, борьба с морской стихией, выстраивание взаимоотношений с аборигенным населением побуждают человека к проявлению своих самых выдающихся качеств: мужества, терпения, выносливости,

наблюдательности, спокойствия [14]. В сущности, они и являются сжатым содержательным определением поморского субэтноса. Богочеловеческое начало также включено в процесс метафизической доместики северных территорий. Но причины, побуждающие человека обратиться к Северу, лежат в ином, отличном от бихевиоризма, инстинктов и потребностей измерения. В.Н. Матонин указывает на первостепенное значение концепта «преображение» как на ключевую метафору, отражающую процесс движения на Север. Преображение – это результат «перехода» (границы), идеал, выражение личного спасения, приобретения новых человеческих качеств в экстремальных условиях: «Опасность побуждает к покаянию, а покаяние предшествует Преображению» [23, с. 40].

Анализируя дуальный характер русской культуры, в которой нижняя и верхняя границы, духовное и телесное сопряжены и нераздельны, Н.М. Теребихин отмечает пронизанность природного (нижнего) мира духовностью божественного (верхнего), которая обусловила специфический характер русского типа освоения географического пространства. Ведущей идеей в данном случае выступает не преобразование, а именно Преображение. Природный мир – творение Божие, в нем явлен образ Творца, и потому грубое физическое вторжение в природу, по мысли русского человека, приведет к искажению этого Первообраза не только в божественной красоте природы, но и в самом преобразователе, обуреваемом грехом гордыни и самоволия [25, с. 48]. В стремлении к Преображению идеальный образ культурного ландшафта становится первичен по отношению к географической реальности. Он изначально укоренен в этнических основаниях культуры, в глубинах народной души и выражается в «особой пространственной ментальности, в пространственных стереотипах мысли и поведения, слова и дела» [25, с. 48].

Отсюда следует, что место человека в геокультурном пространстве Русского Севера может быть определено только исходя из расширенного понимания пространства в качестве

текста, системы смыслов внутри обособленной семиосферы русской культуры. Особое значение в данном аспекте приобретает сам концепт «Русский Север», имеющий насыщенный антропологический характер. Как сторона света Север воплощает в большей степени природную составляющую своей онтологии. Север – это неосвоенные земли, маркер места в пространстве, особые природно-климатические характеристики. Однако Русский Север приобретает совершенно иную коннотацию как понятие культурологическое и культурфилософское, поскольку включает в себе смыслы, связанные с особой «русскостью» осмысляемой территории. Словосочетание «Русский Север» транслирует идею освоения и присвоения пространства человеком, т. е. его «окультуривания». Для понимания принципа присвоения будет уместным обратиться к одному из определений культуры, данному В.А. Подорогой: «Все, чтобы быть культурой, должно быть включено в тотальный ритуал присвоения. Культура есть способ существования живых существ, развивших в себе способность к присвоению сделанного <...> Что-то делается, но в качестве сделанного оно предстает только в момент присвоения. Присвоение дает место сделанному, по сути, наделяет его качествами культурного образца <...> Культура ничего не производит, не делает, не творит, но все присваивает, делает годным к потреблению <...> Культура не может быть собственностью или “вещью”, она только способ...» [26, с. 16].

Своеобразие Русского Севера заключается в его «антропологической соразмерности» именно в границах севернорусской семиосферы, его изначальной «очеловеченности». До начала процессов русской колонизации это пространство не было местом полноправного хаоса неструктурированной природы, но являлось сферой бытия «другого» – коренных народов, населявших данную территорию. В этом видится отличие заселения Севера, например, от освоения Арктики (Заполярья), которая в своем первозданном виде открывалась перво-

проходцам как место действия чистых природных сил, необузданной стихии. Путешественники конца XIX – начала XX века описывали это место через категории солнца, воды, льдов, пустыни и смерти. Арктика была опасной из-за «нечеловеческого» характера пространства. Север, напротив, не ассоциировался со «странной смерти» (хотя в физическом плане и соотносился с зимой, снегом, морозом), но был опасен своей населенностью, предшествующей колонизации, присвоенностью человеком.

Процесс освоения природного пространства был не просто движением через новые территории, но землепрохождением, в широком смысле – странничеством. Для него характерно экстенсивное (беспредельное) освоение внешнего мира, где конечная цель определялась как включение пространства во внутренний строй народной души: «Главный герой русского освоения просторов Севера – это странник, который мучим духовной жаждой обретения “нового неба и новой земли” – Обетованной Земли Царства Небесного <...> Страннолюбие – это один из ключевых образов-архетипов пространства русской души. Он включает в себя представления о “странности” как неотмирной инаковости, чуждой ценностям мира сего» [25, с. 220].

Север – это место, где «ситуация “границы” располагает личность к рефлексии о вечном. Человек, достигший края, видит дальше и больше других. Это создает предпосылки для обретения нового качества, в профанном значении – перехода. В духовном значении создается условие для Преображения» [23, с. 77]. Это движение к краю, «северное направление» также провоцирует и готовность к творчеству. Сама жизнь на Севере понимается крестьянином как «форма творчества» [14, с. 224]. На периферии известного мира все физические и эмоциональные силы тратятся на преодоление препятствий на синхроническом, «дольнем» (выживание, движение на Север) и диахроническом, «горнем» уровнях (обретение новых духовных качеств). Человек обращает свои усилия и потенции на окружающий и внутренний

миры. Межличностные отношения в подобной системе строятся, преимущественно, на диалоге, т. к. насилие в экстремальных природных условиях является «неперспективным способом решения насущных социально-экономических проблем» [14, с. 85]. Но нельзя не отметить: там, где пограничность географическая и духовная пересекается с пределами государственными, люди все же будут втянуты в сферу вооруженных столкновений.

Север обладает даром раскрытия духовных потенций человека, создавшего на этих просторах Святое царство Северной Фиваиды. Духовные устремления становятся константой, определяющей будущее своеобразие различных сфер человеческой жизни. При этом духовность не остается чисто умозрительной характеристикой, взаимопроникнутой природными основаниями, но в призме триады «природа – человек – культура» воплощается на Севере в явных физических формах. Именно сочетание особенностей природного пространства, разнообразия ландшафтов и духовных устремлений породило особую севернорусскую монашескую и монастырскую культуру, а также выразительную храмовую архитектуру. Духовными центрами освоения пространства Севера были монастыри, вокруг которых могли развиваться поселения.

В этих местах символическое пространство Севера как бы уплотняется, а его семиотический статус и метафорический потенциал многократно усиливаются. Подвергнутый антропогенному влиянию ландшафт наполняется осмысленными географическими объектами – «реперами», трансформируется в знаковую систему – текст северной культуры. Храмы становятся не просто объектами деревянного зодчества (что уже включает в себе местные культурные смыслы), но вертикальными константами, векторами «горних» координат. Монастыри же обретают образ судов, Ковчегов (что максимально явлено, например, в крепост-

ных стенах Спасо-Преображенского Соловецкого монастыря) среди вод «моря житейского». И каждый монастырь, а в особенности островной, благодаря «тотальной онтологической соразмерности» микро- и макрокосмоса природной и культурной иерархий манифестирует сакральные геокультурные константы, идеологии и образы Русского Севера.

Таким образом, освоение пространства Севера – это критически напряженный процесс, где оба полюса человеческого бытия, духовный и физический, максимально проявлены. Ландшафт, через динамику его освоения, оказывается соразмерен человеку. Насколько периферийно и оттого предельно онтологическое существование людей, заключенное в процессуальности борьбы противоположных начал, настолько же предельно и от того периферийно бытие преобразованного и осмысленного ими пространства.

Исходя из двойственной природы человека, освоение пространства Севера реализуется на двух уровнях: материальном (физическом) и духовном. Физическое преобразование мира определено задачами выживания, адаптации к природным условиям. Духовное преобразование проистекает из потребности человека в осмысленном, наполненном знаками окружающем пространстве. Результатом подобного освоения становится культурный ландшафт – элемент геокультурного пространства, в котором человек выступает одновременно субъектом и мерой его потенциального развития. Переход природы в культуру в триаде «природа – человек – культура» осуществляется не столько через цитирование, мимезис и физическое преобразование, сколько через осмысление своего места в ней и ее символическое присвоение в акте тотальной сопричастности божественному. Так формировались культурные смыслы символического пространства Русского Севера, которое может быть описано через триаду «природа – человек – культура».

Список литературы

1. Борзова Е.П. Триадология. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусства, 2007. 671 с.
2. Терехихин Н.М. Строительная обрядность пермских финно-угров: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981. 176 с.
3. Терехихин Н.М. Сакральная география Русского Севера: (Религиозно-мифологическое пространство севернорусской культуры). Архангельск: Изд-во Помор. междунар. пед. ун-та, 1993 (1994). 223 с.
4. Культурный ландшафт как объект наследия / под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. М.: Ин-т Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 617 с.
5. Туровский Р.Ф. Культурные ландшафты России. М.: Рос. НИИ культ. и природ. наследия, 1998. 208 с.
6. Калущков В.Н. Ландшафт в культурной географии. М.: Новый хронограф, 2008. 317 с.
7. Каганский В.Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое лит. обозрение, 2001. 576 с.
8. Родман Б.Б. Саморазвитие культурного ландшафта и геобионические закономерности его формирования // Географические науки и районная планировка. Вопросы географии: сб. ст. М.: Мысль, 1980. С. 117–127.
9. Стрелецкий В.Н. Концепт культурного ландшафта в мировой культурной географии: научные истоки и современные интерпретации // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2019. Т. 1, № 36. С. 48–78.
10. Стрелецкий В.Н. Культурно-ландшафтные исследования за рубежом: национальные традиции и научные школы в мировой культурной географии // Псков. регион. журн. 2020. Т. 3, № 43. С. 73–91. DOI: [10.37490/S221979310010477-7](https://doi.org/10.37490/S221979310010477-7)
11. Лавренова О.А. Пространства и смыслы: семантика культурного ландшафта. М.: Ин-т Наследия, 2010. 327 с.
12. Романова Е.Н., Замятин Д.Н. Холодный мир: два полюса измерения // Геокультуры Арктики: методология анализа и прикладные исследования: моногр. / под общ. ред. Д.Н. Замятина, Е.Н. Романовой. М.: Изд-во «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2017. С. 6–12.
13. Chartier D. What Is the Imagined North? Ethical Principles. Presses de l'Université du Québec, 2018. 157 p.
14. Матонин В.Н. «Наше море – наше поле». Социокультурное пространство северной русской деревни: генезис, структура, семантика: моногр. Архангельск: САФУ, 2013. 333 с.
15. Крупник И.И. Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989. 270 с.
16. Крупник И.И. Ледовые пространства арктических морей как аборигенный культурный ландшафт // Наследие и современность. 2018. Т. 1, № 4. С. 73–94.
17. Богословская Л.С., Крупник И.И. Культурные ландшафты морских охотников Берингова пролива (по итогам исследований 1970-х – 2000-х гг.) // В фокусе наследия: сб. ст., посвященный 80-летию Ю.А. Веденина и 25-летию создания Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачёва / сост., отв. ред. М.Е. Кулешова. М.: ИГ РАН, 2017. С. 359–381.
18. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Наука, 1976. 407 с.
19. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1983. 191 с.
20. Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник: очерки народной материальной культуры русских, украинцев и белорусов в XIX – нач. XX в. / отв. ред. С.А. Токарев. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. С. 3–458.
21. Пермиловская А.Б. Культурные смыслы народной архитектуры Русского Севера. Екатеринбург: УрО РАН; Архангельск: Правда Севера; Ярославль: ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, 2013. 605 с.
22. Дугин А.Г. Философия политики. М.: Аркоготя, 2004. 616 с.
23. Матонин В.Н. Социокультурное пространство северной деревни: структура, семантика, генезис: дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2015. 319 с.
24. Гачев Г. «Космо-Психо-Логос». Национальные образы мира. М.: Акад. проект, 2007. 511 с.
25. Терехихин Н.М. Метафизика Севера: моногр. Архангельск: Помор. ун-т, 2004. 272 с.
26. Запесоцкий А.С., Межуев В.М., Гусейнов А.А., Подорога В.А., Доброхотов А.Л., Шор Ю.М., Марков А.П., Стёпин В.С. Культурология как наука: за и против: [материалы обсуждения] // Вопр. философии. 2008. № 11. С. 3–31.

References

1. Borzova E.P. *Triadologiya* [Triadology]. St. Petersburg, 2007. 671 p.
2. Terebikhin N.M. *Stroitel'naya obryadnost' permskikh finno-ugrov* [Construction Rituals of the Permian Finno-Ugrians: Diss.]. Leningrad, 1981. 176 p.
3. Terebikhin N.M. *Sakral'naya geografiya Russkogo Severa: (Religiozno-mifologicheskoe prostranstvo severnorusskoy kul'tury)* [Sacred Geography of the Russian North (Religious-Mythological Space of the North-Russian Culture)]. Arkhangelsk, 1993 (1994). 223 p.
4. Vedenin Yu.A., Kuleshova M.E. (eds.). *Kul'turnyy landshaft kak ob'ekt naslediya* [Cultural Landscape as a Heritage]. Moscow, 2004. 617 p.
5. Turovskiy R.F. *Kul'turnye landshafty Rossii* [Cultural Landscapes of Russia]. Moscow, 1998. 208 p.
6. Kalutskov V.N. *Landshaft v kul'turnoy geografii* [Landscape in Cultural Geography]. Moscow, 2008. 317 p.
7. Kaganskiy V.L. *Kul'turnyy landshaft i sovetskoe obitaemoe prostranstvo* [Cultural Landscape and Soviet Ecumene]. Moscow, 2001. 576 p.
8. Rodoman B.B. Samorazvitie kul'turnogo landshafta i geobionicheskie zakonomernosti ego formirovaniya [Self-Development of the Cultural Landscape and Geobionic Patterns of Its Formation]. *Geograficheskie nauki i rayonnaya planirovka. Voprosy geografii* [Geographical Sciences and Regional Planning, Questions of Geography]. Moscow, 1980, pp. 117–127.
9. Streletskiy V.N. Kontsept kul'turnogo landshafta v mirovoy kul'turnoy geografii: nauchnye istoki i sovremennye interpretatsii [Concept of Cultural Landscape in Cultural Geography: Scientific Background and Contemporary Interpretations]. *Chelovek: obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty*, 2019, vol. 1, no. 36, pp. 48–78.
10. Streletsky V. Cultural-Landscape Studies Outside Russia: National Traditions and Scientific Schools in the World Cultural Geography. *Pskovskiy regionologicheskij zhurnal*, 2020, vol. 3, no. 43, pp. 73–91 (in Russ.). DOI: [10.37490/S221979310010477-7](https://doi.org/10.37490/S221979310010477-7)
11. Lavrenova O.A. *Prostranstva i smysly: semantika kul'turnogo landshafta* [Spaces and Meanings: Semantics of the Cultural Landscape]. Moscow, 2010. 327 p.
12. Romanova E.N., Zamyatin D.N. Kholodnyy mir: dva polyusa izmereniya [Cold World: Two Measurement Poles]. Zamyatin D.N., Romanova E.N. (eds.). *Geokul'tury Arktiki: metodologiya analiza i prikladnye issledovaniya* [Geocultures of the Arctic: Analysis Methodology and Applied Research]. Moscow, 2017, pp. 6–12.
13. Chartier D. *What Is the Imagined North? Ethical Principles*. Presses de l'Université du Québec, 2018. 157 p.
14. Matonin V.N. "Nashe more – nashe pole". *Sotsiokul'turnoe prostranstvo severnoy russkoy derevni: genezis, struktura, semantika* ["Our Sea Is Our Field". Sociocultural Space of the Northern Village: Genesis, Structure, Semantics]. Arkhangelsk, 2013, 333 p.
15. Krupnik I.I. *Arkticheskaya etnoekologiya* [Arctic Ethnoecology]. Moscow, 1989. 270 p.
16. Krupnik I. Arctic Sea Ice as Indigenous Cultural "Scape". *Herit. Mod. Times*, 2018, vol. 1, no. 4, pp. 73–94 (in Russ.).
17. Bogoslovskaya L.S., Krupnik I.I. Kul'turnye landshafty morskikh okhotnikov Beringova proliva (po itogam issledovaniy 1970-kh – 2000-kh gg.) [Cultural Landscapes of Sea Hunters in the Bering Strait (According to the Results of Research Conducted in 1970–2000)]. Kuleshova M.E. (ed.). *V fokuse naslediya* [The Focus of Heritage]. Moscow, 2017, pp. 359–381.
18. Meletinskiy E.M. *Poetika mifa* [Myth Poetics]. Moscow, 1976. 407 p.
19. Bayburin A.K. *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan* [House in the Rituals and Ideas of the East Slavs]. Leningrad, 1983. 191 p.
20. Blomkvist E.E. Krest'yanskie postroyki russkikh, ukraintsev i belorusov [Peasant Buildings of Russians, Ukrainians and Belarusians]. Tokarev S.A. (ed.). *Vostochnoslavyanskiy etnograficheskiy sbornik: ocherki narodnoy material'noy kul'tury russkikh, ukraintsev i belorusov v XIX – nach. XX v.* [East Slavic Ethnographic Collection: Essays of Folk Material Culture of Russians, Ukrainians and Belarusians in the 19th and Early 20th Centuries]. Moscow, 1956, pp. 3–458.
21. Permilovskaya A.B. *Kul'turnye smysly narodnoy arkhitektury Russkogo Severa* [Cultural Meanings of the Folk Architecture of the Russian North]. Yekaterinburg, 2013. 605 p.
22. Dugin A.G. *Filosofiya politiki* [Political Philosophy]. Moscow, 2004. 616 p.
23. Matonin V.N. *Sotsiokul'turnoe prostranstvo severnoy derevni: struktura, semantika, genezis* [Sociocultural Space of the Northern Village: Structure, Semantics, Genesis: Diss.]. St. Petersburg, 2015. 319 p.

24. Gachev G. "Kosmo-Psikho-Logos". *Natsional'nye obrazy mira* [Cosmo-Psycho-Logos. National Pictures of the World], Moscow, 2007. 511 p.

25. Terebikhin N.M. *Metafizika Severa* [Metaphysics of the North]. Arkhangelsk, 2004. 272 p.

26. Zapesotskiy A.S., Mezhuiev V.M., Guseynov A.A., Podoroga V.A., Dobrokhotoy A.L., Shor Yu.M., Markov A.P., Stepin V.S. *Kul'turologiya kak nauka: za i protiv* [Culturology as a Science: Pro and Contra]. *Voprosy filosofii*, 2008, no. 11, pp. 3–31.

DOI: 10.37482/2687-1505-V228

Aleksey A. Usov

N. Laverov Federal Center for Integrated Arctic Research of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences;
nab. Severnoy Dviny 23, Arkhangelsk, 163069, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0466-0124> e-mail: usov@fciarctic.ru

THE NATURE–HUMAN–CULTURE TRIAD IN THE GEOCULTURAL SPACE CONSTRUCTION OF THE RUSSIAN NORTH

This article presents the results of many years of research into the geocultural space of the Russian North, its figurative and symbolic framework. The conceptual and methodological foundations for studying the principles of constructing geocultural space as well as Russian and foreign theories of cultural landscape are considered. The paper presents the author's theoretical nature–human–culture model, which elucidates the problem of overcoming the dialectical contradiction in understanding the Northern Russian space in terms of adaptation and spiritual transformation. The article reveals the ethnocultural meanings of the space (landscape) of the Russian North in the context of the nature–human–culture triad. The symbolic space is formed in the process of exploration and "appropriation" of the Northern territories, which is expressed in the acts of comprehension (of both the northern world and the place of the human in it) and expansion. The author concludes that the exploration of the Northern space is a critically intense process, where both poles of human life, spiritual and physical, are manifested to the fullest. Considering the dual nature of humans, the exploration of the Northern space takes place on two levels: material (physical) and spiritual. The result of such exploration is the cultural landscape, i.e. an element of the geocultural space in which a person acts both as a subject and as a measure of its potential development. In terms of practical significance, this paper solves the problem of actualization of the cultural landscapes of Northern Russia as a basic component of the country's regional and national culture, as well as the problem of formation of sociocultural constants that determine the spatial coordinates of the socioeconomic development of the North. The scientific importance and relevance of this research lie in the need to reconstruct the geocultural and geohistorical images of the Russian North and Russian Arctic as a symbolic resource for the development of the Northern macroregion.

Keywords: *Russian North, Russian Arctic, Pomorye, space construction, geocultural space, cultural landscape, triadology.*

Поступила 22.07.2022

Принята 25.11.2022

Опубликована 16.12.2022

Received 22 July 2022

Accepted 25 November 2022

Published 16 December 2022

For citation: Usov A.A. The Nature–Human–Culture Triad in the Geocultural Space Construction of the Russian North. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 6, pp. 109–118. DOI: 10.37482/2687-1505-V228

ФЕДУЛЕНКОВА Татьяна Николаевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 1025 научных публикаций, в т. ч. 16 монографий, 17 учебных пособий*
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>

ВОПРОСЫ КОМПОЗИЦИИ ТЕКСТА

Рецензия на книгу: *Кухаренко В.А. Текст и его структура*. М.: ФЛИНТА, 2020. 188 с. ISBN 978-5-9765-2594-8

Рецензируемая книга интересна тем, что в ней изложен авторский подход к пониманию архитектоники художественного текста. На основе сравнения тенденций в мировой литературе – от Античности, через Ренессанс и до Новейшего времени – В.А. Кухаренко представляет свое видение роли названия и эпиграфа художественного текста, его структуры, таких ее разновидностей, как простая и усложненная линейная композиция, рамочная композиция, композиция по принципу «матрешки», а также выявляет функции вставного текста и высказывает неординарные идеи, связанные с интертекстуальностью.

Ключевые слова: *текст, структура, номинальная плотность, виды композиции, функции вставного текста, интертекстуальность.*

Рассуждая о теоретических предпосылках исследования текста и формулируя их основные положения, В.А. Кухаренко в первую очередь обращает внимание читателя на такие структурные элементы и аспекты, как композиция, заголовок, эпиграф, концепт целого текста, цикл текстов, интертекстуальность.

Главным признаком текста автор книги считает его системность. В своей трактовке автор исходит из утверждения Ю.С. Степанова,

который полагает, что система – это «единое целое, доминирующее над своими частями и состоящее из элементов и связывающих их отношений», совокупность которых составляет ее структуру, что позволяет говорить о структуре системы [1, с. 28]. Отсюда В.А. Кухаренко делается вывод о том, что совокупность структуры и элементов составляет систему.

Квантитативные методы исследования и компьютерные подсчеты дают возможность автору

*Адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17; e-mail: fedulenkova@list.ru

Для цитирования: Федуленикова Т.Н. Вопросы композиции текста // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 6. С. 119–123. DOI: 10.37482/2687-1505-V230

и ее коллегам утверждать, что лексические универсалии текста действительно существуют, при этом антропологичность частотных глаголов также актуальна, как и антропологичность существительных.

Когнитивное направление в лингвистике связано в основном с уточнением понятия «концепт» и его материализации в языке и речи. Анализируя высказывания зарубежных и отечественных лингвистов по этому поводу, В.А. Кухаренко делает вывод о том, что «выход концепта в речь» всегда реализует лишь часть концепта и носит индивидуально-избирательный характер.

Степень развернутости концепта в речи исследуется в двух направлениях: а) способы фиксации в языке и, соответственно, отражения в словаре национального языка, б) способы функционирования в высказывании как устном, так и письменном, т. е. в диалоге и повествовании. Поиски номинативной плотности концепта объединяют оба эти направления. Акцентируя внимание на сути последней, автор подчеркивает, что это «итог детализации, аспектуализации, фрагментации вербализуемого концепта, сумма составляющих его вербальной репрезентации» (с. 96).

Рассматривая феномен номинативной плотности в купе с законом коммуникативной референции, В.А. Кухаренко отмечает, что для кумулятивного образа текста характерно не столько повторение лексем, «означивающих» «профильный» концепт, сколько наращивание его номинативной плотности. Она убеждает, что «наличие большого количества номинаций того или иного концепта свидетельствует о высокой номинативной плотности данного участка языковой системы, что отражает актуальность вербализуемого концепта для сознания народа» (с. 97).

Затрагивая вопрос о дифференциации понятий «ключевые слова» и «тематические слова», автор совершает экскурс в историю дискуссии об общих и различающих их чертах. Идея тематической сетки была предложена еще в конце 1960-х годов Ван Дейком [2] и довольно активно разрабатывалась в течение 20 последующих лет. Частотность слов/лексем отождествляется

лингвистами как с «тематичностью» (И.В. Арнольд, Д. Томас, А. Вежбицкая), так и с ключевыми словами (В.А. Лукин, И.А. Осипова, Ж.Н. Маслова).

Большинство исследователей, однако, различая эти две лексические категории, обращают основное внимание именно на ключевые слова. С последними связывается «художественный концепт», смысловая доминанта определяется на основании ключевых слов текста, соотносимых с понятием частотности» [3, с. 92]. Независимо от того, какой аспект ключевых слов анализируется в той или иной работе, в редком исследовании не упоминается их частотность.

Рассматривая аргументы сторонников противоположных позиций по этому вопросу, В.А. Кухаренко уверенно возражает авторам, включающим частотность в число обязательных параметров ключевого слова, и высказывает оригинальную идею о том, что «очень важное для всей структуры и содержания текста слово может вообще в нем ни разу не повториться, появившись единожды, в заголовке» (с. 100). При этом она иллюстрирует свои наблюдения соотношением количества тематических и ключевых слов в таких известных произведениях англоязычной художественной прозы, как романы Э. Хемингуэя “For Whom the Bell Tolls” и “A Farewell to Arms”.

Действительно, важность слова в ткани текста отнюдь не всегда подкрепляется его повтором. Тем более что в художественном произведении важен не повтор слова сам по себе, а «номинативная плотность концептов», выраженных разными лексическими единицами, в сумме своей накапливающая их кумулятивный образ.

В подтверждение этой мысли автор обращает наше внимание на тот факт, что «единственная категория лексем, всегда и обязательно повторяющихся на протяжении всего текста и как-то не замеченных исследователями, это имена собственные (прозвища, клички) персонажей, вырастающих в кумулятивный образ» (с. 100). Аргументируя данное утверждение, исследователь пишет, что имена неизвестных читателю в начале книги Анны Карениной

или Джейн Эйр по ходу развертывания сюжета превращаются в ключевые слова, обретают номинативную плотность, и их семантический багаж принадлежит не самим именам, а персонажам, так названным.

В.А. Кухаренко показывает, как кумулятивные образы героинь, создаваемые наращиванием номинативной плотности основных концептов текста, в том числе выраженных именами собственными персонажей и их переплетением, образуют когнитивные связи. Последние, вербализуясь, создают связующую лексико-семантическую сетку, которая «держит» текст, т. е. обеспечивает его когезию, когерентность и целостность.

Рассматривая вопросы композиции художественного текста, автор обращается к традициям Древней Греции и Древнего Рима, а также к современным писателям и таким источникам информации, как интернет-энциклопедия «Википедия». Из ряда введенных в употребление терминов (структура, построение, композиция, архитектоника) исследователь, убедительно обосновывая свой выбор, останавливается на композиции и представляет ее возможности и виды.

В процессе своего развития композиция художественного текста претерпела немалые изменения. Основные из них, по замечанию автора, связаны со временем, в котором развивается текст, и непрерывностью/прерываемостью его движения.

Как известно, художественная литература, представляющая собой мысль, зафиксированную письменно, носит линейный характер, так же как и прочие формы «оречевленной» (вербализованной) мысли – диалог, публичная речь, изображенная внутренняя речь. Ни одна из форм устной или письменной речи не может одновременно представить ситуацию, включающую несколько эпизодов: их можно передать только последовательно, один за другим. Композиция текста, не прерываемого временными или пространственными «перебивками», называется линейной.

Описание ситуаций занимает гораздо больше времени, чем их одновременный показ. Для

того чтобы подчеркнуть одновременность происходящего, используются формулы «А в это время...», «Meanwhile», «...At the same time...» и др. Развернутая параллельность сюжетных линий представлена на примере известных романов Д. Брауна «Код да Винчи» (D. Brown “The da Vinci Code”, 2003) и С. Кинга и П. Штрауба «Черный дом» (S. King and P. Straub “Black House”, 2002), где разрабатывается несколько сюжетных линий, каждая из которых подается последовательно.

В.А. Кухаренко объясняет, как роман, отличающийся наличием нескольких сюжетных линий, часто выполняется в усложненной линейной композиции, где одна история, развивающаяся линейно, прерывается другой, тоже развивающейся линейно, т. е. происходит, по выражению Р. Барта, смена «диететических картин» [4].

Рассматривая прозу XXI века, автор характеризует ее в основном как нелинейную, где повествование/нарратив всегда связано с нарушением текущего сюжетного времени. Нарушения эти проходят по-разному. Некоторые из них имеют глубокие корни и обнаруживаются еще в прозе XIX века в виде рамочной композиции (И.С. Тургенев «Вешние воды», Дж. Голсуорси “The Apple Tree”).

Нарушает линейную композицию и вставной текст, который, как правило, выделяется из основного массива отдельной главой и графическими средствами – звездочками, пробелами, изменением шрифта.

Новаторство В.А. Кухаренко видится в подходе к предлагаемой классификации разнообразных функций вставных текстов, которые: а) обеспечивают растяжение времени, сообщая подробности истории жизни проходных персонажей; б) усиливают напряженность повествования, отодвигая развязку основного сюжета; в) способствуют формированию коллективного образа толпы (как, например, в романах С. Рушди); г) создают фон для происходящего за счет включения ряда вставных историй; д) применяются для увеличения объема текста (с. 108).

Дальнейшее усложнение композиции, прослеживаемое автором, происходит при ис-

пользовании писателями принципа «матрешки»: когда рассказчик № 1 не заканчивает свою историю, а передает слово рассказчику № 2 и т. д., подобно тому, как происходит смена кукол в матрешке (см. подробнее [5]).

Затрагивается исследователем и период бурного развития постмодернизма, когда композиция претерпела существенные изменения и стала «индивидуально-авторской», с собственным видением писателя (напр., Х. Каргасара, Х. Мураками, В. Пелевина и др.) организации своего индивидуального творимого мира. Вид новой композиции этого периода определяется В.А. Кухаренко как нелинейная, что объясняется автором фразой: «ибо помимо нарушения принятого и привычного времени практически в каждом есть текст в тексте, несколько пересекающихся историй разных персонажей, необычность ситуаций и характеров» (с. 117).

Анализируя заголовки, В.А. Кухаренко фиксирует важную особенность, подчеркивающую закономерность того факта, что «авторы в основном называют свои произведения не до, а после их завершения: в заголовке следует со-

хранить и определенную недосказанность, чтобы заинтересовать возможного покупателя, и намекнуть на его содержание, чтобы подогреть читательский интерес» (с. 102).

Неординарны заметки В.А. Кухаренко о роли эпитафии в тексте. Весьма интересны также реплики автора по поводу происхождения сравнительно нового термина «интертекстуальность».

Рецензируемая работа написана в форме рассуждения, доверительной беседы, что позволяет автору ненавязчиво, но убедительно донести до сознания читателя свои выпестованные большим исследовательским и экспериментальным опытом идеи и превратить книгу, заявленную как учебное пособие, в увлекательное путешествие в мир теории текста. Объемное видение обсуждаемых вопросов, которое поддерживается историческими реминисценциями в литературные течения эпох Античности, Ренессанса и сравнением их с современными тенденциями, способствует проникновению вглубь обрисованных проблем и прогнозированию перспектив их развития.

Список литературы

1. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Яз. рус. культуры, 1997. 824 с.
2. van Dijk T.A. *Some Aspects of Text Grammars: A Study in Theoretical Linguistics and Poetics*. The Hague: Mouton, 1972. 375 p.
3. Камалова А.А. Художественный текст как скрипт // Образ мира в зеркале языка: сб. науч. ст. М.: ФЛИНТА, 2014. С. 91–97.
4. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
5. Давыдов С. «Тексты-матрешки» Владимира Набокова. СПб.: Кирцидели, 2004. 158 с.

References

1. Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar' russkoy kul'tury. Opyt issledovaniya* [Constants. A Dictionary of Russian Culture. Studies]. Moscow, 1997. 824 p.
2. van Dijk T.A. *Some Aspects of Text Grammars: A Study in Theoretical Linguistics and Poetics*. The Hague, 1972. 375 p.
3. Kamalova A.A. *Khudozhestvennyy tekst kak skript* [Literary Text as a Script]. *Obraz mira v zerkale yazyka* [The Image of the World Mirrored in Language]. Moscow, 2014, pp. 91–97.
4. Barthes R. *Izbrannye raboty. Semiotika. Poetika* [Selected Works. Semiotics. Poetics]. Moscow, 1989. 616 p.
5. Davydov S. *"Teksty-matreshki" Vladimira Nabokova* ["Matryoshka" Texts of Vladimir Nabokov]. St. Petersburg, 2004. 158 p.

DOI: 10.37482/2687-1505-V230

Tat'yana N. Fedulenkova

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov;
nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russian Federation;
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827> e-mail: fedulenkova@list.ru

QUESTIONS OF TEXT COMPOSITION

Review of the book: Kukharenko V.A. *Text and Its Structure*. Moscow, 2020, 188 p. (in Russ.). ISBN 978-5-9765-2594-8

The book under review is interesting in that it outlines the author's approach to understanding the architectonics of a literary text. Based on a comparison of trends in world literature – from classical antiquity, through the Renaissance, to the late modern period – V.A. Kukharenko presents her vision of the literary text's title, epigraph and structure as well as its varieties, such as simple and complex linear composition, frame composition, and composition according to the "matryoshka" principle. In addition, the author identifies the functions of the insert text and expresses some ingenious ideas related to intertextuality.

Keywords: *text, structure, nominal density, types of composition, insert text functions, intertextuality.*

Поступила 21.11.2022
Принята 12.12.2022
Опубликована 16.12.2022

Received 21 November 2022
Accepted 12 December 2022
Published 16 December 2022

For citation: Fedulenkova T.N. Questions of Text Composition. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 6, pp. 119–123. DOI: 10.37482/2687-1505-V230

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ в 2022 году**

№ 1

Балан Е.Г. Основные тенденции мемориальной урбанонимии Испании периода диктатуры Ф. Франко в XX–XXI веках

Белов С.Г., Суслов А.Ю. Провинциальный интеллигент на изломе истории (о чистопольском враче Д.Д. Авдееве – прототипе доктора Живаго)

Беспалова К.А. Направления деятельности агентов Коминтерна в Европе в 1921–1925 годах (по материалам французских архивов)

Жолудева Н.Р., Васютин С.А. Проблемы занятости мигрантов-мусульман во Франции (на примере Парижа) Ч. 2.

Звездин Л.А. К горизонтам ментальности человека в континууме медиа

К юбилею профессора А.А. Киселёва

Колесникова О.П. Энантисемичные синтаксические конструкции с *als würde* в немецком языке

Маджаева С.И., Кислякова Е.Ю. Языковая картина мира в коммуникативном пространстве здоровых и больных

Обидина Ю.С. Орфический миф о смертной судьбе души в философии Платона

Попова А.Д. «В нашем деле и “мелочи” важны» (о практике работы советского уголовного розыска в 1940–1950-е годы)

Рудова Ю.В. Лингвокультурная специфика репрезентирования телесности (на примере русского и английского юмористического дискурса)

Упоров И.В., Перлик М.И. Массовые неповиновения заключенных в исправительно-трудовых лагерях послевоенного СССР

№ 2

Беляева М.В. Конструкции апокойну как один из маркеров разговорности в немецком языке

Бронников В.Л. Трудовой путь капитана советского ледокольного флота Б.Н. Макарова.

Варакин В.С., Опенков М.Ю. Классическая и неклассическая эпистемология пещер (часть 1)

Вахтерова Е.В. Жанрово-видовые характеристики англоязычной исследовательской статьи: анализ содержательной макроструктуры разделов «Результаты» и «Обсуждение».

Гусева А.Е., Мальцев М.А., Шабанова В.П. Антонимические отношения фразеологических соматизмов английского и немецкого языков (на примере фразеологизмов с семантикой «речевая деятельность»)

Диунов М.Ю. Оценка законности отречения Николая II

Долин В.А. Латентная клерикализация государственно-конфессиональных отношений в Беларуси: формы и перспективы

Ефимов А.А. Создание правил пользования водопроводами в дворцовых городах Российской империи в конце XIX века

Лукьянов В.Ю. Постсоветское пространство в контексте отношений Россия – Запад: проблемы и перспективы

Неклюдова Е.А. Гендерные особенности грамматикона языковой личности регионального политика (на материале устных выступлений политических деятелей Вологодской области)

Николаев С.Г. Художественный перевод и политический режим: связи, узы, контроль, непокорство

Просолова Е.В. Страхи как социально-психологический феномен в кинопропаганде холодной войны

Соколова Ф.Х., Голдин В.И. Модернизация Русского Севера. Исторический опыт для будущей России

Хромцова Т.В. Опыт подготовки ремесленных кадров в общеобразовательных заведениях Российской империи в конце XIX – начале XX века (на материалах Архангельской губернии)

№ 3

Аббасалиев И.С. Роль транспортных коридоров в международном сотрудничестве (на примере Каспийского региона)

Бекмурзаева Ф.Ш. Национальная ментальность в зеркале происхождения репрезентантов орнитологических концептов в русском языке

Брянцев М.В. Советские газеты о переводе 9 июня 1923 года в Болгарии

Варакин В.С., Опенков М.Ю. Классическая и неклассическая эпистемология пещер (часть 2)

Губанов С.А. Атрибутивная лексика в творчестве М. Цветаевой

Горностаева Ю.А. Бинарные оппозиции «свой–чужой» и «самость–тождественность» в контексте репрезентации идей бодипозитива в испаноязычном сегменте Instagram*

Излученко Т.В. Роль архаичности в сознании религиозных экстремистов: социально-философский анализ

Макулин А.В. Социальные «оси координат» и координатное мышление в гуманитарных исследованиях

Митрофанов А.А. Восстание в Верхней Савойе в мае 1793 года

Памяти профессора В.А. Колосова

Прилуцкий А.М. Семиотика двойничества в современной эсхатологии

Родичева А.А. Первопризнаки заимствованного академического макроконцепта *UNIVERSITY*

Суздальцев И.А. Член Президиума Исполкома Коминтерна Э. Руднянский в работах зарубежных историков

Федуленкова Т.Н. Рассуждения о судьбе малых языков в глобализованном мире

Чеснокова Л.В. Телесная приватность: сущностные характеристики и визуальные практики защиты

№ 4

Артеменков А.А. Ноцефализация современного человека в условиях техногенно-городской среды

Архипова И.В. Актуализация таксисных ситуаций, локализованных/нелокализованных во времени (на материале немецких высказываний с предложными девербативами)

Верченкова В.В. Торжество Свободы: национальный праздник в честь возвращения Тулона (1793 год)

Голдин В.И. Памяти учителя: Владислав Дмитриевич Иванов (1929–2022)

Димитрова С.В., Кальдинова Г. П., Кярева М. А. Гуманитарное знание в современном мире
Иваненко А.И. Семиотические аспекты афганских татуировок

Калюжная О. В. Проекты борьбы с крестьянским пьянством в Российской империи в начале XX века

Котцова Е.Е., Попова Л.В., Марьянчик В.А. Из истории кафедры русского языка и речевой культуры САФУ (к 90-летию высшего педагогического образования в Архангельске)

Лукьянов В.Ю. Международные отношения начала XXI века. Тенденции и перспективы

Мазалова Н.Е. Петербург – «самый умышленный город на свете» в контексте современной петербургской мифологии

Мишагин П.А. Аналитическая постановка проблемы свободы в контексте социально-правовой аргументации

Мухин С.В., Ефремова Д.А. Клише в проповеди Вульфстана *Sermo lupi ad anglos* как явление фразеологии

Пигалев А.И. Метафора призрака в философии Жака Деррида

Тетенков Н.Б. «Тайна» псевдонимов Кьеркегора

Черновская М.С. Инклюзивный язык в художественном переводе (на материале переводов романа А. Кристи «Десять негрят») **№ 5**

Бакина А.Д. Интертекстуальный потенциал библейских фразеологизмов

Голдин В.И., Соколова Ф.Х. Архангельская область в системе подготовки специалистов в области международных отношений

Давтян Ю.В., Крюкова Е.В. Религиозная концептосфера современного политического дискурса в Латинской Америке

Дорожкин Е.Л. Геофилософия: краткое введение в «поэтическую» философию природы

*Социальная сеть Instagram запрещена в РФ; принадлежит компании Meta, признанной экстремистской организацией.

Дьяков А.В. Призраки Деррида: между дискурсом памяти и историей философии

Зашихина И.М. Актуальность проблемы как жизненный опыт: феноменологический взгляд на научные публикации

Климов О.Ю., Репневский А.В. К 70-летию нордиста Владимира Анатольевича Карелина

Колмогорова А.В., Маликова А.В. Моделирование специфики эмоционального восприятия интернет-текстов на русском языке русско-тувинскими билингвами в сопоставлении с русскими монолингвами: опыт экспериментального исследования

Кудряшова Е.В., Жгилева Л.А. Диссертационный совет САФУ 24.2.394.01: на пути к новым горизонтам

Мишкуров Э.Н., Новикова М.Г. Апория «переводимости–непереводимости» как объект дискурсивно-манипулятивных игр в современной теории и методологии перевода

Ненашева М.В. Феномен жизнестойкости в контексте глобальных вызовов современности

Памяти Юрия Павловича Окунева

Суханова Е.В. Концепция управления временем В.Н. Муравьева в эпоху антропоцена: диалог естественного и искусственного

Шаповалова Е.В. Мотив Голгофы в *chappelle ardente* Лотарингских принцев (1589 год)

Шуняков Д.В. Награждение сотрудников правоохранительных органов в СССР в период наградного дуализма (1922–1933)

№ 6

Басова Т.А. Отфразеологические составные лексемы английского и японского языков

с соматическим компонентом в сопоставительном аспекте

Верисова А.Д. Тибетская проблема в китайско-американских отношениях 2009–2012 годов

Голдин В.И. 100 лет СССР и 30 лет без СССР: уроки истории и современность (обзор)

Емельянова Е.Н. Сущность и причины войн в социал-демократической мысли XX–XXI веков

Железняк В.Н., Политов А.В. К вопросу об авторе и герое в философской антропологии М.М. Бахтина раннего периода

Касимов Р.Х. Нация и цивилизация: классические дистинкции

Лебедь Е.С. Проблема техники и технологизации современных процессов сквозь призму методологии Мартина Хайдеггера

Мурашова Е.А., Поленова Г.Т. Речевые средства коммуникативного контакта в современном русском языке

Нимаева Э.З. Предикативный синтаксис: норма и девиантность спонтанной речи (на материале бурятского языка)

Поросенков С.В. Принцип материального единства мира в мире плюрализма

Усов А.А. Триада «природа – человек – культура» в конструировании геокультурного пространства Русского Севера

Федуленкова Т.Н. Вопросы композиции текста

Мартин Э. Идея сверхчеловека в философии Ф. Ницше: новые ценности за гранью человечности

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

Авксентьев В.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий лабораторией конфликтологии Федерального исследовательского центра «Южный научный центр РАН» (г. Ростов-на-Дону);

Актамов И.Г., кандидат педагогических наук, заведующий лабораторией «Центр переводов с восточных языков» Института монголоведения, буддологии, тибетологии Сибирского отделения РАН (Республика Бурятия, г. Улан-Удэ);

Бхагват Джавахар Вишну, PhD (History), доцент кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Гагкуев Р.Г., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра военной истории России Института российской истории РАН (Москва);

Ганин А.В., доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории славянских народов периода мировых войн Института славяноведения РАН (Москва);

Гутовская М.С., доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языковедения Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, г. Минск);

Данилова М.И., доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина (г. Краснодар);

Ерахтин А.В., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социально-гуманитарных дисциплин Ивановского государственного политехнического университета;

Ермакова Е.Н., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры филологического образования Тюменского государственного университета;

Завьялова Г.И., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, культурологии и социологии Оренбургского государственного университета;

Замятин Д.Н., доктор культурологии, доцент, главный научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва);

Канинская Г.Н., доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова;

Коваль Е.А., доктор философских наук, профессор кафедры уголовно-процессуального права и криминалистики Средне-Волжского института (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (Республика Мордовия, г. Саранск);

Кузьминых А.Л., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики ФСИН России;

Курбакова С.Н., доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка № 1 Московского государственного института международных отношений;

Макулин А.В., доктор философских наук, доцент, директор Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Мальцев К.Г., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии науки Белгородского государственного технологического университета им. В.Г. Шухова;

Осовский О.Е., доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Мордовского государственного педагогического университета имени М.Е. Евсевьева (Республика Мордовия, г. Саранск);

Поликарпов А.М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой лингвистики и межкультурной коммуникации Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Седых А.П., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкого и французского языков Белгородского государственного национального исследовательского университета;

Федотова М.Г., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «История, философия и социальные коммуникации» Омского государственного технического университета;

Цыренов Б.Д., доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела языкознания Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (Республика Бурятия, г. Улан-Удэ);

Черных С.С., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социальные и гуманитарные науки» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова (Ростовская обл., г. Новочеркасск);

Шмаков В.С., философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН (г. Новосибирск).

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”» содержит публикации по основным направлениям научно-исследовательской работы в области языкознания, философии, а также истории и археологии.

Общие требования

Тексты предоставляются в электронном виде. Для этого необходимо зайти на сайт журнала <https://vestnikgum.ru/> и, нажав на кнопку «Отправить материал», перейти на редакционно-издательскую платформу, куда можно будет после регистрации загрузить статью и сопроводительные документы. Необходимо указать отрасль науки и специальность (шифр и название), по которым выполнено научное исследование.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением *.doc. В имени файла указываются фамилия, инициалы автора.

Параметры страницы

Формат А4. Поля: правое, левое – 25 мм, верхнее, нижнее – 20 мм.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ – 10 мм. Межстрочный интервал – полуторный. Порядковые номера страниц проставляются по середине верхнего поля страницы арабскими цифрами.

Шрифт

Times New Roman. Размер кегля (символов) – 14 пт; аннотации, ключевых слов – 12 пт.

Объем статьи

Максимальный объем статей: 10–15 страниц, обзорных статей – до 20 страниц.

Сведения об авторе

Указываются на русском и английском языках фамилия, имя, отчество автора (полностью); ученая степень, звание, должность и место работы (кафедра, институт, университет). Общее количество научных публикаций, в т. ч. отдельно указать количество монографий, учебных пособий; рабочий адрес с почтовым индексом; тел./факсы (служебный, домашний, мобильный), e-mail.

ORCID

В сведениях об авторах также необходимо указать международный авторский идентификатор ORCID в формате интерактивной ссылки <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>. Если у автора нет номера ORCID, его необходимо получить, зарегистрировавшись на ресурсе orcid.org. В профиле обязательно должна быть указана минимальная информация: место работы, ученая степень, должность.

Индекс УДК

Располагается отдельной строкой слева перед заглавием статьи. Индекс УДК (универсальная десятичная классификация) должен соответствовать заявленной теме, проставляется научной библиотекой.

Заглавие	Помещается перед текстом статьи на русском и английском языках. Используется не более 11 слов.
Резюме	<p>Предоставляется на русском и английском языках (кроме статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография»). Резюме должно быть:</p> <ul style="list-style-type: none"> – информативным (не содержать общих фраз); – оригинальным; – содержательным (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); – структурированным (следовать логике описания результатов в статье); – компактным (укладываться в объем от 200 до 250 слов).
Аннотация	Авторы статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография» предоставляют аннотацию (объем 50–100 слов).
Ключевые слова	После резюме (аннотации) указывается до 6–8 ключевых слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.
Примечания и комментарии	Примечания, комментарии, ссылки на сайты (если это не книга, сборник, нормативный документ, статья и т. п. в электронном виде) даются в виде подстрочных сносок (внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра (нумерация сквозная).
Библиографические ссылки	<p>Библиографические ссылки на использованную литературу оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 (п. 7 «Затекстовая библиографическая ссылка»).</p> <ul style="list-style-type: none"> – Подпункт 7.4.1 – ссылка на текст. <i>Например:</i> в тексте: Общий список справочников по терминологии, охватывающий время не позднее середины XX века, дает работа библиографа И.М. Кауфмана [59]; в списке литературы: 59. <i>Кауфман И.М.</i> Терминологические словари: библиография. М., 1961. – Подпункт 7.4.2 – ссылка на фрагмент текста. <i>Например:</i> в тексте: [10, с. 81], [10, с. 106] и т. д.; в списке литературы: 10. <i>Бердяев Н.А.</i> Смысл истории. М., 1990. 175 с.
Рисунки, схемы, диаграммы	Принимается не более 4 рисунков (черно-белых). Рисунки, схемы, диаграммы приводятся в тексте статьи и предоставляются отдельными файлами. Схемы выполняются с использованием штриховой заливки. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах *.tiff, *.tif (Grayscale – Оттенки серого, 300 dpi). Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например (<i>рис. 2</i>). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, подпись и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений.

Таблицы

Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах должны также иметь тематические заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.12–2011 (касается русских слов), 7.11–2004 (касается слов на иностранных европейских языках). Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

- Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала. Электронные варианты отредактированного текста авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.
- Все статьи отправляются на независимую экспертизу и публикуются только в случае положительной рецензии. Редакция оставляет за собой право производить необходимые уточнения и сокращения.
- Статьи публикуются на бесплатной основе.
- Для отправки статьи воспользуйтесь кнопкой «Отправить материал» на сайте нашего журнала <https://vestnikgum.ru/>

Тел.: (8182) 21-61-21; e-mail: vestnik_gum@narfu.ru, vestnik@narfu.ru

- Редакция принимает предварительные заявки на приобретение номеров журнала.

На электронную версию журнала можно подписаться через каталоги:

«Урал-Пресс» http://www.ural-press.ru/catalog/97209/8650495/?sphrase_id=328736

«Пресса по подписке» <https://www.akc.ru/search/>

Свободная цена.